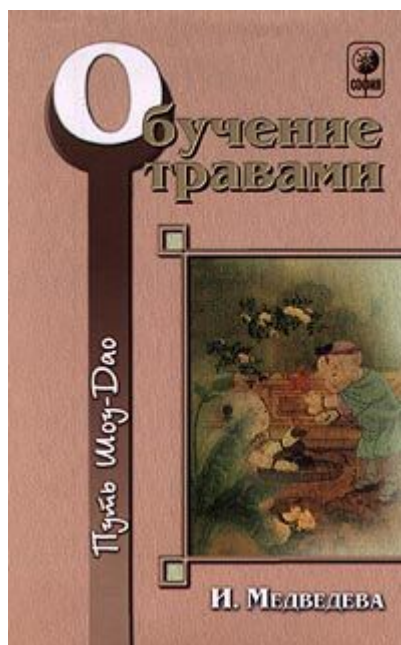

Александр Николаевич Медведев, Ирина Борисовна Медведева

Обучение травами

Путь Шоу-Дао – 4

Аннотация

Книга "Обучение травами", четвертая книга в серии "Путь Шоу-Дао", знакомит читателей с еще одной гранью искусства членов тайного даосского клана Шоу-Дао – обширным и разнообразным арсеналом лечебных воздействий, отвечающих одной из основных целей «Спокойных» – достижению бессмертия физического тела.

Александр Медведев, Ирина Медведева Обучение травами

Мудрость не есть свойство могучего ума, это лишь способность превращать сложное в простое...
Ли Н.

Болезни – это проблемы мировоззрения.
Ли Н.

Дорогие друзья! Представляя вам четвертый том серии "Путь Шоу-Дао" – "Обучение травами", я хотел бы в очередной раз напомнить, что события, о которых повествует эта книга, были связаны с периодом моего ученичества у Ли Н, несравненного мастера рукопашного боя и Хранителя Знаний тайного китайского клана Шоу-Дао – «Спокойных» или «Бессмертных», и записаны с моих слов моей женой.

С наилучшими пожеланиями.
А.Н.Медведев.

Предисловие

Эта книга познакомит вас с еще одной гранью искусства Спокойных, с темой, которая, смею надеяться, заинтересует многих из вас. Арсенал лечебных воздействий Шоу-Дао необычайно обширен и разнообразен, недаром в качестве одной из основных своих целей воины жизни выбрали достижение бессмертия физического тела или, по крайней мере, стремление к неограниченному продлению своего существования.

Можно спорить о том, возможно или нет физическое бессмертие, это в некотором роде как вера в бога – никто не получил полностью достоверных доказательств существования Бессмертных, но кто-то, тем не менее, верит в возможное бессмертие тела, или, по крайней мере, души, а кому-то подобная идея покажется абсурдной.

Учитель утверждал, что некоторые Посвященные клана действительно добились физического бессмертия и что многие члены клана владели искусством омоложения и значительного продления своей жизни. Возможно, его утверждения о физическом бессмертии были очередным трюком ложного знания, трюком, стимулирующим интерес и повышенную мотивацию к следованию по пути Спокойных у ученика. В этом вопросе я не могу дать однозначный ответ «да» или «нет» и, следуя срединному пути, предпочитаю верить в то, что слова Учителя о физическом бессмертии имели под собой реальные основания.

Поскольку многое из того, что демонстрировал мне Ли в процессе моего ученичества, в значительной мере превосходило все мои представления о границах человеческих возможностей, я не могу исключить вероятность того, что некоторые мастера клана, в течение тысячелетий изучающего и совершенствующего искусство продления жизни, люди, посвятившие всю свою жизнь, буквально с момента рождения, стремлению к достижению духовного и физического совершенства, действительно обрели способность полностью регенерировать клетки своего организма и неограниченно продлевать свою жизнь.

В чем я могу быть абсолютно уверен – так это в том, что многие техники Шоу-Дао действительно в значительной мере способствуют физическому омоложению и укреплению организма. В этом я неоднократно убеждался, в частности, на примере учеников, посещающих мои семинары.

Следствием растущей популярности Шоу-Дао стало появление впечатляющего количества анекдотов об А. Н. Медведеве и учении Спокойных, так что, возможно, в будущем у меня даже появится шанс посостязаться в этом смысле с Василием Ивановичем и Штирлицем. В основном анекдоты связаны с темами рукопашного боя, но некоторые из них касаются и оздоровительных методик. Я приведу один из подобных анекдотов.

Приехал в Москву грузин на семинар к Александру Николаевичу и говорит:

– Я слышал о ваших методиках работы с сексуальной энергией. Говорят, что техники "Спящей собаки" творят чудеса. У меня любимая девушка совсем больна, доктора говорят, умереть может. Научите меня, пожалуйста, что мне делать.

Медведев показал ему даосские сексуальные техники, объяснил, как вылечить девушку, и пообещал на следующий день зайти к ним в гостиницу, посмотреть на результа-

ты.

На следующий день приходит Александр Николаевич в гостиницу и видит: девушка выздоровела, радостная такая, смеется, а грузин сидит в уголке и плачет.

– Что же ты плачешь? – удивился Медведев. – Ведь девушка твоя выздоровела!

– Как же мне не плакать, – ответил грузин. – Если бы я приехал к вам раньше, и мой отец, и дед были бы живы!

Мне бы хотелось процитировать письмо, которое я получил не так давно от одного из участников семинаров, проживающего в Севастополе.

Уважаемый Александр Николаевич!

Я не могу даже предполагать, насколько интересным для Вас может быть данное сообщение. И решил я на него только потому, что не знаю никаких достоверных аналогов на этот счет.

А вот что так не бывает, знают все...

А может, и в самом деле "печенка забарахлила – вот волосы и чернеют местами"?

Рассчитывать, что вы помните степень моего облысения и поседения, я не решаюсь.

Поэтому:

1) собрал свидетельства очевидцев,

2) сделал фото 13.02.98. Усы и борода отпущены для контроля.

Сознательное и целенаправленное воздействие на состояние волос я начал с августа 1997 г. по методикам Шоу-Дао – массаж, медитации, психофизические упражнения.

Теоретически программа опирается на "Классическую методологию традиционной китайской чжень-цзю терапии" А. Фадеева.

К январю 1998 г., когда рост темных волос, и особенно по периметру облысения, стал очевидным буквально, и я начал интересоваться об этом у знавших меня ранее, стало ясно, что, если факт изменений не зафиксировать, а процесс будет продолжаться в том же темпе, через несколько месяцев никто уже не поверит, да и не вспомнит, что до этого (чуть ли не 10 лет) волосы только седели и редели, а площадь лысины только увеличивалась.

Но уже и сейчас правильность учения Шоу-Дао о здоровье подтверждается самым наглядным образом. Причем пенсионный возраст не позволяет (по-моему) связывать эти изменения с какими-то случайными колебаниями в состоянии здоровья.

Надеюсь, что время подтвердит верность догадки о «прицельном» использовании теории меридианов.

И вообще, не является ли это частью перехода ко второму пути?

Извините за беспокойство. Желаю Вам, Александр Николаевич, и Вашим единомышленникам хорошего здоровья и успеха.

Новохацкий В.П. 12.03.1998 г.

К письму были приложены следующие свидетельства очевидцев:

С июля 1996 г. Валерий Петрович Новохацкий (1939 г. рождения) работал совместно со мной, т. е. я имел возможность наблюдать его достаточно часто. Налицо были изменения возрастного характера: уменьшение волосяного покрова на голове (60–70 процентов), изменение его цвета (поседение почти на 100 процентов), возрастные пигментные пятна на коже.

Освидетельствование проведено 11.04.98 г. Объективно:

1) Увеличилась площадь головы, покрытая волосами;

2) Отмечаю явное потемнение волос на голове, усах, бороде;

3) Пигментные возрастные пятна уменьшились в интенсивности, а мелкие исчезли;

4) Улучшилось общее состояние кожи лица, виден эффект омоложения.

Директор массажно-косметического кабинета «Васкэт» В. А. Семенов 11.04.98 г.

Свидетельство происшедших изменений во внешнем виде.

Я, Фазилахметов Фауль Миннахметович, проживающий в г. Севастополь, знаю Новохацкого Валерия Петровича с 1985 г., знаю его голову, т. е. волосы на голове, т. к. я его неоднократно подстригал. В тот период было облысение, седина была на 60 процентов. В

1987 г. он вышел на пенсию, в тот период облысение увеличилось, седина достигла 75 процентов. До апреля 1996 г. я постоянно подстригал его волосы. В 1996 г. седина достигла почти 99 процентов.

В 1997 г. я заметил, что его волосы у корней темные. Виски потемнели. Борода и усы тоже темные. Для меня, видевшего его седым, все это казалось странным.

Облысевшая часть головы стала покрываться темными волосами. Это было 4 февраля. Сегодня, 11.02.1998 г., когда он пришел за этим документом, я еще раз убедился в том, что происходят изменения.

Ф. Фазилахметов 11.02.98 г.

Еще три свидетельства, приложенные к письму, я счел излишним цитировать, поскольку в них подтверждались те же самые факты.

Очевидный факт омоложения, показавшийся столь удивительным Валерию Петровичу, на самом деле является естественным и достаточно обыденным явлением при регулярной практике некоторых техник Шоу-Дао. Явственные симптомы омоложения, в том числе потемнение волос и рост волос в зоне облысения, наблюдались у ряда моих учеников, посещавших семинары по теории управления сексуальной энергией (техники "Спящей Собаки").

Я уже упоминал в моих предыдущих книгах, что перед переходом ко второму пути группа семидесяти пяти-восьмидесятилетних членов клана Спокойных уходила в пустынную местность, как правило в горы или в лесные массивы, куда за ними являлся посланник второго пути, который отводил их в тайную обитель, где группа завершала первый путь и получала знания о втором. После обучения люди изменялись до неузнаваемости, по внешнему виду им невозможно было дать больше сорока пяти-пятидесяти лет. Им, чтобы изменение их внешнего вида не вызвало нездоровое любопытство у местного населения, давались новые имена, сочинялись новые легенды их жизни и определялась новая страна, в которую они должны были переселиться, продолжая традиции Шоу-Дао.

Естественно, что рассказ Учителя о столь эффективных методах омоложения произвел на меня глубокое впечатление, и я в течение почти всего своего ученичества приставал к нему с просьбами открыть мне секреты омолаживающих техник. Незадолго до того, как мы расстались на длительный срок. Ли сказал, что на прощанье он хочет сделать мне подарок. Его подарок заключался в детальном описании шагов, которые я должен был предпринять для того, чтобы полностью очистить и омолодить свой организм. К сожалению, до сих пор я не имел возможности испытать в действии весь комплекс омолаживающих техник. Основной причиной тому была нехватка времени. Для того чтобы упражнения действительно привели к желаемому результату, требовалась регулярная и упорная работа в течение нескольких лет. Другим условием была необходимость работать в группе подготовленных людей обоих полов, знакомых с методами управления сексуальной энергией и другими шоу-даосскими психофизическими упражнениями.

К сожалению, ситуация, сложившаяся в России, столь сложна, что, похоже, в ближайшем будущем будет невозможно выкроить время и подобрать людей, обладающих необходимыми навыками, временем и возможностью посвятить несколько лет практике техник омоложения. Однако я не оставляю надежды на то, что когда-нибудь в более светлом будущем мне удастся опробовать на практике методику, показанную мне Учителем, и на основе групповых занятий написать книгу о шоу-даосских методах омоложения человеческого организма.

Как ни странно, именно третий том повествования о моем ученичестве в лоне даосского клана Спокойных – "Обучение женщиной", выпущенный к тому же, в связи с экономическим кризисом, меньшим тиражом, стал своеобразным катализатором, заставившим многих мужчин и женщин принять окончательное и бесповоротное решение посвятить свою жизнь изучению философии, медицинских знаний и воинских искусств клана Шоу-Дао.

Многие из новых учеников, люди солидные и серьезные, рассказывали мне о том, что уже давно следили за выходом в свет книг и видеофильмов, рассказывающих об учении Спокойных, но почему-то именно третий том придавал им достаточно решимости встать на Путь Учения.

Еще одной неожиданностью для меня стал небывалый приток девушек и женщин, что было особенно приятно, поскольку до написания третьего тома численный перевес среди изучающих Шоу-Дао был явно в пользу мужской половины населения.

Существенно активизировалось и спонтанное создание групп по изучению Шоу-Дао как в Москве, так и в других городах, на основе живущих по соседству единомышленников. Участились и приезды «ходовков» с периферии нашей Родины, включая и ближайшее зарубежье. Многие из них,

уже при первой встрече, тут же с места в карьер начинали засыпать меня вопросами, заглядывая в объемистые и потрепанные тетради.

Все это, безусловно, не только радует, но и накладывает на авторов дополнительный груз ответственности, подстегивая желание продолжить столь успешно начатую работу по сохранению и распространению древних и в то же время удивительно созвучных современности знаний одного из тайных кланов Востока, знаний, которые уже принесли людям огромную пользу и которые, как я надеюсь, смогут придать новый импульс к самосовершенствованию сотням и тысячам людей, интересующихся эзотерическими учениями.

Уже готовится к выходу в свет пятый том серии "Путь Шоу-Дао" – "Обучение чувствами", ведется работа над шестой и седьмой книгами – "Обучение действием" и "Обучение Учительством". Кроме того, продолжается работа над серией "Технология счастья", книги которой, как хотелось бы надеяться, помогут нашим согражданам пережить эпоху кризиса, пребывая в хорошем настроении, радуясь жизни и поддерживая свой оптимизм с помощью несложных, но эффективных даосских психотехник.

Так что наша очередная встреча на страницах "Обучения травами" является далеко не последней, что, как мы надеемся, радует не только авторов, но и вас, дорогие читатели.

И в заключение мне бы хотелось привести еще несколько писем и выдержек из дневников моих учеников, в которых описывается их весьма интересный практический опыт, приобретенный во время практики психотехник Шоу-Дао.

"По интуиции я выбрал поляну с мощной березой, расслабился и, навалившись на дерево руками, внутренне прислушался. Тугая волна энергии, начиная с низа живота по переднесрединному каналу, пошла вверх, делая изгиб в области груди в правую сторону, и достигла лица. Я как бы уперся в невидимую стену. Голова стала заваливаться назад, а живот притягиваться к дереву.

Мой позвоночник с непонятно-оргазмической болью прогнулся максимально назад, пытаюсь вытянуться в длину. Началась волна, живот то отталкивало от дерева, притягивая голову, то наоборот. Я чувствовал разрастание энергии внутри меня, и вот уже движения туловищем сменились на движения тазом по часовой и против часовой стрелки. Забегая вперед, хочу отметить, что на протяжении «сеанса» энергия заставляла организм выполнять хаотичные и непонятные для меня движения, переходя с быстрых на медленные, а затем взрываясь еще более мощными движениями. Испытываемое мною оргазмическое переживание порою было настолько сильным, что я не хотел выходить из него.

Движения тазом стали затихать, как вдруг более мощный поток энергии вызвал во мне вибрацию. Меня сотрясало от движений, плечи передергивались в разные стороны, я отчетливо ощутил позвоночник и таз. Стопы ног напряглись, и раз за разом выбрасывали меня вверх. Позвоночник иногда прогибался назад, и настолько сильно сжимался, напрягаясь, что где-то мелькнул испуг от происходящего. Вибрация заканчивалась, переходя в медленные движения, я почувствовал себя легким и разобранным. Непонятное чувство блаженства заполнило меня, впервые в жизни я наслаждался собой.

Так долго не появлявшееся в последние дни солнце неожиданно выглянуло из-под темной тучи, яркий свет залил меня, вновь вызвав гамму ярких переживаний.

Неожиданно для меня голову стало притягивать лысиной к дереву. Лысина начала с силой вдавливаться в дерево, совершая движения по часовой и против часовой стрелки. Казалось странным, но боли я не чувствовал. Временами вдавливание было таким, что я испытывал боль, смешанную с чувством оргазмического переживания в лысине.

Взяв свое, лысина отлипла от дерева и уже лоб плотно прилип к нему. Я почувствовал прилив энергии в глазах и лбу. Вдруг глаза так сильно сжались, что мне казалось, они вот-вот лопнут от напряжения.

Напряжение спадало, я приходил в себя, как вдруг мои руки, до этого момента будто приклеенные к дереву, резко обхватили его, и я стал с невероятной силой сжимать его. Было впечатление, что туловище пытается войти в дерево, мне показалось, что от напряжения я начал издавать какие-то звуки.

Не сразу, но медленно я стал расслабляться, отпуская руки, дыхание стало приходить в норму, и тут меня развернуло спиной к дереву. Затылок и задняя часть туловища, вдавливаясь, терлись о него. Насытившись энергией, спина стала отлипать, и в этот момент правая нога поднялась вверх, стопа вытянулась. Нога сильно напряглась, вызвав

вибрацию. Мне показалось, что я не прилагаю усилий, чтобы удержать ногу на весу. Было чувство, что нога пытается от чего-то освободиться. То же самое произошло и с другой ногой. Был лишь момент, когда ноги сходились вместе и колени стучали друг о друга.

Работа с деревом закончилась так же неожиданно, как и началась. Я почему-то резко хлопнул руками по дереву и, почувствовав себя свободным, отошел от него. Стояла хмурая, дождливая погода. Солнце вновь скрылось за тучами, но я этого не замечал, на душе было светло и радостно".

В.К.

В следующем письме описывается опыт другого рода, возникший, тем не менее, на базе тех же самых техник "Спящей собаки". Эта ученица первой ступени Шоу-Дао от природы обладала хорошей интуицией и чувствительностью. Упражнения "Спящей собаки" активизируют многие скрытые способности и задействуют некоторые обычно не используемые резервы человеческой психики, в том числе, повышая общую чувствительность организма, они, особенно в сочетании с изучением техник целительства, в значительной степени повышают способности к бесконтактной диагностике и лечению людей.

"Мы отдыхали после очередного упражнения "спящей собаки". Уже начали лениво переговариваться, но вставать еще не хотелось. Постепенно перед моими закрытыми глазами появилось что-то вроде карты с точками разного цвета. Я поняла, что вижу картину тела моей партнерши.

Я описала ей то, что увидела, и оказалось, что многие точки совпадают с больными или требующими воздействия зонами. После "внутреннего осмотра" двух человек я очень устала и следующие полчаса проспала. Новое умение мне очень понравилось, и я стала его развивать. Довольно скоро мне уже не требовались занятия "спящей собакой", чтобы активизировать видение. Нужно было только быть голодной и не уставшей.

Это упражнение отбирало очень много сил, и после просмотра, например, спины пациента я почти сразу погружалась в полудремоту на час. Сон и еда помогали восстанавливать силы. Уже на этом этапе овладения данным видом диагностики были очень интересные результаты. Уточню, что с развитием этой способности я стала видеть не только точки, но и целые зоны в цветах и ощущениях. Я не всегда понимала, что значит та или иная картинка, но иногда сами пациенты давали мне совершенно неожиданные пояснения.

Одного из первых пациентов я смотрела бесконтактно (иногда мне так было удобнее). Закрыв глаза, я вела рукой над передней поверхностью тела пациента и комментировала для партнера ощущения и цвета. В один из моментов я заявила, что под рукой чувствую болото, аморфную темно-зеленую массу с вкраплениями полностью неподвижных черных участков, уходящих вглубь.

Когда я открыла глаза, то увидела, что рука находится над нижней частью живота. Оказалось, что у пациента простатит в стадии обострения и большие проблемы с потенцией. Все это на фоне избыточного веса. Вот вам и "болото"!

Осматривая одного пожилого человека, я обратила внимание на абсолютно разные ощущения от его ног. На одной из них смена красок и ощущений была более-менее привычной мне. Это не говорило о полном здоровье, но позволяло предположить обычный набор старческих заболеваний. А вот другая нога в привычную схему не вписывалась. На пятке было четкое опущение мешанины холода и тепла на фоне ультраголубого цвета с более синими пятнами. Над коленом я увидела более черный карман, который переходил в подобие канала или тоннеля и заканчивался другим карманом в верхней части бедра.

Оказалось, что у этого человека было ранение, и пуля прошла именно так, как я показала. От этого ранения нога стала мгновенно реагировать на погоду, и полностью искалась терморегуляция, особенно нижней части ноги".

С.Н.

В следующем письме мы встречаемся уже с другим аспектом техник работы с сексуальной энергией – аутодвижениями и автоматическими (бесконтрольными) ударами.

"Я выполнял руками циркуляционные круги. Энергия приятно перемещалась по ру-

кам, отдаваясь в туловище. Я отстраненно наблюдал, как руки,двигаемые энергией, непроизвольно совершали движения по кругам, переходя из плавных в быстрые, то вдруг напрягаясь в какой-то зоне, выворачиваясь при этом до боли в мышцах. Движения усиливались, руки совершали порой резкие удары. Этим летом в августе я, забрав из университета свою команду, выехал в Алтынновский лес на десятидневные сборы, где я проводил дневные и ночные тренировки. Циркуляционные круги я открыл для себя именно ночью, совершая за тренировку не сотни, а тысячи движений по кругам.

Я неожиданно присел. Моя напрягающаяся почти до боли правая рука стала с такой яростью (форма крыла) наносить удары сбоку, что, окажись на этом месте человек, я бы наверняка его убил (по крайней мере, у меня было такое чувство). Руки, ноги, туловище, сознание, ярость – все слилось воедино, я впервые почувствовал себя бойцом.

Выдохшись, я перешел на медленную форму работы, как вдруг голова подалась вперед, наклонившись, а руки совершили такую серию прямых, мощных ударов, о которых я и не подозревал. С этого момента круги приобрели для меня другое значение. Тренировку я закончил медленными, успокаивающими организм движениями.

На следующую ночь я повторил работу по кругам, но уже без столь ярких переживаний. Я уже заканчивал работу руками, насытившись энергией, как снова неожиданно для меня облако энергии из туловища, содрогаясь, сквозь таз вошло в ноги.

Легкость, необычная легкость заполняла мои ноги. Наверное со стороны это казалось странным, но после притоptyвания ногами по земле я пустился в пляс. Стопы с какой-то яростью стучали по земле, ударяя по воздуху то внутрь, то наружу. Иногда я вытягивал ногу в сторону, напрягая ее до боли, а то и до спазмов мышц. Я чувствовал потоки оргазмических переживаний в мышцах. Я чувствовал себя хорошо.

Какая-то сила толкнула меня к дереву, и я, подойдя к березе, стал наносить удары стопой, все увеличивая их силу и скорость. Как ни странно, но боли я не чувствовал, а начал испытывать оргазм, удовлетворение от ударов ног. Удары ног становились все выше, было чувство, что ноги пытаются растянуться. Закончив тренировку ногами, я прислонился руками к этому же дереву и провел вибрацию по всему организму.

Спустя пять минут я попросил партнера атаковать меня и вдруг с удовлетворением заметил, что руки не просто отводят его атаки, но и сами проникают в открытые зоны противника. Когда я сам перешел в атаку, то обнаружил, что руки, легко обходя препятствия, входят в зону противника.

Спустя неделю после сборов поздно вечером я сидел у телевизора. Необъяснимое чувство заставило меня одеться в тренировочную форму и выйти на улицу. Я вышел в огород и, окруженный темнотой, стал выполнять циркуляционные упражнения. Руки, наполненные энергией, буквально летали по воздуху. Я, представив мнимого противника, крутился вокруг оси, руки, словно выискивая противника, создавали защитный каркас из движений, внутренняя часть кистей была повернута наружу. Руки рассекали воздух спереди, по бокам, неожиданно они зашли за спину. Энергия нарастала. Я уже занимался тридцать-сорок минут, когда руки, поднявшись выше уровня плеч, напряглись, вытягиваясь и вызывая приятные переживания в организме.

Неожиданно запястье правой руки напряглось до боли, а кисть загнулась внутрь. Судорога была такой сильной, что левая кисть непроизвольно схватила запястье правой руки и с остервенением стала ее разминать.

Закончив работу рук, я перешел к ногам. После облачных движений удары ногами перешли в верхний уровень, пытаюсь максимально вытянуться вверх, при этом в натянутых мышцах появился оргазм. Неожиданно для себя я сел на шпагат и стал тянуться. Судорожное состояние мышц, боль и оргазм – все перемешалось с энергией, вызывая приятные переживания. Ладонь правой руки прилипла к натянутым мышцам ног и стала их быстро растирать.

Закончив растяжку, я встал, перекатываясь с пятки на носок, слегка подпрыгнул. Легкая вибрация пробежала по только что натянутым мышцам ног, вызвав там приятный оргазм. Вибрация усиливалась, переходя по мышцам вверх и захватывая меня всего. Я почувствовал себя разобранным и очень легким, готовым взорваться ударами. Вибрация перешла в голову, голова сотрясалась от движений по часовой и против часовой стрелки, челюсть отвисла.

Сильный жар и тяжесть появились в затылке. Мои руки взметнулись вверх, я, потя-

нувшись на носках, вытянулся вверх, переживая сильный оргазм. Руки, вытянутые к небу, напряженные пальцы в форме «купола», прогнутае назад тело, ноги – все содрогалось в вибрации, я почти подпрыгивал стопами, вновь переживая оргазм и не желая выходить из него.

Звезды, много звезд в темной ночи смотрели на меня, я только сейчас их заметил, проникнувшись к ним чем-то хорошим.

Подойдя к березе и проделав работу по энергии, я почувствовал, как стопа тянется к дереву. Упершись стопой в березу, я снова неожиданно для себя стал растягивать связки ног, потирая руками натянутые мышцы.

Старший преподаватель кафедры физвоспитания и спорта Пермского государственного университета Тутынин Н. А. (курсант-заочник) 16.10.19981:

В следующих заметках, написанных инструктором Шоу-Дао, живущим в Казахстане, описывается его опыт по устойчивой активизации сексуальной энергии и спонтанном перемещении по его телу целительных оргазмических потоков ци.

"Я занимался цигун "Железная рубашка", следуя всем инструкциям в книге Мантэк Чиа уже около пяти месяцев, но по правде говоря, во все эти энергии не очень верилось, вернее, воспринималось, как нечто мне недоступное и мало понятное. Да, успехи, конечно, были, но успехи как бы внешние, как мне казалось.

Тело со временем перестало осознаваться как набор рук, ног и других составных частей, появилось ощущение уверенности и силы, но вот циркуляция ци по микрокосмической орбите было, как русские народные песни в опере. Все началось с того, что в один прекрасный день появилось чувство прохлады и покалывания, зуда и ощущения, как будто кто-то дул на меня снизу, так что мне захотелось посмотреть вниз и проверить, есть ли там кто или нет. Это было самое неприятное, потому что казалось, что я – сумасшедший идиот, у которого упала планка.

Так повторялось несколько дней подряд, а потом мне показалось, что из этой точки начинает вытекать что-то прохладное. Тут я вспомнил, что есть какие-то не то ворота, не то створки, которые должны быть закрыты, и попытался это сделать, но из этого ничего не вышло, вытекание продолжалось, и, мало того, это продолжалось даже более недели.

Даже если я был занят повседневными делами, это ощущение не пропадало, менялась интенсивность, иногда оно было ярко выражено, иногда едва заметно. Потом это ощущение вытекания пропало на некоторое время, так что я уже начал забывать об этом, но не тут-то было.

Однажды во время занятия ощущение прохлады повторилось, но, к моему удивлению, не осталось, как раньше, в точке хуэй-инь, а перетекло на копчик, оттуда в центр крестца и затем к точку мин-мэй, то есть к середине, к подвижной части поясницы, оттуда к почкам, укутывая их. Некоторое время энергия накапливалась, а потом, распространяясь вбок по поверхности тела вдоль талии, переместилась в пупок, так что мне показалось, что со щелчком на меня одели железный пояс, который приятно охлаждал кожу.

Постепенно из этого пояса сформировался диск, который вибрировал и гудел. Создавалось впечатление, будто некая энергетическая субстанция поднималась из точки хуэй-инь и скапливалась в этом диске, заставляя его вибрировать и гудеть все сильнее и сильнее. Давление от накопления энергии в диске возрастало, и почему-то казалось, что я стою в лесу на своей тренировочной площадке и чувствую весенние запахи леса, чувствую приятную прохладу и свежесть, которые исходят от всего, что меня окружает, вижу сказочную картину, сотканную из весенних лучей солнца, первой зелени, стволов высоких сосен и теней, которые переплелись в волшебную сеть.

Состояние этой весны постепенно передалось всему телу, и я почувствовал, как нечто приятное и теплое поднялось по позвоночнику и легло на голову. У меня возникло ощущение, что это мать подошла и положила мне на голову свою нежную и теплую руку. Стало вдруг грустно, я едва не заплакал где-то там, глубоко внутри себя. И тут до меня дошло, что это и есть та энергия, о которой я читал, и я испугался от этого неожиданного открытия, от этого по спине с двух сторон от позвоночника прошла волна горячей энергии и ударила по ушам так, что я вспотел, вернее, создало такое впечатление.

Вспомнив слова Учителя о том, что ничему не надо удивляться и ничего не надо пу-

гаться, я постарался взять под контроль свой испуг, с решительностью камикадзе – будь что будет, и почувствовал, что энергия активизировалась по передней линии тела от основания пениса до точки между бровей. Воодушевленный достигнутым, я немного успокоился, и через некоторое время по бокам от средней линии тела двумя широкими полосами начала не спеша подниматься теплая волна, отчего создалось впечатление, будто я стою по горло в теплой воде. Вдруг я понял, что делаю почти то же, что описал Учитель А.Н. Медведев в своей книге "Тайное учение даосских воинов". От осознания этого я пережил радугой эмоций, от чувства испуга до чувства уверенности в себе и правильности выбранного пути.

Диск, находящийся на уровне пупка, начал вращаться, и меня охватили с головы до ног мощные потоки энергии, которые возникли соответственно моим эмоциональным переживаниям. Через небольшой промежуток времени энергия стала скапливаться в голове, отчего она загудела и запульсировала в точке бай-хуэй. Эта пульсация начала постепенно распространяться на всю голову, затем передалась в руки, а потом в ноги через тело. От этого начали гудеть точки юн-цюань, и возникла пульсирующая волна, поднимающаяся по ногам, по спине обратно в голову, через руки, и получилось как бы две встречные пульсирующие волны. В течение дня меня по-прежнему не покидали эти ощущения, я наслаждался тем, что могу их вызывать по своему желанию. Целый день меня не покидало чувство, будто я обрел нечто большое и ценное, но непонятно, что именно. От этого возникло ощущение, будто я знаю, что такое только что родиться и видеть мир таким, какой он есть.

Р.С. Эти строки заставили меня пережить все заново. Учитель, вы очень хитры!"

А. Хазеев

В процитированных выше отрывках из писем и записей моих учеников приводится самый разный опыт. Кто-то неожиданно для себя обретает способность видеть заболевания и осуществлять бесконтактную диагностику, кто-то погружается

в поток целительных и омолаживающих оргазмических ощущений, вызванных произвольным перемещением по телу сексуальной энергии, кому-то открывается техника аутодвижений и бесконтрольных ударов.

Многие люди, читая наши книги, полагают, что для них, в их обыденной жизни, нереально пережить ощущения, подобные описанным в серии "Путь Шоу-Дао", или считают психотехники Бессмертных чем-то сверхсложным и недоступным. Опыт моих учеников доказывает, что это не так. Большая часть техник Спокойных не является чересчур сложной или недоступной. Эти техники были разработаны в рамках совершенно особого мировоззрения, в рамках чуждой европейскому мышлению культуры, и они охватывают сферу знаний, действий и ощущений, с которой современный человек практически не сталкивается, так же как средневековые китайцы не могли даже подозревать о том, что когда-то будет существовать мир компьютеров и информатики.

Постижение граней учения Шоу-Дао – это путь к расширению европейской модели мира, путь к обретению новых способов восприятия, новых возможностей общения с окружающим миром и с самим собой. Я уже не раз упоминал о том, что модель мира – это то, как человек видит мир, то, как его сознание этот мир отражает.

Модель мира определяет способность человека к адаптации, к выживанию, к саморазвитию. Каждая модель имеет свои сильные и слабые стороны. Европейская модель мира имеет свои специфические черты, свои плюсы и минусы. Для европейской модели мира в первую очередь характерно развитие интеллекта, логики, профессиональных навыков, агрессивного и потребительского стиля жизни.

С другой стороны, сфера эмоций и чувств у европейцев развита в значительно меньшей степени. Они не способны контролировать свою эмоциональную сферу, не способны использовать свои чувства так же эффективно, как они используют интеллект. Нередко это приводит к непониманию себя, к неумению осознать свои истинные потребности, к боязни испытать разочарование, боль, страх или любовь, к непониманию того, что такое счастье, и, в итоге, к неумению полноценно наслаждаться жизнью.

Изучение психотехник Шоу-Дао может восполнить этот пробел, открыв изучающему их горизонты новых знаний, удивительных возможностей, неведомых и прекрасных ощущений. Каждый может вступить на путь Спокойных. Ваше путешествие в бескрайний мир человеческой психики будет волнующим и прекрасным.

Желаю удачи на этом пути!

А.Н. Медведев

Введение

Любовь к народной медицине и, в первую очередь, к травам мне привил отец. С самого раннего детства он приучал меня отыскивать съедобные дикорастущие растения, объяснял, как их использовать в качестве приманки для животных или рыб. Так, для прикормки карпа он добавлял в пшеничную кашу или в комбикорм растертую коноплю. Даже если не было каши, связанные в небольшие снопики и предварительно побитые прутиком пучки конопли, брошенные в воду в районе предполагаемого места рыбалки, обеспечивали хороший клев.

Отец научил меня утолять голод зеленой колючкой, и оказалось, что это столь неприветливое с виду растение, очищенное от кожуры, по вкусу напоминает морковь.

Вообще народная медицина была неотъемлемой частью жизни всех моих многочисленных родственников по отцовской линии.

Как я уже упоминал, отец родился в семье рабочего Аджимушкайской каменоломни и рос в условиях крайней нищеты. У него было шестнадцать братьев и сестер. С раннего детства отец начал трудиться в каменоломне и к шестнадцати годам заработал более десяти грыж.

Для детей, подраставших в выдолбленных в известняке пещерах или в маленьких покосившихся хижинах, для людей, ежедневно ведущих тяжкую борьбу за существование, окружающий мир составлял единое целое с их жизнью. Море, степь и камни давали им пищу и кров. Когда их не мог прокормить камень, кормили море или степь. Любой мальчишка умел ловить рыбу, собирать раковины или использовать камку¹ для набивки матрасов. Дети знали, где найти глину «кил», заменяющую мыло, где в степи можно выкопать съедобные корешки, как поймать и приготовить грызуна, ежика или змею.

И, естественно, каждый аджимушкаец обладал необходимыми навыками врачевания и оказания первой помощи. Болезни лечили тем, что подворачивалось под руку. Лекарства из аптеки были слишком дороги.

У тебя заболел живот по непонятной причине? Так плесни на него холодной воды и массируй его небольшими круговыми движениями по часовой стрелке, чередуя массаж и обливание холодной водой до тех пор, пока боль не утихнет.

Обгорел на солнце – приложи выжимку из трав или намажь кожу кислым молоком (сейчас крымчане часто используют для смягчения обожженной солнцем кожи огурцы, но в то время потратить подобным образом огурец было непозволительной роскошью – ведь его можно было съесть).

Почти все женщины Аджимушкая и соседнего поселка каменотесов – Скалы – были знахарками, и одной из причин этого оказались дикie ритуалы каменных боев, ставших традицией в этих местах.

"Каменный бой" села Аджимушкai – был уникальным зрелищем, сочетающим в себе искусство владения камнем и варварский ритуал массовых побоищ.

Кулачные бои и традиции драться "стенка на стенку" были распространены в России повсеместно, но во время подобных схваток бойцы обычно не получали слишком серьезных или смертельных травм. В случае "каменных боев" тяжелые травмы были обычным явлением. Вероятно, подобная жестокость была обусловлена самим характером социума, сложившегося в аджимушкaiском районе. Эта область Крыма стала своеобразной вольницей, в которой находили приют и убежище беглые каторжники, крепостные, сбежавшие от помещиков, и прочий вольный и разношерстный пришлый люд. Из русских, французов, украинцев, итальянцев, греков, белорусов и караимов стало складываться особое сообщество резчиков камня.

Большинство резчиков жило в «скалах» и называло себя скалянами. «Скалами» именовались монолиты известняка, в которых вырезались обширные ниши для жилья. Вход в жилье закладывался штучным камнем, затем вставлялись двери, а вместо оконных стекол использовался надутый бычий мочевоy пузырь, через который в жилище проникал тусклый свет.

Камень для скалян был самой жизнью. Он давал им хлеб, кров, служил оружием. С помощью камней охотились на морских птиц, защищали свою жизнь и честь, решали споры. Народный обычай «воевать» камнями появился в XVIII веке.

---

¹ Водоросли, выброшенные на берег.

Бои камнями проводились, как правило, в праздничные и выходные дни и служили своего рода кровавым развлечением. Зачинатели боя – пацаны-застрельщики, «гостевые» или "пришлые", – вихрем врывались на улицы поселка или района «хозяев» и бросали камнями во все, что могло разбиться, побуждая тем самым жителей села к ответным действиям. «Хозяева» без труда отгоняли застрельщиков, но к ним на помощь тут же приходила первая волна «гостей» постарше и поопытнее. Самые умелые бойцы вступали в схватку лишь в разгаре сражения, а то и ближе к его концу. Выигравшей считалась сторона, загнавшая противника в его собственные жилища. Иногда, по обоюдному согласию сторон, бой заканчивался вничью.

По предварительной договоренности бой мог проходить и на ничейной территории, а мог начаться и рыцарской дуэлью лучших метателей камней, за которой, затаив дыхание, следили обе стороны. Правила запрещали бросать камни в упавшего человека или избивать его, предписывали не целиться в голову, запрещались рукопашные схватки. Но, несмотря на запреты, эта варварская забава многих оставляла калеками. Нередко случались и смертельные исходы.

Отец, сам принимавший участие в "каменных боях", рассказывал мне, с какой горечью переживали односельчане смерть красавца-грека Кристофора, случайно убитого во время одного из боев.

К концу XIX и в начале XX века "каменная забава" распространилась далеко за пределы каменоломен. Дрались не только скаляне и аджимушкайцы, в бой вступили жители других районов Керчи: Горок, Глинки, Завода... Забывая собственные распри, они не раз объединялись в честолубивой, но бесплодной надежде одержать верх над аджимушкайцами. Среди тех были исключительно опытные и искусные бойцы, способные в одиночку сдерживать натиск десятков человек.

Боец, владеющий искусством каменного боя, мог метнуть камень весом от 50 до 300 граммов в цель, удаленную на расстояние до 60 метров, а иногда и далее. Также он обладал способностью, практически стоя на месте, оставаться неуязвимым под градом камней, как используя техники уклонения, так и отражая камни противников небольшой каменной пластинкой – плашкой.

Естественно, что подобное мастерство приобреталось через боль и кровь. Когда очередной "каменный бой" завершался, женщины со стонами и причитаниями растаскивали по домам избитых и искалеченных мужчин. Теперь от них требовалось знахарское искусство. Женщины лечили раненых, останавливали хлещущую кровь, кто заговором, кто тушкой лягушки с предварительно содранной кожей, кто настоями из местных трав, кто компрессами, сделанными из глины.

Местный арсенал трав у степных знахарей был весьма ограничен, и в случаях тяжелых травм или заболеваний несколько человек специально отряжались за травами в Крымские горы. Шли они пешком, и дорога вкупе с поиском трав обычно занимала около двух недель.

Степные знахари широко использовали разнообразные глины, применяя их как для приема внутрь, так и для накладок. Девушки аджимушкайских степей задолго до появления рекламы, пропагандирующей уникальные косметические свойства масок, имеющих в своей основе целебные грязи или каолиновые глины, прекрасно знали, как благотворно действует на кожу «кил» или целебные морские грязи.

Для лечения широко использовались и ресурсы самого Керченского полуострова – грязи грязевых вулканов, воды целебных минеральных источников и рапа соляных озер.

С раннего детства сопровождая отца в его непрестанных походах на охоту или на рыбалку, я, как губка, впитывал знания аджимушкайских целителей, которыми он щедро со мной делился. Отец приучил меня к жизни на лоне дикой природы, что впоследствии очень пригодилось мне при изучении Шоу-Дао. Помню, как, учась в школе, я с удивлением узнавал, что есть люди, не умеющие развести огонь без спичек, не представляющие, что в качестве топлива можно использовать кизяк – высушенные солнцем коровьи лепешки, не способные выпотрошить змею или не знающие, что такое кресало.

Я быстро научился различать целебные травы и выяснил, что почти любая травка, скромно растущая у дороги, может для чего-либо пригодиться. Меня удивило, что, в зависимости от дозировки, травы могут производить совершенно противоположный эффект. Так, разные дозы семян конского щавеля могли излечивать как запор, так и понос.

Сестры и братья отца, в гости к которым я регулярно приезжал во время каникул, также пополняли запас моих знаний. Так от тети Маши, живущей в Керчи, я узнал, какие заболевания излечивает плов из мидий, для чего полезны бычки – небольшие головастые морские рыбки, и другие тайны целительных снадобий, в первую очередь связанных с дарами моря.

Другой брат отца – дядя Федя, живущий в селе Фонтан, расположенном на Керченском полуострове, и уже переваливший за восьмидесятилетний рубеж, – был активно практикующим знахарем. С одинаковой эффективностью он исцелял и людей, и скот. Дядя Федя лечил травами, навозом, во-

дорослями, глинами, илом – всем подряд.

Отпуск у отца был долгим, два с лишним месяца, и на какое-то время мы неизменно приезжали пожить к дяде Феде. В свой первый приезд я застал в окрестностях села Фонтан еще не тронутую железной лапой цивилизации настоящую дикую степь, где под дуновением ветра шелковисто колыхались первозданные травы. Мне даже посчастливилось увидеть дроф – огромных редчайших птиц, которые в настоящее время почти исчезли.

В погожие ночи мы с отцом ночевали на копне, вдыхая ароматы подсыхающих трав и любуясь огромными крымскими звездами.

Вечерами взрослые собирались во дворе, пришедшие в гости соседи рассаживались за грубо сколоченным деревянным столом, и наступало время песен. Русские песни сменялись украинскими. Пели слаженно, хорошо, с душой, и чарующая мелодичность и душевность народных песен глубоко запали мне в душу.

Односельчане и жители соседних сел часто обращались к дяде Феде за помощью. По ряду причин селяне не слишком доверяли местным врачам, а стандартный набор лекарств, находящийся в каждом доме и обычно состоящий из йода, зеленки, бинтов, аспирина и анальгина, часто оказывался недостаточным.

Помню, как на меня произвело неизгладимое впечатление лечение, которое прописал мой дядя одному из пациентов, жаловавшемуся на ревматизм.

На заднем дворе дяди Феде была вырыта яма, заполненная специально подготовленным навозом. Несчастный больной регулярно отсиживал в этой яме положенное время, как объяснил Федор, прогреваясь.

Я регулярно забегал на задний двор, любуясь на покрасневшее, страдающее лицо пациента. Лечение было не слишком приятным, скорее даже мучительным, но главное, что ревматизм в конце концов прошел.

К моему удивлению, находились и другие желающие подлечиться в навозной яме, и иногда в ней одновременно сидели даже два селянина.

Дядя Федя был еще и очень азартным человеком. Одним из его основных увлечений было уничтожение мух, и он вкладывал в это занятие больше страсти, чем Глеб Жеглов в борьбу с бандой "Черная кошка".

Надо признать, что на дворе у дяди Феде мух действительно было много, слишком много. Они обильно плодились и размножались на теплых просторах навозной ямы, но, поскольку избавиться от столь ценного аппарата для физиотерапии дядя Федя не мог, нам оставалось одно – нещадно бороться с крылатыми и жужжащими интервентами.

С подачи дяди Феде я вооружился венгеркой (это тоненькая круглая резинка, идеально подходящая для расправы с мухами) и каждый день проводил часы, прицельно отщелкивая насекомых, беспечно присевших отдохнуть на залитую солнцем стену дома. Последствием моей охоты стали сотни крошечных темных пятнышек, украсивших беленую стену, но дядя Федя был доволен.

– Настоящий боец растет! – одобрительно говаривал он, ласково похлопывая меня по макушке. – Сразу видна наша порода, Медведевская!

Однако бороться венгеркой против мух было все равно что пытаться остановить полчища саранчи при помощи детского сачка, и дядя Федя решил применить более совершенное оружие массового уничтожения, а именно отравляющие вещества.

Налив в металлическую миску свежего молока, дядя Федя для вкуса добавлял в него сахара, а потом щедрой рукой подливал туда какой-то мушиный яд. Миску с отравленным молоком дядя Федя ставил на землю во дворе, затем он выносил из дома два стула, мы усаживались в теньке и принимались с интересом наблюдать за мучительным концом представителей враждебного крылатого племени.

Муха подлетала, пикировала на край миски, затем осторожно спускалась к молоку и, слегка помешкав, принималась увлеченно хлебать сладкую отраву. Затем с ней начинало твориться нечто невообразимое. Стартующей ракетой муха срывалась с места и, отчаянно гудя, принималась кружиться, метаться во всех направлениях, как крошечный черный фейерверк, ricochetящий в стенах тесного помещения. После краткой, но выразительной агонии муха падала на землю и, подброжая лапками, затихала навсегда.

Дядя Федя с неослабевающим вниманием мог в течение долгих часов наблюдать за этим причудливым предсмертным танцем. При этом он, ерзая от возбуждения на стуле и потирая руки от удовольствия, с азартом комментировал происходящее. Звучало это примерно так:

– Смотри, смотри, летит! Села, смотри, пьет! Во дает! У, как ее, родимую, развезло! То-то! Бу-

дешь знать! Смотри! Еще одна...

Так продолжалось целый день.

Меня во всей этой процедуре занимал не столько процесс уничтожения мух, сколько наблюдение за дядей Федей. Меня поражало, сколько самого неподдельного наслаждения ухитрялся извлекать этот крепкий восьмидесятилетний старик из, казалось бы, самого немудреного дела.

Еще одной из моих первых наставниц народной медицины стала тетя Маша. Хотя она была тезкой моей настоящей тети Маши из Керчи, эта тетя Маша не была моей родственницей. Знахарка тетя Маша жила в селе Пионерское. В течение нескольких лет мама снимала комнату в ее доме, чтобы вывозить меня на лоно природы, хотя в том, что мама выбирала Пионерское, тоже был свой особый расчет.

Чтобы на деле продемонстрировать детям радости коллективного социалистического труда, в крымских школах даже для учеников младших и средних классов ввели требование проводить от нескольких дней до нескольких недель летних каникул в трудовых лагерях, где дети одновременно бы и отдыхали, и трудились на благо общества, выполняя какие-либо нехитрые сельскохозяйственные работы, вроде сбора фруктов или ягод или прополки огородов.

В качестве альтернативы трудовому лагерю я мог отбыть трудовую повинность в каком-нибудь совхозе или колхозе, и мои родители должны были отнести в школу справку о том, что я честно отработал необходимое количество часов. Рядом с Пионерским находился совхоз, выращивающий чайные розы, но не для продажи, а для заготовки розовых лепестков. Многие москвичи даже не слышали о том, что существует варенье из розовых лепестков. Не знаю, как сейчас обстоят дела на Украине, но в то время, когда Крым еще был частью территории Советского Союза, варенье из розовых лепестков продавалось там почти повсеместно. Розовые лепестки обладали многими лечебными свойствами, в частности, розовым вареньем можно было вылечить многие воспалительные заболевания полости рта, если по несколько раз в день держать его в течение двадцати-тридцати минут во рту на месте воспаления.

Итак, мама договаривалась в совхозе, что я буду заниматься сбором лепестков и совхоз даст мне справку для школы.

На сборе лепестков работали и другие дети из Пионерского, зарабатывая деньги на карманные расходы. В отличие от меня, они давно успели наловчиться в этом не слишком простом деле, и сельская детвора всю смеялась над неуклюжим горожанином, утверждая, что с такой сноровкой я и за год дневную норму не выполню. Впрочем, местные ребята оказались очень дружелюбными и приятными, мы сразу нашли общий язык, и они сообща помогали мне выполнять норму, подбрасывая собранные ими лепестки в мои мешки.

Как говорится: "с миру по нитке, голому на рубашку". Так и получалось. С помощью деревенских друзей я выполнял норму примерно за час, а затем можно было найти себе гораздо более увлекательное занятие.

Пионерское навсегда запомнилось мне очарованием благоухающей плантации, расцвеченной яркими красками цветущих роз, вечно исцарапанными руками, веселыми забавами с друзьями. Там я, школьник, недавно закончивший третий класс, получил свою первую зарплату, которую я с гордостью вручил матери.

Еще одним способом подработки был сбор тысячелистника – лекарственной травы, покрывающей склоны высоких холмов вокруг села.

Нашим любимым развлечением были рыбалка и купание в Скалке – быстрой горной речушке, перегороденной небольшой самодельной плотиной, сложенной из камней, чтобы можно было купаться.

Чтобы не тратить время, сидя на берегу с удочками в руках, мы ловили рыбу менее трудоемким способом: на дно стеклянной банки мы клали кусочек хлебushка, горловина банки завязывалась марлей, а в марле проделывалась дырочка, заплыв через которую, мелкая рыбешка уже не могла выбраться обратно.

В банку обычно попадались пескари, цыганочки и прочая пресноводная мелочь. Я так и не узнал, как по-научному называются «цыганочки», но это имя удивительно подходило небольшой рыбке с полными красными губками и игривым выражением на морде, узоры которой напоминали кокетливые сережки.

Еще одним повальным увлечением деревенских ребят была дрессировка и выкармливание галчат. Галки были удивительно умными птицами, а один галчонок так привязался ко мне, что в течение нескольких лет, когда я возвращался летом в Пионерское, он, уже будучи взрослой серьезной птицей, узнавал меня, с приветственными криками кружился надо мной, садился мне на плечо или летел ря-

дом, сопровождая меня во время прогулок.

Мое ежедневное пробуждение в доме знахарки тети Маши неизменно сопровождалось шумом работающего сепаратора, отделяющего фракцию за фракцией от жирного свежесвыдоенного молока.

Открывая глаза, я с наслаждением вдыхал ароматы подсыхающих лекарственных трав, которыми пропиталась вся изба.

Тетя Маша научила меня заготавливать травы впрок. Она тоже лечила и людей, и скот. Каждое растение она называла по-своему, так, как называли его ее мать и бабушка. Так, тысячелистник она называла кашкой. Растения тетя Маша сушила в основном на чердаке. Процесс заготовки трав и изготовления лекарственных препаратов так понравился мне, что я сразу же стал добровольным помощником знахарки.

Я учился правильно развешивать пучки трав, измельчать растения, делать настои на воде или на спирту.

Там же, в Пионерском, я впервые начал записывать рецепты народной медицины. Я узнал такие важные вещи, как разными способами снимать похмелье, как правильно вызвать рвоту или снять неприятные последствия солнечного удара и т. д.

Шли годы, мои конспекты пополнялись новыми редкими рецептами. Я понял разницу между рецептами, прочитанными в книгах о траволечении, и между рецептами, используемыми действительно хорошими потомственными целителями.

Каждый талантливый знахарь, каждый хороший целитель вносил в приготовление лекарства свои собственные нюансы, которые во многих случаях и обеспечивали эффективность лечения. К своему удивлению, я понял, что один и тот же рецепт в одних случаях приносит больному существенное облегчение, а в других, совершенно аналогичных, случаях он может быть непригоден.

Вся эта подготовка оказалась прекрасной базой, на основе которой мне было легко осваивать новые, непривычные, но удивительно интересные и эффективные методики лечения Спокойных, показанные мне Учителем.

Глава 1

Зина, одна из учениц, записавшихся на семинар по Шоу-Дао, в первый же день нашего знакомства пожаловалась, что в ее характере есть множество черт, которые мешают ей жить и с которыми она не в силах справиться.

– Что беспокоит тебя больше всего? – спросил я.

– Страх, – сказала девушка. – Я постоянно испытываю страх.

– Ты боишься чего-то конкретного?

– Иногда да, иногда нет, – ответила Зина. – В действительности мне не угрожает никакая реальная опасность, но какой-то трудно определимый иррациональный страх в той или иной форме постоянно присутствует во мне, проявляясь иногда в виде нервозности или беспокойства по поводам, которые того не стоят, а иногда в иных формах. Бывает, что тревожность мешает мне заснуть или не дает сосредоточиться на выполняемой задаче.

Мне были знакомы эти разновидности иррационального страха. В той или иной форме они присущи каждому человеку, и Учитель безжалостно указывал мне на малейшие проявления подобных чувств в моем характере.

Однажды во время очередной полуночной прогулки по городу я затронул тему качеств характера, мешающих личностному росту человека.

– Не имеет смысла говорить о каком-то абстрактном "человеке", – резко оборвал меня Ли. – Это обобщение слишком удобно для тебя, поскольку позволяет критиковать других, самому оставаясь в стороне.

– Я вовсе не критикую других, – попытался оправдаться я. – Я прекрасно знаю, что обладаю массой недостатков.

– Дело не в том, что ты признаешь, что имеешь недостатки, – еще более жестким тоном сказал Учитель. – Только круглый дурак считает себя совершенным. Все обстоит гораздо хуже. Ты болен, и твоя болезнь почти безнадежна. Ли замолчал, выдерживая драматическую паузу. Его чересчур серьезный тон слегка напугал меня. Не понимая, что именно он имеет в виду, я, как утопающий за соломинку, уцепился за спасительное слово "почти".

Этот разговор произошел в первые месяцы моего ученичества, и я, еще не слишком хорошо знакомый с характером и психологическими приемами Учителя, иногда реагировал на его действия слишком бурно.

– Ты хочешь сказать, что у меня какое-то серьезное заболевание? – на всякий случай поспешил уточнить я.

– Ты болен физически, но, что гораздо хуже, ты, как и все европейцы, болен духовно.

Слова "все европейцы" окончательно меня успокоили.

– Пару минут назад ты отругал меня за склонность к обобщениям, – улыбнулся я. – Говоря "все европейцы", ты подразумеваешь меня?

– Говоря "все европейцы", я подразумеваю всех европейцев, за, возможно, крайне редкими исключениями, хотя мне еще не доводилось встретить ни одного европейца, здорового во всех отношениях, – сказал Учитель.

– Я чувствую, что в данном случае ты вкладываешь в понятие «болезнь» какой-то особый смысл, – заметил я. – Что ты имеешь в виду?

– Для воина жизни болезнью является любое свидетельство отсутствия гармонии как в циркуляции энергии и естественном функционировании организма, так и в проявлениях человеческого духа. Поэтому Спокойные считают болезнью все, начиная от невоспитанности и вспыльчивого характера и кончая плохим настроением и неумением радоваться жизни, – заявил Ли.

Я задумался. С одной стороны, подобная концепция казалась весьма заманчивой и вызывала отклик в моей душе, но, с другой стороны, само слово «болезнь», возможно из-за того, что моя мать была инвалидом первой группы и почти двадцать лет болела раком, вызывала у меня слишком неприятные ассоциации. Несмотря на негибкий характер и крайне выраженную волю к жизни, мать постоянно испытывала почти невыносимые страдания. После нескольких операций она с трудом передвигалась по дому, не могла даже сидеть на стуле, время от времени теряла сознание и, выполняя простую домашнюю работу, периодически испускала глубокие исполненные муки стоны. Я привык к этим стонам и не обращал на них внимания, но, конечно, подобная обстановка не могла не сказаться особым образом на моей психике. Я вдруг понял, что упоминание слова «болезнь» пробуждает во мне подсознательный страх, на который я раньше никогда не обращал внимания.

Как откровение, я неожиданно осознал причину моего столь глубокого интереса к народной медицине, к знахарству и нетрадиционным методам лечения. В основе этого интереса лежал с детства глубоко запрятанный страх и желание выжить любой ценой, победить болезнь, если она вдруг достигнет меня врасплох, так, как она застигла врасплох мою мать.

Затем ко мне пришло еще одно воспоминание. Я учился в девятой английской спецшколе. Эта школа считалась привилегированной и выгодно отличалась от других школ качеством преподавания. Однако, с моей точки зрения, качество преподавания не слишком влияло на детей, в большинстве своем типичных лоботрясов, предпочитающих заполнять свой досуг чем угодно, от спекуляции марками до драк на танцплощадках, лишь бы не грызть гранит науки.

Тем не менее уровень школы отразился на поступаемости в высшие учебные заведения, и почти все ученики моего класса, за исключением одного-двух, поступили в университеты и институты.

Сейчас я вспомнил, какой ужас охватил меня, когда я неожиданно узнал, что около восьмидесяти процентов моих соклассников поступили в симферопольский мединститут. Отчасти это было связано с тем, что родственники многих из них имели какое-то отношение к медицине, и детишки следовали проторенными путями по стопам предков, заодно используя так широко распространенные в провинции личные связи.

Раньше я особо не задумывался о личности врачей, которые меня лечат. Врач был для меня авторитетом, и я наивно полагал, что, если ему удалось закончить медицинский вуз, он должен быть специалистом в своем деле. Однако теперь все изменилось. Теперь врачами должны были стать мои лоботрясы-одноклассники, и я прекрасно понимал, что их реальный уровень знаний отнюдь не соответствовал завышенным оценкам, которые им ставила школа. Я мог спокойно допустить, что из них получатся посредственные инженеры или экономисты, но ошибки инженеров или экономистов не угрожали моему здоровью или здоровью моих близких. Однако посредственный врач даже при самых наилучших намерениях мог совершить ошибку, которую впоследствии было бы слишком трудно, если не невозможно, исправить.

Итак, теперь я знал, кто собирается меня лечить, и при мысли о том, какого рода будет это лечение, меня охватил ужас. Я дал себе торжественную клятву, что шесть лет спустя, когда мои одноклассники закончат мединститут, я не буду обращаться к врачам.

Конечно, я сам понимал, что давать подобное обещание просто смешно, поскольку вряд ли врач, к которому я когда-либо попаду, окажется моим одноклассником, и, кроме того, было очевидно, что большая часть студентов медвузов были такими же лоботрясами, как и мои школьные приятели, так что определять срок в шесть лет было просто абсурдно, но я в то время был почти школь-

ником, я еще не встретил Учителя, и дал себе эту забавную клятву, скорее следуя на поводу эмоций, чем повинуюсь доводам рассудка.

– Вернись к реальности, мой маленький брат, – услышал я насмешливый голос Ли.

Я встряхнулся, удивляясь самому себе. Воспоминания так захватили меня, что я забыл, что делаю и где нахожусь. Было уже за полночь. Маленькие тихие улочки, по которым мы шли, были пусты. Откуда-то издали доносился залиvistый и нервный собачий лай. Я вернулся к реальности в полном смысле этого слова. Я ощутил на своей коже ласкающую влажность южной ночи. Прозрачный свет луны, запутавшийся в кронах деревьев, создавал удивительную и причудливую картину игры света и тени. Облупившиеся стены домов в темноте казались древними стенами средневековых крепостей.

Я шагал в сумраке ночи рядом с самым загадочным в мире человеком, мудрым носителем удивительного древнего и в то же время столь современного знания. Я вспомнил слова Учителя о том, что болезнь – это отсутствие гармонии и что Спокойные считают болезнью все, начиная от невоспитанности и вспыльчивого характера и кончая плохим настроением и неумением радоваться жизни.

Сейчас эти слова стали частью меня. Я подумал, с каким искусством Ли выбирает место и время для своих наставлений. Теплая крымская ночь была полна покоя и гармонии. Даже собачий лай вписывался в этот покой, добавляя в него особую ноту очарования жизни. В такую ночь мне не хотелось быть вспыльчивым, боязливым или нетерпеливым. Я хотел быть таким же естественным и спокойным, как эта улица, как этот влажный неподвижный воздух, как эти деревья, неподвижно застывшие в лунном свете, как Учитель, шагающий рядом со мной.

Что-то неуловимо изменилось во мне. Я вдруг понял, что слово «болезнь» поменяло для меня свой глубинный внутренний смысл. Действительно, болезнь могла быть ужасной, как, например, рак, но почему-то это больше меня не беспокоило. Я подумал, что рак – это тоже отсутствие гармонии, но теперь я был почти уверен, что однажды я постигну искусство восстановления внутреннего равновесия, и тогда рак станет для меня вещью не более страшной, чем вспыльчивость или лень.

Я с благодарностью посмотрел на Учителя. По выражению его лица было очевидно, что он прекрасно осведомлен обо всех моих внутренних переживаниях и трансформациях.

– Твоим преимуществом является то, что, хотя ты легко теряешь устойчивость, ты с такой же легкостью восстанавливаешь ее, – улыбнулся он, и в его взгляде я прочитал одобрение. – Когда-нибудь ты постигнешь искусство балансировать на спине ветра, и когда-нибудь ты поймешь, что болезнь – это дар, которым судьба награждает Следующего по Пути Истины, поскольку лишь отсутствие гармонии напоминает тебе о том, что гармония существует. Воины жизни используют болезнь как упражнение, и жизнь предоставляет им множество возможностей упражняться и совершенствовать свое искусство существования и выживания в этом прекрасном мире. Если ты будешь относиться к болезни как к несчастью, которое ослабляет тебя и лишает тебя радостей жизни, ты так или иначе проиграешь, но если ты научишься воспринимать болезнь как упражнение, дающее тебе новый опыт, знания и силы в твоём путешествии по жизни, ты станешь и сильнее, и мудрее.

– С чего я должен начать, чтобы искоренить свои болезни? – спросил я.

– О болезнях физических мы еще поговорим, – ответил Ли. – Сейчас твоя задача – позаботиться о болезнях духа.

– Я сделаю все, что ты скажешь, – с готовностью откликнулся я.

– Не думай, что все так просто, – сказал Учитель. – Самая большая сложность в излечении болезней духа, болезней характера – это то, что ты их не замечаешь, или то, что ты замечаешь лишь некоторые детали, упуская из вида самое главное.

– Думаю, что я достаточно критичен по отношению к себе, – сказал я. – Я не стараюсь казаться лучше, чем я есть, и открыто признаю свои недостатки.

– Какие дифирамбы самому себе! – усмехнулся Учитель. – Судя по твоему последнему высказыванию, трудно поверить, что ты чересчур критично настроен по отношению к самому себе. Но это нормально для европейца. Европейцы никогда не видят свое истинное лицо. Они считают себя либо богами, либо улитками.

– Я не считаю себя ни богом, ни улиткой, – возразил я.

– Ты понимаешь, о чем я говорю, – отрезал Ли. – Европейец смотрит в зеркало своего «я» и видит себя или прекрасным принцем, или гадким утенком, который никогда не превратится в белоснежного лебедя.

В душе я знал, что он прав, и мне вдруг захотелось понять, кем я представляю себя – принцем или гадким утенком. Я вынужден был признать, что, действительно, иногда завышаю свои положительные качества, но бывают моменты, когда я теряю уверенность в себе и вижу себя скорее в чер-

ном, чем в розовом свете.

– Ты хочешь сказать, что европеец всегда видит себя или принцем, или гадким утенком? – спросил я. – В моем случае нельзя сказать, чтобы я склонялся к одной из этих крайностей.

– Так происходит всегда, – подтвердил Учитель, – но тут есть еще одна маленькая деталь. Ты думаешь, что европеец – это единая и неделимая личность, которая знает, что она собой представляет и чего она хочет. В действительности это не так. Личность европейца вмещает в себя множество сущностей. О существовании некоторых из них она догадывается, но о присутствии других она даже не отдает себе отчета.

– Ты хочешь сказать, что во мне живет несколько сущностей, о которых я ничего не знаю? – удивился я.

– Их больше, чем ты можешь себе представить, – усмехнулся Ли.

– А в тебе тоже присутствуют разные сущности? – зажигаясь энтузиазмом от новой неизвестной мне темы, поинтересовался я.

– Во мне тоже есть разные сущности, и ты неоднократно был свидетелем их проявления, но разница в том, что мои внутренние сущности осознаны, познаны, приручены и объединены в одно целое. Теперь они едины в своей гармонии, но в случае необходимости я могу выделить одну или несколько из них для того, чтобы они выполняли свои задачи.

– А когда я видел твои сущности? – спросил я.

– С одной из них ты познакомился, когда я впервые демонстрировал тебе технику прыжков, – хитро улыбнулся Учитель. – Помнится, она произвела на тебя неизгладимое впечатление.

"Неизгладимое" – это было еще слабо сказано. Я вспомнил, как крик и действия Ли буквально вывернули меня наизнанку, сжигая и вырывая внутренности и мозг, и что был момент, когда я всерьез принял его за инопланетное существо. Но мне никогда не приходило в голову, что то, что я видел, не было Учителем, вернее, было одной из неведомых мне сущностей, живущих в его теле.

– Расскажи мне подробнее о сущностях, – с загоревшимся взглядом попросил я. Ли усмехнулся.

– В свое время мы обсудим и это, – сказал он. – Сейчас мы должны заняться другими делами. Мы слишком отклонились от темы. Пора вернуться к болезням души и поговорить конкретно о тебе.

– Как скажешь, – с легким разочарованием согласился я.

– По-моему, кто-то здесь заявил, что открыто признает свои недостатки, – усмехнулся Учитель. – Перечисли мне их.

Это предложение не вызвало во мне энтузиазма. Конечно, я мог много чего порассказать о себе, но произошла странная вещь – когда я думал о своих недостатках, какая-то часть меня признавала, что они у меня есть, но другая часть упорно настаивала на том, что это совсем не так и что я лишь хочу назвать какие-то качества, чтобы выполнить распоряжение Ли, но что в сущности эти заявления будут ложью.

Еще одна часть сознания пассивно регистрировала этот странный внутренний диалог, не принимая ничью сторону.

– А ведь Учитель был прав насчет сущностей, живущих в нас, – с удивлением понял я, прислушиваясь к спорящим внутри меня голосам. Что же я тогда представляю из себя, и как я могу разобратся, что правильно, а что нет?

Время шло, и мне надо было отвечать.

– Наверное, я ленив, – не слишком искренне начал я, – иногда я бываю излишне самоуверен, а иногда – не слишком уверен в себе...

– Хватит, – резко оборвал меня Ли. – Ты сам не веришь в то, что говоришь!

– Я стараюсь быть правдивым, – сказал я, – но только сейчас я понял, что у меня нет критерия истины. Иногда я действительно бываю ленив, но иногда я работаю и тренируюсь как проклятый. Что-то во мне считает меня ленивым, но другая часть меня утверждает, что это не так. То же самое с остальными качествами. Иногда они проявляются в одной форме, иногда в другой.

Учитель успокаивающим жестом похлопал меня по плечу.

– Рано или поздно мы все проходим через это, – сказал он. – Теперь ты сам видишь, насколько трудно трезво оценить себя самого. Как я и говорил, ты замечаешь лишь некоторые детали, упуская из вида самое главное.

– Я могу каким-либо образом выправить положение вещей и начать оценивать себя и свои действия объективно? – спросил я.

– Для этого тебе придется развить одну из своих сущностей – внутреннего стража, – сказал Ли. – А пока я сам расскажу тебе о твоих недостатках.

Лицо Учителя стало жестким и суровым. Он заговорил сухим и отстраненным тоном, и его сло-

ва отпечатывались в моей душе, как молот на раскаленном железе.

– Ты не имеешь стабильности, – говорил он. – Во всех своих действиях ты или излишне пассивен, или слишком перегибаешь палку. Ты излишне стеснителен, в тебе присутствует скрытая агрессивность, ты мгновенно переходишь к исполнению задуманного, не потрудившись трезво оценить ситуацию, тебе свойственны мгновенные выбросы неконтролируемой ярости, когда обстоятельства или какой-то человек подводят тебя к определенному пределу. Ты излишне доверчив и излишне наивен, ты бываешь ленив, но иногда затрачиваешь слишком много усилий на вещи, которые того не стоят...

Учитель продолжал перечисление, и я понимал, что он прав. Сущности, таящиеся в моей душе, склонили головы перед его авторитетом.

Заметив мою унылую мину. Ли неожиданно разразился хохотом.

– Выше голову, мой несовершенный дружок! – воскликнул он. – Не забывай, что твои болезни – это твои преимущества, ведь, избавляясь от них, ты постепенно придешь к гармонии и совершенству.

– Долго же мне придется идти, – пессимистично заметил я.

– Главное – не забывай одну простую истину: священна дорога, а не храм, – сказал Учитель.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Это один из афоризмов, принадлежащий Мудрой Свинье. Я уже как-то рассказывал тебе об этой Великой и Знаменитой Хрюшке. В образе Мудрой Свиньи сливаются воедино инь и ян, противоположные начала, и обычно в притчах Мудрая Свинья отвергает решения, основанные на «да» и «нет», предпочитая им срединный путь.

– Расскажи мне эту притчу! – попросил я.

– Она называется "Что помогло: дорога или храм?" – сказал Учитель.

Однажды Мудрая Свинья возвращалась домой после паломничества в один из храмов Индии и повстречала юношу, идущего в том же направлении. Они познакомились и завели беседу о путешествии, ведь всем известно, что даже короткий разговор сокращает путь.

Юноша стал рассказывать Свинье о чудодейственной силе стен храма, поклониться которому он ходил. Достаточно было кому-нибудь потереть ладонями камни стен, как все его желания тотчас исполнялись.

– Исполнились ли твои желания? – спросила Мудрая Свинья. – И чего ты хотел?

– Я просил здоровья, богатства и храбрости, так как именно этого мне всегда недоставало, – ответил юноша.

– Ну и как же ты их получил? – поинтересовалась Свинья.

– Дорога к храму была долгой и тяжелой, но ее тяготы закалили и укрепили мое тело, – ответил юноша и продолжил свой рассказ: – Однажды, уже в Индии, мне посчастливилось найти большой кувшин с золотом, и я стал богатым. Когда же до храма оставалось всего три дня пути, на меня напали разбойники, но я превозмог свой страх и обратил их в бегство. Так я получил все, что пожелал.

– Как неразумно поступают люди, – заметила Мудрая Свинья. – Им надо было сделать священной дорогу, а не храм.

– Что может быть священного в дороге? – удивился юноша.

– А что исполнило твои желания – храм или все-таки дорога? – спросила Свинья.

– Ты хочешь сказать, что именно процесс избавления от болезней творит чудеса, а не то универсальное состояние, к которому ты стремишься, следуя по пути? – спросил я.

– Ты почти угадал, – подмигнул мне Ли. – Таково одно из толкований этой притчи. Основная ошибка людей, обращающихся к восточным учениям, – это то, что они ищут храм, который сделает их мудрыми и совершенными, но в своих поисках храма они забывают о дороге. Некоторые называют этот храм нирваной или самадхи, некоторые называют его просветлением или переходом на высший уровень сознания.

Люди думают, что они готовы пуститься в путь к этому волшебному храму, но и тут они ошибаются. Дорога к храму всегда перед ними, но они не видят ее или не хотят ее видеть. Поэтому они ищут Учителей, которые откроют им сокровенные тайны о том, как достигнуть храма без Дороги, или они ищут Школу, которая дарует им Мудрость. Они забывают, что для того, чтобы стать здоровым, нужно всего лишь перестать быть больным. Им неведомо, что в действительности лечит не

храм, а дорога, и самая простая дорога к гармонии и совершенству – это дорога Спокойствия, дорога плавного и постепенного избавления от болезней – как болезней тела, так и болезней духа.

– Но почему так происходит? – спросил я. – Ведь то, что ты сейчас объяснил мне, достаточно очевидно.

– Все дело в сущностях, таящихся в личности человека, – объяснил Учитель. – Каждая сущность хочет чего-то своего. В какие-то моменты человек думает, что желания этой сущности – это его собственные желания, но поскольку он не знает, что за сущность владеет им в данный момент, он ошибается в своих желаниях, он считает, что хочет одного, хотя на самом деле за этим желанием скрывается нечто совсем другое.

– Ты не мог бы объяснить поточнее? – попросил я.

– Возможно, ты встречался с людьми, которые всю жизнь мечтают о чем-то, но никогда этого не совершают, хотя в действительности это не так уж и сложно. Например, кто-то мечтает путешествовать, но все его мечты ограничиваются лишь редкими загородными прогулками, или мечтает изучить иностранный язык, но едва может произнести на нем "здравствуй".

– Знаешь, я вспомнил забавный пример на эту тему, – улыбнулся я. – Как-то я был в гостях у друзей в поселке под Белогорском и познакомился с человеком, который купил там дом, перебравшись в Крым откуда-то из русской глубинки. Этот человек рассказал мне, что он живет здесь уже семь лет и что его мечтой всегда было увидеть море, но дел всегда невпроворот – надо и работать, и достраивать и ремонтировать дом и он так ни разу и не выбрался на море, но когда-нибудь в будущем, когда он закончит ремонт в доме и разберется с делами, он обязательно это сделает и тогда его мечта осуществится.

Слушая его, я вежливо поддакивал, несказанно удивляясь про себя подобному феномену. Если бы мы находились в Сибири или на Урале, я бы мог понять, что он не имеет денег и времени для столь долгого путешествия. Но до моря было всего полчаса на автобусе, и мечту его жизни было не так уж трудно осуществить. Люди не переставали удивлять меня.

– Объясни, почему он так странно себя ведет? – закончив рассказ, спросил я у Учителя.

– Для некоторых людей важнее иметь мечту, которую они когда-нибудь смогут осуществить, чем в действительности осуществить ее, – сказал Ли. – Возможно, его мечта увидеть море – это все, что у него есть. Одна из сущностей, живущих в нем, жаждет увидеть море, и эта жажда подпитывает у него желание жить и бороться за существование. Видишь, он даже переехал жить в Крым, поближе к морю. Эта сущность толкает его действовать в определенном направлении. Но есть и другая сущность, которая прекрасно знает, что стоит ему увидеть море, как из его жизни исчезнет последняя иллюзия и она станет пустой и бессмысленной. Возможно, что эта вторая сущность – его страж, который защищает его дух от потери иллюзий, хотя может быть и по-другому. Нам слишком мало известно о жизни этого человека.

Неожиданно на меня нахлынула глубокая печаль.

– Но ведь это же ужасно! – воскликнул я. – В его жизни действительно нет ничего, кроме постоянной работы. Я не представляю, как можно так жить.

– В его жизни есть надежда, – мягко произнес Учитель. – И в его жизни есть стремление. Надежда и стремление – это могучие движущие силы, которые позволяют нам преодолевать тяготы человеческого существования. В действительности ты не слишком отличаешься от него. В твоей жизни тоже есть надежда и стремление, и ты тоже работаешь и тренируешься. Кому-то твои надежды и стремления могут показаться глупыми и бессмысленными, и они точно так же скажут, что ты зря тратишь свое время и силы.

– Но я по крайней мере прикладываю усилия для осуществления своей мечты! – возразил я, слегка обиженный подобным сравнением.

– Все дело в том, что твои сущности смотрят в одном направлении. О таких, как ты, говорят, что в них «Я» и «не Я» шагают в ногу. На эту тему у Спокойных даже есть изречение: "Втрое сильнее тот, в ком «Я» и «не Я» шагают в ногу".

– Что значит «Я» и «не Я»? – вновь зажигаясь любопытством, спросил я.

– Не сейчас, – как от назойливой мухи, отмахнулся от меня Ли. – Ты всеми способами уходишь от темы твоих недостатков.

– Наверное, в этом виноват мой внутренний страж, – улыбнулся я.

К теме недостатков характера мы возвращались неоднократно. Ли заставил меня составить список моих слабостей и внимательно следить за проявлениями сущностей, расширяя и дополняя его новыми пунктами, отражающими мнения разных сущностей, классифицируя собственные недостатки и отыскивая способы избавиться от них.

Теперь настал мой черед рекомендовать то же самое своим ученикам. Я посоветовал девушке, желающей искоренить мешающие ей в жизни качества характера, составить список ее недостатков. Зина оказалась достаточно наблюдательной, и на следующее занятие она предоставила мне внушительный список.

Первое место в этом списке занимал страх. Далее следовало чувство собственной значимости. Третье место досталось неспособности намеренно и полноценно контролировать свои мысли, чувства, эмоции и действия.

Четвертым пунктом было отсутствие должного контроля собственного голоса, языка, речи, звука, интонации, неумение точно и доходчиво передать свои чувства, мысли и ощущения – иными словами, косноязычие.

На пятом месте красовалась склонность к самобичеванию, самообесцениванию и самоунижению, неадекватные проявления жалости по отношению к себе или по поводу каких-то событий.

Естественным следствием пятого пункта был шестой – приступы безверия в себя, неуверенность и сомнения.

Седьмое место занимали лень и безволие, неспособность воплощать в жизнь собственные решения типа: умеренно питаться, рано вставать, выполнять какие-то необходимые действия, а также склонность к откладыванию дел, оттягиванию сроков их выполнения, неспособность вовремя являться на свидания и т. д.

В восьмом пункте Зина отметила неспособность контролировать мимику лица, жестикуляцию и произвольные телодвижения.

На девятом месте стояла зависимость внутреннего состояния от внешнего окружения и наоборот, зависимость выбора внешнего окружения от внутреннего состояния.

Десятый пункт занимала зависимость от мнения окружающих, зависимость от привычек, от привязанности к другим людям, отсутствие естественности и простоты.

Но больше всего мне понравился последний пункт – незнание себя. Однажды Учитель сказал, что восхождение к вершинам учения Шоу-Дао начинается именно с осознания глубины незнания самого себя, поскольку в этот момент даос ступает на путь самосовершенствования, постепенно и методично овладевая всеми внешними и внутренними составляющими личности, всеми гранями души и тела.

Однако был один пункт, который Учитель назвал бы самым основным недостатком, главным смертным грехом по отношению к самому себе, и этот пункт отсутствовал в Зинином списке.

Тема основного недостатка всплыла в наших разговорах, казалось бы, совершенно случайно, но, как всегда, к месту, как раз в период, когда Ли безжалостно, хотя и с присущим ему юмором, критиковал слабости моего характера.

Я рассказал ему об одном моем знакомом научном сотруднике, который интересовался йогой и эзотерическими учениями в надежде найти в них ключ к избавлению от тягот повседневного существования. У него были проблемы с желудком и печенью, начинался артрит, отношения на работе складывались не самым лучшим образом. Пару лет назад Михаил развелся с женой и теперь жил один в небольшой комнате коммунальной квартиры. Он жаловался мне на плохое здоровье, на неспособность сосредоточиться, несмотря на то что он пытается выполнять какие-то упражнения хатха-йоги, но по самиздатовским книгам трудно научиться чему-то, а хорошего преподавателя найти невозможно, поскольку все вокруг – самоучки, изучавшие йогу по тем же самым книгам.

Я посоветовал Михаилу в первую очередь бросить курить, поскольку он, несмотря на свой интерес к йоге, дымил, как паровоз, затем изменить в лучшую сторону привычки питания, пить настои лекарственных трав, выполнять упражнения для улучшения работы суставов и т. д. Он внимательно слушал, скорбно покачивая головой, но на каждый мой совет он неизменно находил контрдовод. Курение было единственным способом снять напряжение, накапливающееся на работе. Конечно, он хотел бы более полноценно питаться, но самостоятельно он неспособен приготовить даже яичницу, не говоря уже о полноценном обеде. Он пытался пить настои трав, но их приготовление занимает много времени, да и принимать их надо по расписанию, а он, замотанный делами, постоянно пропускает время приема.

Пообщавшись с ним в этом духе несколько раз, я убедился, что все мои благие намерения помочь ему растрачиваются втуне, и перестал давать Михаилу советы.

– Знаешь, что странно, – в заключение сказал я Учителю. – Этому человеку действительно нужно всерьез заняться своей жизнью и своим здоровьем, и кажется, что он достаточно умен, чтобы понимать это, но что меня удивляет, так это то, что, если бы он тратил на заботы о себе столько же времени, сколько он проводит в беседах на эту тему, он был бы образцом здорового образа жизни.

Ли укоризненно покачал головой.

– Иногда меня просто удивляет твоя наивность, – сказал он. – Этот твой приятель вовсе не нуждается в избавлении от страданий. То, что ему действительно нужно, – это аудитория, которая будет выслушивать его жалобы, сочувствовать ему и морально его поддерживать.

– Но ведь это бессмысленно, – возразил я. – Он в самом деле болен, и если он сейчас не займется собой, остаток своей жизни он будет страдать и физически, и морально.

– Ну и что? – состроил недоуменную гримасу Учитель. – Каждый европеец, глядя на других, гордится своим умом и здравым смыслом. Но все горе в том, что, когда речь заходит о реальном применении этого здравого смысла для собственного благополучия и процветания, тут-то и происходит сбой. Возможно, здравый смысл и существует, но, увы, он не работает.

– К сожалению, я и сам достаточно часто подмечал это, – сказал я. – Но почему так происходит?

– Мы с тобой уже не раз беседовали о недостатках характера, – ответил Ли. – Ты можешь похвастаться множеством недостатков, но одна из причин, по которой я сделал тебя своим учеником, это то, что в тебе очень слабо выражен главный и наихудший недостаток человечества, причина большинства людских несчастий.

Учитель замолчал, хитро взглянув на меня.

– Что это за недостаток? – я не удержался от искушения сразу же задать вопрос.

– Может быть, ты сам мне об этом скажешь?

Я задумался. Список моих личных недостатков был столь впечатляющ, что я затруднялся придумать что-либо новенькое. Однако надо было что-то изобрести. Я напряг извилины, и тут меня осенило.

– Наверное, это глупость? – с надеждой спросил я. Мимика Учителя явственно продемонстрировала мне, что я промахнулся.

– Даже не знаю, – сдался я, назвав несколько менее впечатляющих версий, которые Ли так же молчаливо отверг.

– Ты упустил одну из самых распространенных слабостей, которую тебе каждодневно демонстрируют твои сограждане, – сжалился наконец надо мной Учитель. – А не заметил ты ее потому, что основной недостаток – это плоть и кровь европейцев, это сама суть их жизни. И поскольку в определенной, хотя и в меньшей степени этот недостаток присущ и тебе, ты даже не отдаешь себе отчета в его существовании и не можешь определить его словами.

– Мне стыдно, что я такой тупой, – покаянно признался я.

– Не ты один, – похлопал меня по плечу Учитель. – У этого недостатка есть свое, особое название, которому трудно подобрать полноценный эквивалент в русском языке. Можно было бы назвать это пассивной нерадивостью по отношению к самому себе, к своей судьбе и к своему духу. Спроси любого человека, хотел бы он быть счастливым и забыть о том, что такое страдания, и, если он в своем уме, он ответит тебе: «да». Но если ты спросишь того же самого человека, что сделал он для того, чтобы действительно быть счастливым и забыть о том, что такое страдания, он, конечно, назовет тебе несколько вещей, он сможет объяснить, что учился, или работал, или делал зарядку, или добивался любви и уважения, или сколачивал капитал, или обзавелся семьей, но вряд ли он скажет тебе о том, что он сделал для того, чтобы приобрести главный и основной компонент счастья – гармонию с самим собой и гармонию с окружающим миром.

В древности на Востоке пассивная нерадивость считалась главным смертным грехом, но постепенно люди забыли об этом и пассивная нерадивость стала частью их жизни. Только не путай пассивную нерадивость с даосским пониманием недеяния. Недеяние – это проявление гармонии, пассивная нерадивость – это проявление лени, отсутствия гармонии, пренебрежения к самому себе, к своему духу и к своему телу.

Для того чтобы добиться гармонии с самим собой и с окружающим миром, нужно непрестанно работать, непрестанно совершенствоваться, не переходя, однако, в этой работе к излишней и преувеличенной активности. Для того чтобы осознавать, в каком направлении должна вестись эта работа, тебе нужно непрерывно упражнять свой ум, свое сердце и свое тело, так, чтобы они приобрели силу, чувствительность и гибкость. Лишь в этом случае ты сможешь плавно следовать за непрерывными трансформациями окружающего мира, за сложными и хитроумными изгибами судьбы, удачно вписываясь в повороты и не оказываясь на обочине жизни.

Но если для достижения гармонии следует действовать, даже пребывая в бездействии, для того, чтобы страдать, не нужно особо стараться. Страдание – удел ленивых и слабых духом, и в то же время страдание – мощный инструмент для привлечения внимания и помощи других, это ресурс, помо-

гающий сделать других людей рабами нашего страдания.

Мир полон страдающих людей, людей, большая часть жизни которых ирреальна, пуста и бессмысленна. Они гонятся за мимолетными призраками счастья и успеха, облакая их в форму новых вещей, новых любовниц, признания толпы, денег, дачи или машины. Но это лишь призраки, на краткий миг насыщающие людские жажды, но не искореняющие, не утоляющие их.

Обрати внимание на то, чем большую часть времени занято большинство твоих знакомых. Они или смотрят телевизор, или ссорятся, или болтают и сплетничают, или предаются иллюзорным мечтам о том, чего они когда-нибудь добьются, если судьба будет к ним благосклонна, или совершают какую-нибудь очередную глупость.

Их жизнь течет, регулируясь толчками и пинками, которые время от времени дает им внешний мир, и их жизнь почти не зависит от пустых и бессмысленных мелочей, которыми они наполняют ее, полностью забывая о них через несколько дней или месяцев.

Люди не чувствуют своей личной ответственности за ход своей судьбы, за то, как они живут, что делают и как умирают. Люди не помнят, кто они такие, и не задумываются о том, как они живут и зачем они живут, вспоминая о смысле жизни лишь тогда, когда их жизнью становится страдание.

Страдание – это восхитительная стратегия, которую изобрел человек, чтобы избежать личной ответственности.

Страдания и воображаемая борьба с ними заполняют пустоту жизни, создавая временные цели.

Подумай, сколько раз, когда встречаются двое и спрашивают друг друга: "Как жизнь", они тут же переходят к долгому и подробному пересказу своих последних неприятностей и неудач. Но самое забавное в этом то, что большинство этих страданий и неудач проистекает из неспособности удовлетворить их фантазии и желания, обычно или находящиеся за пределами их подлинных возможностей, или не удовлетворяемые в силу лени и отсутствия желания работать.

Подумай, сколько времени люди посвящают реальному самосовершенствованию, реальному личностному росту, развитию своего тела, ума и эмоций, и сколько времени, энергии и сил они затрачивают на никому не нужные пустяки, которые в действительности не стоят выеденного яйца.

Меня охватила печаль, а на смену ей пришло гнетущее чувство стыда и собственной ничтожности. Я прикинул, сколько времени я провожу у телевизора, вспомнил свою склонность к легким бездумным беседам с друзьями, свою природную лень, желание подольше поспать, любовь к вредным для здоровья пирожным и прочие свидетельства самого страшного смертного греха.

– Учитель, но почему ты говоришь, что у меня пассивная нерадивость выражена слабо? Мне кажется, что значительную часть времени я, как и все европейцы, растрачиваю на пустяки, не стоящие внимания.

– Ты внимательно слушал, но так и не понял, что я хотел сказать, – покачал головой Ли. – Все, что мы делаем, в том числе и эту беседу, можно было бы назвать пустяками и напрасной тратой времени. Шоу-Дао – не научный коммунизм. Здесь нет четкого кодекса поведения Образцового Шоу-Даоса. Здесь нет списка того, что правильно, хорошо и полезно, и того, что глупо, бессмысленно и вредно. В Шоу-Дао важно не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Любая работа, любое действие или любое безделье могут растрачивать твою энергию втуне или могут способствовать твоему внутреннему росту. Это как секс: он может быть удовольствием с потерей энергии, или он может быть удовольствием с приобретением энергии. Различие между даосом и европейцем состоит в том, что там, где европейец теряет, даос приобретает.

– Но в чем тогда, например, заключается разница между тем, как даос смотрит телевизор и как это делает европейец?

– Ты снова задаешь вопросы, на которые ты сам можешь ответить, если немного подумаешь, – нахмурился Ли. – Не стоит демонстрировать мне пассивную нерадивость, притворяясь глупее и беспомощнее, чем ты есть на самом деле. Сейчас, спрашивая меня о том, что ты можешь понять и сам, ты, вместо того чтобы воспользоваться случаем укрепить свой ум и уверенность в своих силах, пытаешься использовать меня там, где это не является необходимым. В качестве рычага воздействия на меня ты используешь интеллектуальную беспомощность, так, как некоторые люди используют страдания для того, чтобы завладеть вниманием других людей. А теперь ответь сам на свой вопрос.

К своему удивлению, я понял, что действительно знаю ответ. Он пришел в виде осознания откуда-то из глубин моей души, всплыв на поверхность, как большой старый сом из озерной тины, и затем сам облекся в слова.

– Европейец смотрит телевизор в основном для того, чтобы убить время, или набраться новых волнующих впечатлений, которых ему недостает в повседневной жизни, или получить какую-то не слишком важную информацию типа того, что происходит в мире на этой неделе. Европейец делает это

бездумно и механически, следуя привычкам или обыденному распорядку, просто потому, что он пришел с работы, наступил вечер и больше нечего делать.

Даос смотрит телевизор лишь в том случае, если он действительно испытывает в этом необходимость, а не потому, что ему скучно и нечем заняться. И если даос смотрит телевизор, он максимально задействует все грани своей души, впитывая, используя и преобразуя получаемую информацию, наслаждаясь зрелищем согласно учению "Вкуса жизни", используя эмоции, вызываемые событиями, разворачивающимися на телеэкране, как толчок к перераспределению энергии в организме, тренируя свой ум или, наоборот, расслабляясь.

– Ну вот видишь, как все просто, – сказал Учитель. – Все это ты уже знал, и лишь твоя пассивная нерадивость мешала извлечь это знание на поверхность. Я уже говорил, что главное – не что делать, а как это делать.

Нечто подобное мы с тобой обсуждали, говоря об отношении Спокойных к работе. Ты знаешь, что воины жизни, избегая крайностей, в каждом конкретном случае находят свой "срединный путь". Они работают и не работают одновременно, выполняя только то, что действительно необходимо сделать, но не затрачивая времени и энергии на ненужные усилия. Необходимую работу они выполняют как можно лучше, доводя это выполнение до совершенства и одновременно используя работу как упражнение по саморазвитию, извлекая из нее наслаждение интеллектуальное – от выбора наилучших решений, наслаждение эмоциональное – согласно учению "Вкуса жизни", и наслаждение физическое, укрепляя тело в процессе работы. В некотором смысле суть внутренней работы немногим отличается от сути выполнения работы, необходимой для выживания.

В душе даоса все внутренние сущности смотрят в одном направлении, и поэтому они действуют слаженно и к общей пользе. Сущности, составляющие личность европейца, обычно эгоистичны и противоречивы, как и люди, каждая из них считает себя лучше, умнее и осведомленнее, и каждая из них тянет в своем направлении, как лебедь, рак и щука в басне Крылова. То, что было важно для одной из сущностей, тут же забывается, как только другая сущность берет временную власть над личностью. Третья сущность тоже будет тянуть одеяло в свою сторону, заставляя человека забыть о своих предыдущих желаниях, чаяниях и намерениях.

Только тот, кто способен отдавать себе отчет в том, чего он действительно хочет, тот, кто способен взять на себя ответственность за свою жизнь и свои действия, тот, кто способен в каждое свое действие вкладывать все свое внимание, свою душу, ум и тело, сможет в конце концов прийти к осознанию самого себя, прийти к спокойствию и к гармонии, внутренней и внешней.

Когда одна из внутренних сущностей захватывает власть, человек забывает о том, кто он есть и чего он хочет. Желания сущности он принимает за свои собственные желания, хотя эти желания могут быть вредны и даже смертельно опасны. Бывает, что на какой-то срок человека охватывает словно временное помешательство, все его стремления направлены на одно – например, купить какую-то вещь, или поехать в какое-то место, или овладеть какой-то женщиной. Сущность дает ему небывалый всплеск энергии и стремления, который он наивно принимает за состояние силы или за высшую волю, указующую ему путь к счастью. Но все это не больше чем самообман. Поэтому, когда тебя будут охватывать странные стремления или желания, спроси себя, спроси свое сердце, действительно ли ты этого хочешь или это – бессмысленное и ненужное желание одной из твоих внутренних сущностей. Только приняв на себя полную ответственность за свои желания и решения, ты сможешь действовать, как воин жизни, а не метаться из стороны в сторону, как поплавок, затерявшийся в бушующем море.

– Но если моя личность состоит из нескольких сущностей, то как я смогу отделить желания сущностей от своих собственных желаний? – спросил я. – Что же тогда представляет собой мое "Я"?

– Это трудно объяснить словами, но однажды ты почувствуешь это, мой маленький брат, – мягко сказал Ли. – Твое «Я» – это некая универсальная результирующая всех внутренних сущностей, шагающих в ногу, поскольку все сущности воина жизни смотрят в одном направлении. На самом деле ты уже знаешь, что это такое, единственное, что тебе осталось, – это вывести это знание на поверхность. Для того, кто откажется от пассивной нерадивости ради ответственности и самоосознания, это нетрудно осуществить...

Глава 2

Идея о том, что во мне сосуществует множество разных сущностей, любая из которых в какой-то момент может взять верх и заставить меня выполнять какие-то нелепые или вредные действия с точки зрения чего-то, что я считал более или менее самым собой, настолько поразила меня, что я не

переставая думать об этом, пытаюсь выделить и классифицировать живущие во мне сущности.

Естественно, что я регулярно пристаивал к Учителю с расспросами на эту тему, но он отказывался обсуждать ее, ссылаясь на то, что время для этого еще не подошло.

– Ли, скажи мне, пожалуйста, существует ли какая-либо классификация сущностей, живущих в человеке? Они имеют одну и ту же природу или между ними есть какие-то принципиальные различия? Имеют ли сущности свою иерархию? Есть ли среди них какие-то более сильные или развитые, если так можно выразиться, главные сущности?

Ли укоризненно посмотрел на меня.

– Иногда ты бываешь назойливее осенней мухи, – недовольно произнес он. – Естественно, классификация сущностей существует, и, как ты правильно догадался, есть сущности, действительно имеющие совершенно разную природу. Они подразделяются, хотя эти термины на самом деле не совсем точно отражают суть дела, на сущности слова и сущности действия. На китайском языке эти два типа имеют несколько названий, но эти названия слишком громоздки и метафоричны, чтобы для тебя имело смысл упоминать их.

Проявления сущностей слова и действия очень легко различить. Когда тобой овладевает сущность слова, она как бы говорит тебе, что ты хочешь того-то и того-то или что ты должен сделать то-то и то-то. Сущности действия никогда ничего не говорят. Поэтому когда кто-то рассказывает тебе, что он ощущал нечто внутри себя, что он не мог определить, нечто, что побуждало его действовать самым непонятным или несвойственным для него образом, можно заключить, что в тот момент им овладевала сущность действия. Одним из типичных примеров сущности действия может быть "третья рука" или твой двойник.

Заметив, что я с нетерпением выжидаю момента, чтобы задать очередной вопрос. Учитель предостерегающим жестом поднял руку.

– На сегодня хватит о сущностях. Лучше вернемся к теме болезней духа и недостатков характера, мешающих твоему личному росту.

Я разочарованно пожал плечами.

– Как скажешь, – с едва заметной ноткой недовольства сказал я.

– О чем ты сейчас подумал? – неожиданно резким голосом спросил меня Ли.

– Даже не знаю, – растерянно ответил я. – По правде говоря, у меня в голове не было никакой четко сформулированной мысли.

– Это неправда, – жестко сказал Учитель. – Дело в том, что ты не хочешь вспоминать свою мысль, чтобы не высказывать ее вслух. Не стоит стесняться своих мыслей. Ты пока не достиг совершенства, и отслеживать и произносить вслух то, что приходит тебе в голову, – всего лишь естественная часть процесса обучения.

– Наверное, ты прав, я действительно думал о чем-то, – подтвердил я. – Но мысль была настолько расплывчатой, что, когда ты громким голосом задал вопрос, она мгновенно вылетела у меня из головы.

– Так вернись назад и поймай ее, – велел Ли. Я сосредоточился на чувстве недовольства, охватившем меня оттого, что Учитель отказался говорить на интересующую меня тему, и ускользнувшая было мысль на сей раз четко сформулировалась у меня в мозгу. Эта мысль была столь несвойственна мне, что она меня удивила.

– Это просто глупо, – сказал я. – Бывает, что в голову вдруг лезет всякая чушь.

– Давай, колись, – с привычным ехидным смешком отозвался Ли. – Выскажи мне прямо в лицо все, что ты обо мне думаешь, – с патетическо-драматическими интонациями в голосе добавил он, пародируя семейную сцену.

– Не понимаю почему, я вдруг подумал, что ты издеваешься надо мной, играешь со мной, показывая мне приманку и тут же выхватывая лакомый кусочек у меня из-под носа. На миг мне даже показалось, что тебе нравится издеваться надо мной. Даже не знаю, что на меня нашло...

– А я знаю... – многозначительно произнес Учитель. С немым вопросом, застывшим в глазах, я взглянул на него. Ли выдержал драматическую паузу, а затем расхохотался. Я засмеялся вслед за ним.

– Ты угодил в тобою же расставленную психологическую ловушку, – заявил Ли.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Ты знаешь, как поступают китайцы, когда им приходится идти через джунгли, где водятся тигры? – неожиданно сменил тему Учитель.

– Нет. А что они делают? – заинтересовался я.

– В таких случаях идущие через джунгли надевают на затылок маску, изображающую челове-

ческое лицо.

– И что? – удивился я. – Какое дело тигру до того, что у них на затылке?

– Конечно, тигру нет до этого никакого дела, но все же он не нападает, – усмехнулся Ли.

– Но почему?

– Все дело в повадках тигра. Тигры привыкли выслеживать добычу и неожиданно набрасываться на нее из засады. Поэтому тигр, пытающийся подкрасться к идущему человеку сзади, увидев маску, решит, что тот смотрит на него, а значит, подкрасться незаметно не удастся, и тигр не станет нападать. Конечно, если тигр очень голоден, чем-то раздражен или если он столкнется с человеком лицом к лицу, тигр может атаковать, несмотря на то что он видит лицо человека, но тем не менее маска на затылке во многих случаях защищает от нападения тигра.

– Странные повадки, – заметил я. – Даже не ожидал, что тигры так себя ведут. А зачем ты мне это рассказал?

– Потому что речь зашла о психологических ловушках, – объяснил Учитель. – То, как ведут себя тигры, может послужить типичным примером додумывания ситуации, основываясь на некоторых конкретных данных в отсутствие достаточного количества информации. Таким образом тигры попадают в психологическую ловушку.

– Ты снова упомянул психологическую ловушку, – сказал я. – Что это такое?

– Психологическая ловушка – это некая ограниченная информация, которая в особой ситуации эмоциональной вовлеченности заставляет человека делать совершенно ошибочные выводы. Большинство стратегий, военных хитростей и мошеннических трюков основываются на психологических ловушках. Психологическая ловушка – понятие элементарное и очевидное, и, попав в ловушку, расставленную другими, человек обычно со временем осознает свою ошибку. Он может расстраиваться или негодовать, он может стать недоверчивым или мстительным – важно не это. Главное – научиться не попадать в свои собственные психологические ловушки.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Несколько минут назад ты прямехонько угодил в свою собственную психологическую ловушку, – сказал Ли.

– В какую ловушку?

– Точно так же, как и тигр, ты, основываясь на недостаточном количестве информации и будучи эмоционально вовлечен в ситуацию, пусть даже на короткое время решил, что я играю с тобой, придавая в то же время слову «играю» весьма негативную окраску, или даже, что еще хуже, ты подумал, что я намеренно издеваюсь над тобой.

– Ты прав, – вынужден был согласиться я.

– Самое неприятное заключается в том, что, попадая в собственные сети, человек обычно не замечает этого, и, совершив одно ошибочное действие или заключение, он вынужден подкреплять его серией новых ошибочных действий и заключений. Чем дальше человек следует по пути ошибок и ложных умозаключений, тем труднее ему свернуть с этого пути. Не так трудно признать одну маленькую ошибку, но признать ошибочной свою жизненную стратегию крайне тяжело. Люди предпочитают быть проигравшими, но правыми. Это может показаться парадоксальным, но это действительно так. Именно это свойство человеческой психики делает модели мира столь жесткими и ограниченными, и именно поэтому болезни духа – острые или хронические, более или менее ярко выраженные, становятся основой болезней тела.

Ошибки мышления и поведения, характерные для психологических ловушек, порождают болезни души и недостатки характера. Поэтому, научившись отслеживать свои собственные психологические ловушки и избегать их, ты сможешь избавиться от многих черт личности, мешающих твоему духовному росту и развитию и, в определенной степени, мешающих тебе быть счастливым.

– Я постараюсь, – сказал я.

– Начни с отслеживания того, как другие люди попадают в психологические ловушки. Вспомни какие-нибудь наиболее типичные примеры.

Я пожал плечами.

– Пожалуй, самым типичным примером мог бы стать Отелло, – сказал я, припоминая школьную программу. – Он попал в психологическую ловушку из-за преувеличенной ревности и заключил, что его жена неверна, лишь на основании платка и слов завистливого Яго.

– Отелло попал в ловушку, расставленную другими, – заметил Учитель. – Постарайся привести пример, как человек попадает в расставленную им самим психологическую ловушку.

Поскольку ничего толкового мне в голову не приходило, я решил вновь пройти по школьной программе, и мне вспомнилась зловещая фигура Раскольникова, вооруженная топором.

– Раскольников, – сказал я. – Его эмоциональная сфера была взвинчена жадой выбраться из бедности, и вместо того, чтобы подумать о каком-либо более или менее конструктивном способе, он целыми днями задавал себе вопрос: "Тварь я дрожащая или право имею?". Поскольку вопрос сам по себе был достаточно абсурдным и не имел однозначного ответа, Родион Иванович попал в свою собственную психологическую ловушку и кокнул бедную старушку, а потом долго и нудно терзался угрызениями совести.

– Что-то тебя на криминал потянуло, – укоризненно покачал головой Учитель. – Ты лучше сообрази что-либо попроще, поближе к реальной жизни.

– А! – встрепенулся я. – Я вспомнил забавный анекдот, близкий к реальной жизни.

Холодной дождливой ночью один человек ехал по шоссе, как вдруг у него спустила шина. Он хотел было сменить колесо, но оказалось, что он забыл захватить домкрат. Машин на шоссе не было, так что не было шанса проголосовать и попросить помощи. Вдали, примерно в полукилометре от дороги виднелся домик с освещенными окнами. Иного выхода он не видел, – и мужчина побрел под дождем через поле к домику, надеясь, что у хозяев найдется домкрат и они согласятся одолжить его ему. Естественно, что настроение у несчастного автолюбителя было хуже некуда, и он принялся размышлять: "Естественно, что хозяевам дома не понравится, что перепачканный грязью незнакомый человек стучится ночью в их двери, – думал он. – Они даже могут принять меня за бродягу или преступника. И чего ради они вдруг дадут мне домкрат? Какая может быть гарантия, что я его верну? Они начнут задавать мне кучу вопросов, кто я такой, куда я еду, и почему, отправляясь в дорогу, я не позаботился о том, чтобы захватить свой собственный домкрат. Я вынужден буду унижаться и умолять их, чтобы не остаться ночевать на улице, а они будут смеяться надо мной и радоваться тому, что они находятся в теплом уютном доме, в то время как я вынужден таскаться туда-сюда под дождем по раскисшему полю, как бродячий пес. До чего же они неприятные люди! Они мне просто отвратительны. Да я ни за что на свете не стану унижаться, вымаливая у них этот треклятый домкрат!"

Тем временем мужчина добрел до дома и нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина. Приветливо улыбнувшись, она сказала:

– Здравствуйте.

– Да подавись ты своим домкратом! – закричал на нее мужчина.

– Отлично, – похвалил меня Ли. – Хотя это всего лишь анекдот, это действительно очень жизненный пример. В данном случае автолюбитель стал жертвой ловушки ожидания. Как ни странно, многие люди подсознательно уверены, что они умеют читать мысли других, и, не дав себе труда убедиться в том, что их предположения о мыслях других людей верны, они действуют таким образом, как если бы их умозаключения были истиной в последней инстанции. Свидетельством подобных умозаключений могут быть фразы типа: "Ты считаешь, что я глупее тебя", или "Ты меня ненавидишь!", или "Ты хочешь лишить меня свободы!".

Я расхохотался.

– По ассоциации с тем, что ты говоришь, мне почему-то вспомнилась не помню где вычитанная фраза: "Никто не посмеет отнять у нас завоевания социализма".

– Вот-вот, – поднял вверх указательный палец Учитель. – Это тоже пример попадания в психологическую ловушку, но тут вместо чтения мыслей наблюдается предвосхищение действий. В качестве стимула защищать завоевания социализма великолепно действует мысль о том, что найдется безумец, который попытается эти завоевания отнять. Создай себе врага – и твоя жизнь приобретет смысл!

– Еще один анекдот почти на эту же тему, – оживился я. – На Диком Западе на лихом вороном жеребце скачет Джон Эскобар Неуловимый. Но не потому он неуловимый, что его никто поймать не может, а потому, что он никому не нужен.

– А это еще одна разновидность психологической ловушки – это ловушка представления. Твой Джон на диком коне представляет себя неуловимым, хотя на самом деле никто и не думает его искать. Подобное случается нередко. Уверен, что тебе доводилось сталкиваться с подобными людьми.

Действительно, мне не раз встречались люди, воображавшие, что они хранят очень важные секреты, в то время как эти их тайны абсолютно никого не интересовали.

Одним из них был Андрей Веселовский, научный сотрудник, увлекающийся восточными эзотерическими учениями. И внешне, и манерами поведения он удивительно напоминал Штирлица – он

был подтянут, серьезен и сдержан, и за его спокойным многозначительным молчанием скрывались глубочайшие тайны оккультного мира, которые он собирался унести с собой в могилу. С естественной для того времени осторожностью он давал читать некоторым своим знакомым оккультную литературу и даже позволял подержать в руках портреты Великих Учителей Шамбалы, чьи имена обладали огромной магической силой и произнесение которых все вызывало ужасные негативные вибрации в Мировом Эфире, что даже могло вызвать нарушение Космической Гармонии.

Поскольку портреты Великих Учителей также были заряжены космической энергией, чтобы не вызвать негативных колебаний Мирового Эфира, к ним могли прикасаться лишь достойные доверия люди, преданные члены Подпольной Партии Советских Оккультистов.

Так, одна из женщин, удостоенная доверия Андрея и чести лицезреть светлые лики Учителей Шамбалы, говорила, поднося палец к губам:

– Ни в коем случае нигде и никогда нельзя упоминать имя Андрея Веселовского. Он должен оставаться в тени. Даже трудно представить, какие люди и какие силы стоят за его спиной...

Еще один знакомый мне человек, живущий весьма замкнуто и избегающий контактов с другими, был убежден в том, что все вокруг стремятся узнать его личные секреты, хотя было трудно понять, что в его жизни могло бы привлечь внимание или интерес. Он даже добился того, чтобы его телефон не был указан в телефонной книге и не давался справочными бюро, хотя и без этой секретности ему почти никто никогда не звонил.

Более экзотическим примером была одна моя знакомая йогиня и по совместительству колдунья, которая была убеждена, что КГБ непрестанно следит за ней и, более того, регулярно облучает ее квартиру ужасными невидимыми лучами – последней технической новинкой Комитета, с целью уничтожить ее и не допустить, чтобы ее уникальные магические способности нанесли какой-либо ущерб Советскому Государству.

Я привел Ли еще несколько примеров, мы вдоволь посмеялись, и я решил продолжить обсуждение понравившейся мне темы.

– Раз уж мы перешли на анекдоты, я расскажу тебе еще один, – сказал я. – Анекдот называется "Женская логика".

В купе поезда едут две женщины и мужчина. Женщины очень громко разговаривают и хохочут, как ненормальные. У мужчины болит голова, и он пытается заснуть, но из-за их воплей это невозможно сделать. Мужчина очень вежливо обращается к женщинам.

– Простите, вы не могли бы говорить потише, – просит он. – Уже поздно, у меня очень болит голова, и мне хотелось бы уснуть.

– Вы только послушайте его! – возмущенно кричит одна из женщин. – Он заявляет, что мы, видите ли, слишком громко разговариваем! Так он может заявить, что мы лаем, как собаки. Он что, собаками нас считает? Граждане, помогите, сукой обозвали!

– А это уже психологическая ловушка аналогий, – сказал Учитель. – Женская логика действительно чаще обращается к аналогиям, чем к логике, и, поскольку эти аналогии могут быть самыми странными и нелепыми с точки зрения мужчины, женская душа считается загадкой, а женская логика – непостижимой для мужчины наукой. Но, научившись подмечать и различать типы психологических ловушек, в которые люди склонны загонять себя, ты сможешь понимать как мужскую, так и женскую логику.

– А какими бывают типы психологических ловушек для воздействия на других людей? – спросил я.

– Их очень много, – сказал Учитель. – Вот, например, так называемая магическая ловушка. Представь, что ты находишься в заполненной людьми комнате и обвиняющим голосом говоришь какие-то общие фразы типа "некоторые люди не имеют совести, слова «достоинство» и «честь» для них пустой звук, они готовы продать тебя за понюшку табаку", и т. д. и смотришь при этом на какого-то конкретного человека, который на самом деле не имеет никакого отношения к тому, о чем ты говоришь. Однако люди, присутствующие в комнате, думают, что раз ты так пристально смотришь на этого человека, значит, и то, что ты говоришь, имеет к нему непосредственное отношение.

Подобные ловушки ты неоднократно изучал в техниках рукопашного боя. Например, в бою с двумя противниками ты, собираясь атаковать одного из них, смотришь на другого. Даже в бою с одним противником ловушка взгляда великолепно срабатывает. Так, направленный на его солнечное сплетение взгляд, подкрепленный желанием ударить в это место, заставляет противника защищать именно солнечное сплетение, в то время как ты наносишь удар в иную зону.

Еще одна психологическая ловушка – это ловушка незнания. Я проиллюстрирую ее соответствующей историей.

Одна женщина поехала в служебную командировку в другой город, и там в гостинице познакомилась с грузином, который показался ей вполне приличным и воспитанным человеком, так что она даже пригласила его поздно вечером зайти к ней в номер, чтобы поболтать. На самом деле женщина рассчитывала только на легкий флирт, чтобы скоротать время, и, когда грузин набросился на нее, пытаясь изнасиловать, это стало для нее полной неожиданностью. Кричать и звать на помощь ей не хотелось, чтобы не попадать в неудобное положение – в конце концов, она сама пригласила его в гости. Мужчина был гораздо сильнее, он уже рвал на ней одежду, и надо было срочно что-то делать.

Посмотрев грузину в глаза, женщина сказала твердым и угрожающим голосом:

– Идиот, ты даже не представляешь, с кем связался. Я знаменитая потомственная колдунья, и для меня сделать мужчину импотентом – раз плюнуть. Сейчас твой член съжится и станет совсем крошечным, а в наказание за то, что ты пытался меня изнасиловать, я сделаю так, что больше никогда в жизни у тебя не будет эрекции.

Грузина, никогда не сталкивавшегося с чем-либо подобным, это заявление застало совершенно врасплох. От удивления и охватившего его опасения сексуальное возбуждение улетучилось, и его член действительно уменьшился в размере. Это окончательно убедило мужчину в том, что колдунья говорила правду. Страх заставил его пенис окончательно съжаться.

– Что ты наделала! – в ужасе воскликнул грузин.

– Немедленно убирайся из моей комнаты, – злобно прошипела женщина, – иначе я нашлаю на тебя порчу и ты умрешь в течение двух недель!

На ходу застегивая брюки, грузин пулей вылетел из ее номера.

На следующее утро в дверь номера женщины постучали. На пороге стоял грузин с цветами, конфетами и дорогими подарками. Он чуть не плакал.

– Прости меня, – встав на колени, попросил он. – Денег дам, что хочешь для тебя сделаю, только сделай меня снова мужчиной. Ты действительно колдунья. Я всю ночь пытался добиться эрекции, но у меня так ничего и не получилось.

– Ладно уж, – смиростивилась женщина. – Так и быть, сниму с тебя заклятие, только смотри, больше не насилуй никого.

В данном случае грузин попался в ловушку собственного незнания на гребне интенсивного страха перед импотенцией, которая для гордого и темпераментного кавказца хуже смерти.

На самом деле женщины, действительно способные при помощи внутренней силы навсегда сделать из мужчины импотента, встречаются исключительно редко, и еще более сомнительно, чтобы женщина такого класса позволила себе оказаться в подобной ситуации. Еще одна вещь, которую грузин не учел, это то, что при переключении внимания эрекция всегда ослабевает, и страх, вызванный незнанием, действительно мог навсегда превратить его в импотента.

А вот пример ловушки ложного знания. Родители с младенческого возраста пугают маленькую девочку бабаями. "Будешь себя плохо вести – придет бабай плохой, бабай страшный, он заберет тебя, а потом съест", – говорят они.

И вот в семью собирается приехать погостить родственник из Узбекистана, которого зовут Бабай. Девочка напугана до смерти. Она с ужасом ожидает появления бабая, бабая страшного, бабая плохого, который заберет ее и съест.

Сколько бы ей теперь ни объясняли, что этот бабай – совсем другой – хороший, добрый бабай, ребенок этому так до конца и не поверит. Девочка, попавшая в ловушку ложного знания, в ужасе вжимается в стену или убегает, увидев гостя, и он чувствует себя неловко, не понимая, чем он вызывает такую неприязнь.

Большинство людей постоянно находятся в ловушках ложных знаний. Множество ловушек ложного знания формируется в детстве, и даже если во взрослом состоянии человек на рациональной основе изменяет свое мнение по поводу внушенных ему в детстве вещей, мало кому удастся избежать подсознательного попадания в те же самые силки. Так, человек, которому с детства внушили, что мотовство и расточительность – смертный грех, даже приобретя огромные богатства, будет дрожать над каждой копейкой, хотя разум может говорить ему, что в этом больше нет смысла, что денег ему хватит с лихвой даже на несколько жизней.

Женщина, усвоившая с детства, что ее долг – посвятить себя мужу и детям, может чувствовать стыд и вину, делая что-то для себя, что нравится лично ей. Она будет подсознательно обвинять себя в эгоизме и черствости и не избавится от этих чувств, даже когда дети вырастут и перестанут нуждаться в ее заботе.

В ловушку действия заманивает человека чиновник, который, в момент, когда посетитель заходит к нему в кабинет, с очень серьезным и сосредоточенным видом пишет что-то в бумагах. Скорее всего, он лишь старается произвести впечатление занятого важными делами ответственного работника, не расположенного тратить свое время на всякие пустяки, поскольку вряд ли чиновник всерьез способен заняться работой в одно-двухминутную паузу между посетителями.

Искусство расстановки психологических ловушек в совершенстве освоили астрологи, предсказатели будущего и гадалки. Обычно они используют ловушки слабостей – жадности, страха и т. д. или ловушки совпадений.

Ловушка совпадений заключается в произнесении общих фраз, которые можно применить к кому угодно, но человек, отыскивая совпадения, тут же находит прямые аналогии со своей собственной жизнью и убеждается в действенности предсказаний.

– Ну-ка предскажи мне что-нибудь, – попросил я.

– Ты кто по знаку? – с важным видом поинтересовался Учитель.

– Лев, – с гордостью произнес я.

– Лев – это символ величия и силы, – начал импровизировать Ли. – В твоей жизни бывали сложные периоды, когда тебе приходилось прикладывать все свои силы для того, чтобы победить обстоятельства и вырваться вперед, но ты оказывался на высоте и достигал впечатляющих результатов, хотя, бывало, случались и неудачи. Однако у тебя впереди еще один сложный жизненный этап, и ты будешь находиться на грани того, чтобы бросить все и пересмотреть все свои основные жизненные ценности. Тебе надо будет успокоиться и восстановить свои силы. Поскольку ты не сможешь составить полного представления о том, что происходит, это отсутствие ясности в мыслях может отсрочить разрешение некоторых, к счастью не самых серьезных, проблем.

Будут моменты, когда ты испытаешь всплеск оптимизма в связи с обещаниями, которые тебе будут давать другие люди, но ты должен помнить, что не всем можно доверять. Как следует продумывай все свои идеи. Поспешность решений может здорово тебе навредить.

Тебе приходилось испытывать любовные разочарования, но тебе удавалось и зажигать любовь в женских сердцах. Иногда тебе нравится спорить, но для тебя было бы лучше избегать выяснения отношений с женщиной, которую ты любишь, поскольку ссоры способствуют охлаждению отношений и готовят почву для недоверия и ревности.

У тебя будет период трения и напряжения на работе, но ты преодолеешь его и добьешься успеха. Недостаток жизненных сил, который ты будешь время от времени испытывать, невозможно будет восполнить с помощью медикаментов, но правильное питание и регулярные физические упражнения помогут тебе стать сильным и энергичным. Мне продолжать?

– Не стоит, – рассмеялся я. – Я уже готов заплатить тебе червонец за столь исчерпывающую информацию. Из тебя вышел бы великолепный астролог.

– И не только астролог, – гордо приосанился Учитель и заговорил, подражая рекламному агенту: – Любые разделы черной и белой магии, – к вашим услугам ясновидящий астролог-целитель номер один Советского Союза. Любые ваши проблемы будут разрешены за 24 часа, какими бы сложными они ни были. Со стопроцентной гарантией! Приворот и отворот, присушка и отсушка, счастливое избавление от соперников и соперниц, помощь в работе, повышении благосостояния и любви, снятие дурного глаза. Прочистка чакр и открытие третьего глаза и отверстия Браммы! Общение с духами умерших родственников, знаменитых людей и домашних животных! Хиромантия, физиогномика, гадание на свече, хрустальном шаре, кофейной гуще и курином бульоне! Разрешение кармических проблем и разрубание кармических узлов! Лечение кристаллами и талисманами, восстановление и увеличение сексуальной потенции до уровня атомного реактора, а также все, что пожелает ваша душа. Все за 24 часа и все со стопроцентной гарантией!

– Забавное сочетание – астролог-целитель, – сказал я. – Я сейчас понял одну вещь. Мне всегда казалось странным, как вполне здравомыслящие люди с высшим образованием верят в самую несусветную мистическую чушь, но теперь, когда ты объяснил, как легко человек попадает в психологические ловушки, расставленные другими, или в свои собственные психологические ловушки, как возникают болезни духа и как они становятся основой болезнью тела, я вдруг осознал, что вся эта околумистическая компания магов, гадалей, астрологов и предсказателей в определенной степени паразитирует на болезнях человеческого духа. С одной стороны, они могут использовать челове-

ские слабости для личной выгоды, но, с другой стороны, они могут играть роль своеобразных психотерапевтов, так что сочетание астролог-целитель может быть вполне оправданным.

– Ты попал в точку, – подмигнул мне Учитель. – Человек, лишенный спокойствия и ясности духа, инстинктивно стремится восстановить эту ясность, но он не знает, как это сделать, или не имеет необходимого запаса воли и устремления для достижения внутреннего равновесия. Самое простое и всем доступное средство восстановления гармонии – обращение к услугам тех, кто называет себя экспертами в данной области.

Не думай, что все астрологи, гадалки и предсказатели – намеренные обманщики и что их деятельность так уж вредна или бессмысленна. То, что сейчас стало профессией психотерапевта, раньше было работой колдуна, астролога, гадалки или священника.

Что раньше делали люди, чтобы облегчить бремя своей совести или принять важное решение? Они шли на исповедь или за советом к священнику, и если священник был добрым и проницательным человеком, научившимся читать в людских сердцах, он действительно врачевал болезни их души.

Сейчас мы живем в стране атеистов. Атеист не может пойти на исповедь к священнику, и он обращается к астрологии или к магии, к гаданиям или к оккультным наукам. В основе всего этого лежит то же самое инстинктивное стремление избавиться от болезней духа, от страха и неуверенности в себе, от боли, чувства безнадежности или бессмысленности своего существования, сомнений и угрызений совести. Люди не просто попадают в психологические ловушки – они летят на них, как мотыльки на свет, поскольку обычно именно психологические ловушки помогают им избавиться от сомнений и сожалений, от угрызений совести и страха.

Проще всего сказать, что твоя судьба складывается именно таким образом, поскольку на нее влияют звезды или планеты. Конечно, кое-что зависит и от тебя, но твоя воля к принятию решений – ничто перед могучим предопределением звезд.

Если тебя преследуют неудачи – это не твоя вина, – просто кто-то наслал на тебя порчу или в детстве сглазил тебя, или, может быть, в прошлой жизни ты был гиеной, слопавшей выпавшего из гнезда птенца, и теперь у тебя дурная карма.

Но главное – не то, истинное или ложное знание продают тебе маги, астрологи или священники, главное – чтобы их действия приносили облегчение.

– Но если большинство из того, что они делают и говорят, – полная бредятина? – спросил я. – Разве в конечном итоге это может оказать действенную помощь? Я не понимаю, почему такое распространение получили именно странные, примитивные и далекие от реальности вещи, в то время как об учениях, подобных Шоу-Дао, почти ничего не известно?

– Ты никак не избавишься от юношеского максимализма, – покачал головой Ли. – Представь себе, что ты слышал, что в Соединенных Штатах есть частная клиника, в которой врачи делают уникальные в своем роде операции на позвоночнике и парализованные люди начинают ходить. А теперь представь, что ты живешь в маленьком провинциальном советском городке, у тебя была травма позвоночника и ты наполовину парализован. Ты все равно будешь вынужден обращаться к местным врачам, и они будут прописывать тебе лекарства, которые облегчат твои боли, они назначат тебе какие-то физиотерапевтические процедуры или курс массажа для поддержания тонуса пораженных мышц. Ты всегда обращаешься к тому, что близко и доступно, хотя, возможно, ты знаешь, что где-то существует нечто, что действительно могло бы помочь тебе самым радикальным образом, но, увы, ты никогда не сможешь воспользоваться этой возможностью.

В случае, когда человек, например, не может принять важное решение, хороший астролог или гадалка, читая скрытые желания в его душе, смогут дать ему желаемый совет или ободрить его, вселив в него уверенность в благоприятном исходе, избавив его таким образом от нервозности и сомнений.

– Нечто подобное произошло с моей знакомой, – сказал я. – Она занималась не совсем легальным бизнесом, и у нее появилась возможность войти в одно дело, которое, с одной стороны, могло принести огромные доходы, но с другой стороны, могло оказаться слишком рискованным. И, хотя она чувствовала, что все должно пройти успешно, ее постоянно одолевали сомнения, так что она даже начала страдать бессонницей. Тогда она пошла к гадалке, и гадалка, естественно, не посвященная в детали, предсказала ей, что дело, которым она собирается заняться, увенчается полным успехом и принесет ей богатства. Моя знакомая перестала сомневаться, к ней вернулся сон, и, действительно, все прошло более чем благополучно.

– Часто людям надо лишь получить подтверждение тому, что они следуют правильным путем, поскольку в глубине души они уже приняли решение, но боятся или не хотят принять на себя ответ-

ственность за это решение. В подобных случаях астролог или гадалка лишь помогают человеку избавиться от сомнений и неуверенности в себе, хотя не всем везет так, как твоей знакомой, и нередко опытные гадалки дают советы в такой форме, что их можно трактовать как угодно, и человек, трактующий их, попадает в психологическую ловушку ожиданий.

– Я помню, как в детстве на меня произвела огромное впечатление история, которую я прочитал у Геродота, – сказал я. – Там Крез, царь Лидии, собираясь затеять войну с Персией, отправился к Дельфийскому Оракулу, чтобы узнать, выйдет ли он победителем из этой войны. Дельфийский Оракул дал великолепный ответ. Он сказал: "Если ты направишь свои войска в Персию, великое царство падет".

Уверенный в себе Крез, дотоле не знавший поражений, ни секунды не сомневаясь, решил, что падет царство его противника, а он вкусит триумф победителя. Только когда войска Креза были разбиты наголову, а сам он попал в плен и был приговорен к смерти, он осознал, что слова Оракула имели двоякое толкование и что должно было пасть его собственное царство.

– Вот тебе еще один пример того, как опасно попадать в свои собственные психологические ловушки. Но все многозначные и универсальные толкования европейских предсказателей – ничто по сравнению с широчайшим простором для воображения, представляемым гаданием по Книге Перемен. Толкования ее предсказаний содержат в себе все мыслимые и немыслимые психологические ловушки. Китайцы всегда были мастерами неопределенных предсказаний.

– Но почему тогда гадания по Книге Перемен были так знамениты? – спросил я. – С их помощью действительно можно было предвидеть будущее или нет?

– И да, и нет, – ответил Ли. – Гадание по Книге Перемен – это искусство, доступное немногим. Искусных гадателей можно пересчитать по пальцам, так же как действительно искусных врачей. То, как при традиционном гадании расположатся стебли тысячелистника, образующие триграммы или гексаграммы, – это еще не ответ – это некое направление, ведущее в глухую и неизведанную местность, наполненную ловушками и миражами. Тот, кто умеет избегать ловушек и обманчивых иллюзий, тот, кто сформировал в себе чувство срединного пути и развил искусство балансирования на спине ветра, отыщет в этой местности свой единственно правильный путь, свой единственно правильный ответ, но подобному человеку не нужно прибегать к гаданию, чтобы знать, что делать.

– Мне встречались люди, – сказал я, – которые, затрудняясь принять решение, отдавались на волю судьбы, подбрасывая в воздух монетку, и в зависимости от того, выпадет орел или решка, поступали тем или иным образом.

– Это как в анекдоте, – улыбнулся Ли. – Собрались мужики и решают, что делать. Спорят, спорят, ни к какому решению прийти не могут – и решают бросить монету. "Если выпадет орел – напьемся в стельку, – договариваются они.

– Если выпадет решка – отправимся по бабам, если монета упадет на ребро, пойдем в кино, а если монета зависнет в воздухе – тогда уж, ничего не попишешь, придется работать".

– Почти, – рассмеялся я. – Но один мой знакомый поступал иначе. Если монета говорила ему сделать одну вещь, он делал нечто другое.

– "Спроси у женщины и сделай наоборот", – процитировал Учитель. – Этот твой друг попадался в психологическую ловушку противоречий. Ему казалось, что, поступая "наперекор судьбе", он утверждает свою индивидуальность и независимость, но на самом деле он демонстрировал таящуюся в его душе жажду противоречия.

– Ты упомянул, что болезни духа становятся болезнями тела, – напомнил я. – Есть пословица: "В здоровом теле – здоровый дух". Как ты считаешь, что на самом деле первично, а что – вторично: болезни духа или болезни тела?

– На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ, – сказал Учитель. – Бывают дети с врожденными уродствами, люди могут искалечить тело, попав в аварию, или они могут заболеть, подхватив инфекцию, но если человек родился здоровым и живет в более или менее приемлемых для выживания условиях, если совершаемые им в силу необходимости действия не доводят его до истощения, его физическое состояние в гораздо большей степени зависит от состояния его духа, чем состояние его духа – от физического состояния.

Болезни духа проявляются в слабостях, а потакание слабостям разрушает здоровье. Подумай, например, о заядлых курильщиках. Они прекрасно знают, что курение убивает их легкие, но тем не менее они продолжают курить. Пристрастие к сигарете – следствие болезни духа – слабости и безволия, становится основой для болезней тела.

То же самое относится к неправильному питанию, к сексуальной неразборчивости или к тяге к алкоголю.

Заболевания духа – тревожность, скрытые страхи, неуверенность в себе или чувство вины – порождают напряжения в соответствующих участках тела. Эти напряжения препятствуют свободной циркуляции энергии, возникают области застоя, болезненные зоны – города и крепости, и оттуда болезнь распространяется дальше – вширь и вглубь – в мышцы, внутренние органы и кости.

Одной из проблем современной медицины является то, что врачи прописывают средства против болезней тела, забывая в то же время о болезнях духа. Эти средства приносят облегчение и на время устраняют симптомы, но корень болезни, пусть даже почти незаметный, остается, чтобы в подходящий момент снова дать всходы. Именно поэтому многие люди предпочитают обращаться к знахарям и целителям. Среди целителей встречаются подлинные жемчужины – гениальные врачи, способные в одно и то же время излечивать и тело, и душу. И чем более гениальным является целитель, тем более обширен его арсенал психологических ловушек.

– Как здорово! – воскликнул я. – Мне бы хотелось научиться излечивать болезни духа.

– Я расскажу тебе одну притчу, – сказал Ли. – Она называется "Любовь к камню".

Жил когда-то богатый купец и владел он драгоценным камнем, равного которому не было на всей земле. Любил он этот камень больше всего на свете и никогда с ним не расставался.

Днем и ночью любовался купец своим камнем, забывая о сне и еде, и здоровье его от этого стало ухудшаться. Забеспокоилась жена купца – так недолго и мужа потерять, и, захватив с собой деньги и дары, отправилась за советом к мудрому даосу, слава о котором летела во все стороны быстрее стрелы, пущенной из тугого лука.

Даос благосклонно принял подарки и, обещав помочь, отправил несчастную женщину восвояси.

Через две ночи наступило полнолуние, и влюбленный в камень богач вышел в сад, чтобы полюбоваться, как лунный свет играет на гранях его сокровища, зажигая в мерцающей глубине камня разноцветные огни.

Вдруг холодное дуновение коснулось щеки купца и, обернувшись, он увидел рядом с собой словно сотканную из мрака безликую фигуру в странной одежде из лохмотьев и перьев.

– Кто ты и что ты здесь делаешь? – дрожащим голосом спросил богач, с ужасом вглядываясь в злое очертания незнакомца.

– Я – твоя смерть и пришла за тобой, – ответил странный глуховатый голос.

– Но я еще молод и не хочу умирать, – севшим от страха голосом прошептал купец.

– Я могу выполнить твоё последнее желание, – сказала смерть. – Проси, что хочешь, кроме одного – остаться жить на земле.

– А я могу и после смерти не расставаться с камнем? – спросил богач с затаенной надеждой.

– Конечно, если таково твоё желание, – равнодушно ответила смерть. – И ты, и твоё сокровище будете навечно заточены в холодной непроглядной тьме. Ты не сможешь видеть свой камень, но будешь вечно сжимать его в руках.

– И я больше никогда не увижу луны? – тоскливо спросил купец.

– Ты никогда больше не увидишь ни луны, ни сада, ни родных, – захохотала смерть. – Ты не сможешь любоваться цветами, ласкать жену, вкушать лакомства, греться на солнце и подставлять лицо летнему ветерку. Но зачем тебе все это? Всю свою жизнь ты видел только одно – драгоценный камень, и после смерти ты не расстанешься с ним.

– Дай мне срок проститься с родными, – отчаянно закричал богач, падая на колени. – Я сделаю все, что ты захочешь, только оставь мне ещё один день!

– Ладно, – говорит смерть, – я подарю тебе один день, если взамен ты отдашь мне свою драгоценность.

Протянул купец смерти камень, даже не взглянув на него, и бегом бросился в дом. Мечется по комнатам, жену зовет, а ее нигде нет. Выбежал снова в сад, смотрит – у ворот жена стоит и держит в руках его заветную драгоценность.

– Откуда у тебя камень? – теряя рассудок, завопил богач. – Тебе его дала смерть?

– О чем ты говоришь? – удивилась жена. – Мне отдал его даос, когда выходил из нашего сада.

Понял тогда купец, с кем он вел беседу. Заплакал он от облегчения, потом рассмеялся, обнял жену, забрал у нее камень и, размахнувшись, зашвырнул его в реку.

С тех пор изменился купец. Стал веселым, щедрым и, как никто, научился наслаждаться жизнью. И не удивительно – уж он-то знал, что в любую минуту за ним может прийти смерть.

Учитель замолчал, и я задал вопрос:

– Интересно, к какому типу относится болезнь купца?

– А как ты думаешь?

– Наверное, это как-то связано с жаждами, – предположил я.

– Не совсем, – сказал Ли. – В данном случае мы сталкиваемся с типичным случаем одержимости.

– Это слово наводит на аналогию одержимости бесами.

– Одержимость – это обусловленное некими внутренними процессами сужение модели мира до крайне ограниченной фиксации на каком-то предмете, идее или действии. В то же время слова "одержимость бесами" в определенной мере оправданы, поскольку в период одержимости одна из сущностей, заключенных в человеке, берет верх, начисто подавляя все остальные сущности.

Типичная "одержимость бесами" обычно является неконтролируемым проявлением сущности действия.

– Мы все-таки вернулись к вопросу о сущностях, – вдохновился я.

– Напрасно радуешься, – сухо оборвал меня Ли. – Как я уже сказал, сейчас не время обсуждать тему сущностей. Лучше вернемся к предмету одержимости. Сужение модели мира может иметь самую разную природу – в его основе может лежать страсть, или навязчивая идея типа создания вечно-го двигателя, или желание разжечь мировую революцию, или какая-либо неутоленная жажда.

В случае купца мы видим, как болезнь духа порождает болезни тела, и даос демонстрирует нам великолепный пример шоковой терапии, которая в некоторых случаях является лучшим методом лечения одержимости.

– Почему? – спросил я.

– Можно сказать, что одержимый человек дает себе команду не видеть, не воспринимать и не чувствовать ничего, что могло бы отвлечь его от объекта его концентрации. Поэтому обычные, не экстремальные воздействия на его мысли и чувства не производят желаемого эффекта.

Представь себе бронебойное стекло. Ты можешь бросать в него камни, стрелять в него из ружья или из пистолета, но на нем не останется даже царапинки. Обычными методами тебе не удастся проникнуть за преграду. Но если тебе удастся, например, достать бронебойный снаряд, ты разнесешь преграду вдребезги, и то, что было скрыто внутри, вырвется наружу. Лишь на гребне сильных эмоций удастся сломать барьер одержимости, хотя есть и другие методы, но они требуют значительно больших затрат времени и сил.

– Несколько лет назад я прочитал рассказ одного японского автора, – сказал я. – Я не помню его имени, но рассказ показался мне таким нетипичным, что он запомнился мне. Теперь я понимаю, что то, что описал автор, было примером излечения одержимости на волне сильных эмоций, хотя в данном случае это был случай спонтанного самоизлечения.

Герой рассказа, исключительно жестокий японец, каждый день, возвращаясь с работы, безжалостно избивал свою жену. Несчастная женщина была покорной и кроткой. Она всячески старалась угодить своему мужу, но тем не менее он каждый день находил повод, чтобы придираться к ней, и избивал ее с каждым разом все сильнее и сильнее.

Однажды он вернулся домой в особо плохом настроении и начал бить ее особенно жестоко. Он сломал ей ноги, она корчилась от боли на полу, вся в крови, и в какой-то момент, когда он занес руку для очередного удара, женщина с трудом приподнялась на локтях и, взглянув ему в глаза, тихим голосом произнесла: "Пожалуйста, не надо!"

Что-то перевернулось в душе ее мужа. Впервые он почувствовал, какие физические и душевные терзания должна была испытывать она за годы, которые они прожили вместе. Японец не мог понять, за что он избивал ее. Она делала все, чтобы заслужить его любовь, он ни в чем не мог ее упрекнуть, и он не мог объяснить себе, почему он вел себя подобным образом.

Японец заплакал и упал на колени рядом с женой. Он поклялся, что никогда в жизни больше не ударит ее и посвятит всю свою жизнь заботам о ней. Он отнес ее на кровать, смыл кровь с ее тела и перебинтовал ее раны. К сожалению, избивая ее в последний раз, он повредил ей позвоночник, и женщина стала инвалидом.

Теперь муж неустанно заботился о ней. Каждый день он на спине выносил ее погулять, он мыл ее в бане и готовил для нее еду. Любовь к жене стала смыслом его жизни.

– Печальный рассказ, – сказал Учитель. – Не удивительно, что он показался тебе странным, но тем не менее для японца то, что произошло, было бы вполне понятным и объяснимым. Японцам, как, впрочем, и китайцам, часто свойственна одержимость. Жестокая внутренняя дисциплина стала частью их культуры, а любое жесткое самоограничение сужает модель мира, и, в зависимости от его волевых устремлений и силы духа, японец может сузить свою модель мира до крайних пределов.

То, что произошло с твоим японцем в момент, когда женщина сказала: "Пожалуйста, не надо", можно было сравнить с озарением, с внезапно обрушившимся на него осознанием. Эмоциональное отождествление с женой разрушило его защитные барьеры жестокости и заикленности на самом себе, но – обрати внимание – это озарение не расширило его модель мира, оно лишь способствовало замене одного типа одержимости на другой. Одержимость жестокостью сменилась одержимостью любовью.

– Все это кажется мне таким странным, – заметил я. – Как возникает подобная одержимость жестокостью?

– По-разному, – ответил Ли. – Возможно, в детстве люди, которых этот японец любил, причинили ему сильную боль и он поклялся, что никогда не допустит слабости полюбить кого-либо, и тогда никто не сможет причинить ему боль. Но поскольку его склонность или потребность испытывать любовь была слишком сильной, ему понадобились огромные усилия для того, чтобы полностью заглушить в своей душе ростки любви. Чтобы бороться с любовью, он использовал жестокость, и чем лучше вела себя жена, чем ласковее она обращалась с ним, тем больших усилий ему стоило заглушить в себе голос любви.

И вот неожиданно наступил момент осознания, когда японец понял, что он причиняет невинному существу страдания гораздо более сильные, чем те, что пережил он, и это осознание стало для него невыносимым. Он понял, что превратился в чудовище и что он пытается любящее его существо без всякой на то причины, подобно тому как в детстве без всякой причины пытали его. В этот момент его одержимость сменила ориентацию.

Учитель замолчал. Я почувствовал, как невыносимая печаль охватывает меня. Какое странное существо человек, и как трудно понять механизмы, управляющие его душой!

– Выше голову, – хлопнул меня по плечу Ли, подметивший на моем лице печать черной меланхолии. Это всего лишь рассказ.

– Я понимаю, – отозвался я, стараясь вернуть себе хорошее настроение.

– Я знаю, как привести тебя в чувство, – усмехнулся Учитель. – Нужно всего лишь подбросить тебе еще один лакомый кусочек знаний. Поэтому, возвращаясь к теме болезней духа, я расскажу тебе еще одну притчу, которая называется "Всем неприятностям неприятность".

Одного чиновника все время одолевали беды и несчастья. То заболит кто-нибудь из домашних, то на скотном дворе случится пожар, то на службе важная бумага пропадет. Посоветовали ему добрые люди пойти на поклон к святому даосу. Чиновник так и поступил.

Выслушал даос долгий рассказ несчастного о его бедах и неудачах и говорит:

– Дело твое непростое, тут советчик помудрей меня нужен. Несколько лун гостит в моем доме Смерть человеческая. Если не боишься, спроси у нее совета.

– А как я ее узнаю? – спрашивает чиновник.

– Нет ничего проще, – ответил даос. – Как войдешь в дом, сразу увидишь чан с водой. Наклонись над ним и спрашивай.

Не знал чиновник, что даос как раз одно снадобье готовить собрался, а для этого на дно чана человеческий череп положил и воду налил, чтобы вода на черепе настоялась.

Зашел чиновник в дом, заглянул в чан, да как череп на дне увидел – чуть от страха не помер.

Даос тем временем тихонько прокрался в дом, спрятался за спиной чиновника и говорит глухим страшным голосом:

– Ведомо мне, о несчастный, о твоих бедах да напастях. Жаль мне тебя стало, но теперь твои беды кончились: я заберу твою жизнь, чтобы прекратить твои страдания.

От этих слов чиновник пуще прежнего перепугался, да как закричит:

– Нет, не надо у меня жизнь забирать, все у меня в ней хорошо, а если что и при-

ключится, так это и к лучшему, от будничной суеты отвлекает.

Выскочил чиновник из дома, словно за ним черти гонятся, и побежал домой без оглядки.

Странное дело – с тех пор у того чиновника бед и неудач поубавилось, а если и случалась какая-то неприятность, то он говорил:

– Да разве это несчастье! Вот у даоса в доме гостит всем несчастьям несчастье, всем неприятностям неприятность!

Я удивился тому, как незаметно испарилась терзавшая меня печаль.

Учитель, покачивая головой, ехидно смотрел на меня.

– Типичный европейский знахарь мог бы сказать, что враги наслали на этого чиновника порчу или что у него дурная карма, потому что это самый простой способ объяснить человеку, почему на него сваливаются неприятности.

– А что мог бы сказать святой даос? – поинтересовался я.

– Он бы сказал, что в душе чиновника взяла верх сущность, притягивающая неприятности. Страдать и жаловаться всегда проще, чем бороться, и когда человек отказывается бороться, он начинает подсознательно искать оправдания для своей пассивной позиции. Неприятности – это лучшие оправдания, и, хотя чиновник не подозревал об этом, то, что мы могли бы назвать его внутренней силой, давало ему то, что он хотел, – неприятности.

Даос прекрасно понимал, что для того, чтобы ослабить власть ведущей сущности, ему придется доказать глубинному осознанию чиновника, что пришла пора сменить стратегию жизни. Притворившись смертью, он заставил чиновника осознать, куда его заводит сущность, притягивающая несчастья, и, на гребне страха, чиновник переструктурировал свою модель мира, на подсознательном уровне дав себе приказ прекратить саморазрушение и начать радоваться жизни.

Даос в этой притче прекрасно знал психологические ловушки, с помощью которых он мог манипулировать мировоззрением и поведением людей, и его с полным правом можно было бы назвать гениальным целителем человеческих душ.

Тема психологических ловушек настолько меня увлекла, что я стал собирать особенно увлекательные истории на эту тему, и некоторые из них настолько забавны, что мне бы хотелось о них упомянуть. Конечно, я не могу полностью ручаться за их точность и достоверность, поскольку я слышал их от других, но достоверность, наверное, даже не слишком и важна. В нашей стране происходят и более удивительные вещи.

Итак, в уездном городе Н. жила компания весьма пьющих мужичков, которые к тому же все, как один, были автолюбителями. Выезжая на дачу к одному из них, чтобы на лоне природы раздавить пару бутылочек, они каждый раз миновали пост ГАИ, где обычно дежурили их знакомые милиционеры, которые закрывали глаза на то, что они садятся за руль в нетрезвом виде.

И вот друзья, как всегда, отправились на дачу, но, проезжая мимо поста ГАИ, они увидели на посту нового, незнакомого им милиционера. Затем они, естественно, напились в стельку, но, поскольку остатки сознания еще теплились в их затуманенных алкоголем мозгах, никто не хотел садиться за руль, чтобы не лишиться прав. И только один из них, которому уже было море по колено, решил отвезти остальных в город. Отважный водитель буквально на днях купил по дешевке «запорожец» у водителя-инвалида, и ему не терпелось обновить покупку, с которой он даже не снял знак, предупреждающий, что за рулем инвалид.

И вот «запорожец» проезжает мимо поста ГАИ, милиционер делает знак остановиться, водитель тормозит, и вся нетрезвая компания погружается в отчаяние, предчувствуя, что сейчас их приятель лишится прав до конца своей жизни.

Расстроенный водитель открывает дверцу, и, поскольку он не способен даже держаться на ногах, он вываливается на асфальт и из последних сил на четвереньках ползет к постовому.

Милиционер, заметив на машине знак инвалида, видя ползущего к нему на карачках человека, естественно, приходит в ужас, издали, махая жезлом, приносит ему свои извинения и умоляет несчастного инвалида поскорее уехать.

"Инвалид" заползает обратно в свою инвалидную машину, трогается с места и уезжает. До приятелей не сразу доходит смысл происшедшего, но, сообразив, что к чему,

они хохочут, как ненормальные.

В данном случае милиционер попался в ловушку додумывания ситуации. Было темно, и он находился на таком расстоянии, что не мог почувствовать запах. Если бы милиционер не был так эмоционально вовлечен в происходящее и не терзался угрызениями совести из-за того, что заставил ползти по асфальту полупарализованного человека, он бы избежал попадания в психологическую ловушку.

Следующая история тоже связана с милицией и алкоголем.

Два приятеля, один из которых был участковым милиционером, решили по-русски отметить какую-то знаменательную для них дату и для этого уединились на квартире милиционера с несколькими бутылками водки, вина и подходящей случаю закуской.

На следующее утро гость проснулся с гудящей от похмелья головой. Принявший больше хозяин спал, как убитый, и растолкать его так и не удалось. Гость, назовем его Васей, решил прогуляться, но обнаружил, что его одежда залита вином, заляпана томатным соусом от кильки и не годится для прогулок. Недолго думая, он застирал свою одежду, повесил ее сушиться, надел милицмейскую форму и отправился подышать свежим воздухом.

Только вышел на улицу – к нему подбегает женщина, хватая за рукав и говорит: "Товарищ милиционер, у меня муж пьяница, бьет меня, пожалуйста, разберитесь с ним".

Васе все равно делать было нечего, и, назвавшись именем своего друга, он пошел разбираться с пьяным мужем. Но поскольку Вася не был настоящим милиционером, он не стал читать тому морали и угрожать забрать его в участок. Вася предпочел потолковать с мужиком по душам. Они распили полбутылочки водки, а новоявленный представитель правопорядка тем временем душевно беседовал с хозяином, так доходчиво объяснив, что не стоит бить женщину, когда можно полюбовно улаживать все споры, что незадачливого мужа прошибла слеза и он торжественно поклялся никогда больше не поднимать на жену руку.

Вася покинул счастливое семейство и продолжил свою прогулку, пока его снова кто-то не остановил. Так, до вечера Вася ухитрился в лучшем виде разобраться с еще несколькими делами. Когда он вернулся к другу, настоящий милиционер все еще спал. Вася снял форму, повесил ее в шкаф, надел свою одежду и отправился домой.

Каково же было удивление милиционера, когда через несколько дней от облагодетельствованных Васей жителей района в отделение пошли благодарственные письма, в которых говорилось, как хорошо тот справляется со своими обязанностями, и вообще какой он приятный и достойный человек. В результате начальство даже объявило ничего не понимающему милиционеру благодарность за хорошую службу.

В этой истории есть два подтекста. Один – это то, что она является очевидным случаем психологической ловушки, когда люди привычным образом реагируют на форму, не обращая внимания на то, что поведение человека в форме является совершенно нетипичным и этой форме не соответствует, то есть что форма не соответствует содержанию.

Второй подтекст представляет собой уже другую тему, рассматриваемую учением Спокойных, – тему нестандартных решений, которые во многих случаях оказываются гораздо оптимальнее казалось бы очевидных и общепринятых действий.

Историю о следующей психологической ловушке – ловушке незнания – мне рассказал один из моих учеников.

В одном собачьем питомнике, где хозяева оставляли животных на передержку, овчарка заболела стригучим лишаем, и ее на машине, принадлежащей питомнику, повезли в больницу. Шофер, ведущий машину, чем-то когда-то досадил инструктору-собаководу, и инструктор решил отыгаться на нем. В непринужденной манере он завязал разговор и объяснил шоферу, что собака больна стригучим лишаем, а это болезнь крайне опасная и исключительно заразная.

– Теперь машина пойдет на списание, – сообщил инструктор, – ее даже хлоркой отмыть не удастся. Бациллы лишая уже витают в воздухе повсюду, и скоро у тебя начнут чесаться разные места, а потом ты станешь лысеть и шелушиться.

– А как же ты? – спросил испуганный шофер.

– У меня к лишаю иммунитет, – беспечно ответил инструктор.

На прощание он посоветовал шоферу никому не говорить о том, что он заразился стригучим лишаем, потому что тогда люди испугаются и перестанут общаться с ним.

На следующий день в питомнике инструктор подслушал, как шофер плачется своему напарнику о подцепленном стригучем лишае, присматриваясь к своей руке и почесывая ее.

Инструктор подошел поближе, критически осмотрел руку шофера и, скорбно покачивая головой, сказал с видом знатока:

– Это придется выжигать каленым железом...

Конечно, научиться распознавать психологические ловушки и избегать их – задача практически невыполнимая, но стремиться к лучшему проникновению в суть вещей и явлений – достойная цель для последователя даосизма.

Одно из основных упражнений, помогающих в распознавании психологических ловушек, это наработка умения сопоставлять форму и содержание, сознательно посылаемые сигналы с подсознательными проявлениями организма. В данном случае пословица "не верь глазам своим" верно отражает одну сторону медали, хотя пословица другой стороны медали могла бы звучать как "не верь интуиции своей".

Человек, знающий, как обмануть глаза, обманывает формой. Но люди более высокого уровня мастерства способны обманывать и содержанием, то есть они способны продуцировать воздействующие на человека на подсознательном уровне сигналы, вызывающие чувство доверия, страха, подчинения или какое-либо другое чувство.

В случае, когда в психологическую ловушку заманивает не только форма, но и содержание, подобной ловушки крайне трудно избежать. Тут уже необходимо совершенно новая способность проникновения в глубинную суть происходящего, но это тема для отдельного разговора.

По канонам Спокойных попадание в психологические ловушки они приравнивали к болезни. Впрочем, болезнью они считали любое состояние, отличное от состояния универсальной гармонии, в котором "всадник на спине ветра наблюдает за серединой".

Излишняя доверчивость – это болезнь. Излишняя недоверчивость – это болезнь. Излишняя эмоциональность – это болезнь. Недостаток эмоциональности – это болезнь. Ярость – это болезнь. Альтруизм – это болезнь, и т. д. и т. п. Дать четко сформулированное формальное определение нормы, естественно, было невозможно. Осознание нормы или меры вещей и явлений приходило постепенно на интуитивном уровне вместе с осознанием подлинной сущности срединного пути. Задумываясь о том, что представляет собою норма, избегая попадания все в большее число психологических ловушек, даос становился все ближе и ближе к норме, ближе и ближе к истинной гармонии.

Глава 3

Незадолго до преддипломной практики мне довелось познакомиться с удивительным человеком, и это знакомство стало для меня началом нового этапа погружения в чарующий мир целительства.

Я направлялся на встречу с одной из своих подруг, которая должна была состояться недалеко от кинотеатра «Мир». Летнее солнце палило немилосердно, у меня еще оставался запас времени, и я не смог удержаться от соблазна заскочить в манящее прохладой небольшое кафе, приветливо распахнувшее двери на центральной аллее парка, примыкающего к кинотеатру.

– Надо же, в конце концов, хоть иногда доставлять себе удовольствие, – подумал я и, с сомнением оглядев хлипкие пластиковые кресла, уселся на прочный деревянный табурет – единственное сооружение, внушавшее мне доверие.

Я заказал три стакана сока – яблочный, виноградный и томатный – и задумался над тем, не стоит ли побаловать себя пирожными, как кто-то тронул меня за локоть. Я повернул голову. Мне приветливо улыбался студент сельхозинститута, учившийся на одном из начальных курсов агрономического факультета. Мы познакомились примерно год назад, и он страстно увлекся Шоу-Дао. При первой же возможности мы с ним уединялись в одном из бесчисленных коридоров "Альма матер", и после каждой такой встречи, длящейся обычно от пяти до десяти минут, он покидал меня, довольный и счастливый, как медали, унося на себе энное количество свежих синяков.

Глядя на его сияющее лицо, я каждый раз вспоминал любимую поговорку Ли: "Небольшо, зна-

чит неправильно".

– Если ты не ощутишь хотя бы часть мощи приема на своем собственном теле, ты не сможешь обрести уверенности в нем, – объяснил мне Учитель.

– Сколько лет, сколько зим, – воскликнул я, вставая с табурета и заключая Захара в объятия.

– Учитель, есть подработка! – поспешил сообщить он.

– Это очень кстати, – обрадовался я, и, решив, что по такому случаю тарелочка пирожных уж точно не помешает, направился к стойке бара, бросив на ходу:

– Тебе что-нибудь купить?

– Сок и пару бушетошек, – откликнулся Захар. Мы уселись напротив друг друга, наслаждаясь ощущением уюта и предвкушая удовольствия общения и совместной трапезы. Когда первый голод был утолен, Захар, дожевывая кусок бушетки, сказал:

– Есть возможность хорошо заработать. Нужен иглоукалыватель. В те времена слово «рефлексотерапевт» еще не получило широкого распространения, и человека, применявшего методы рефлексотерапии, даже не имеющие отношения к акупунктуре, называли простым и понятным словом "иглоукалыватель".

– Я к твоим услугам, – бодро откликнулся я. – Когда приступать и кого надо сделать ежиком?

В этот период моей жизни мне пришлось изменить своим принципам и время от времени браться за работу, которую оплачивали. Это было связано с тем, что мою маму уже несколько раз оперировали по поводу рака и деньги, требующиеся на лекарства, на подарки врачам и медсестрам и на усиленное питание, многократно превосходили возможности нашего семейного бюджета.

Захар расправил плечи.

– Начну по порядку, – сказал он. – Пару недель назад я отправился в городскую парилку, и там один забавный дедуля попросил меня сделать ему массаж. Я промассировал его совершенно бескорыстно, но в конце концов он чуть ли не насильно всучил мне двадцать пять рублей.

Названная сумма произвела на меня впечатление, поскольку по тем временам она превышала половину моей студенческой стипендии и составляла почти четверть зарплаты инженера.

– Ты лучше переходи к делу, меня мало интересуют размеры твоих гонораров, – сказал я, вовремя вспомнив о том, что рискую опоздать на свидание.

– Я просто хочу показать, что дедушка умеет быть благодарным, – лукаво подмигнул мне Захар. – Завтра поздно вечером я снова отправляюсь к нему. Похоже, он ищет человека, сведущего в иглоукалывании и массаже, и я порекомендовал ему тебя.

– И где обитает твой щедрый дедуля? – поинтересовался я.

– В зоне Новоромановки. Тебе наверняка известны там районы частных застроек, где живут корейцы.

– Ты хочешь сказать, что дедуля – кореец? – удивился я.

– А разве я об этом не упоминал? – в свою очередь удивился Захар.

Это обстоятельство стало решающим аргументом. Мне показалось очень странным, что щедрый корейский дед пытается отыскать иглоукалывателя среди представителей славянского населения, поскольку из рассказов Учителя и Лин о местной корейской общине я знал, что среди крымских корейцев было немало искусных лекарей и что корейцы жили очень замкнуто, предпочитая решать свои личные проблемы в тесном кругу общины.

Захар проводил меня к месту свидания. Моя подружка запаздывала, и мы, отойдя в безлюдный переулок, принялись с энтузиазмом мутузить друг друга, как сказал Захар, для лучшего усвоения вкусной и здоровой пищи.

На следующий день я отправился в Новоромановку, где мы должны были встретиться с Захаром. Было около десяти часов вечера, и опустившаяся на город ночь была прекрасна. Воздух был прозрачен и чист, блюдечки мерцающих южных звезд кокетливо подмигивали мне с высоты. Захар опаздывал, и это давало мне возможность лишний раз насладиться таинственными пейзажами ночи. Прождав более получаса, я задумался о том, что, если так пойдет и дальше, я рискую провести под звездами всю ночь, но шестое чувство подсказывало мне, что нужно еще подождать и что встреча, которая мне предстоит, обещает стать совершенно особенной.

Минут через пятнадцать в конце улочки замаячила стремительно приближающаяся фигура Захара. Он размахивал руками, еще издали выкрикивая извинения и объясняя причину задержки.

– Это была девушка моей мечты. Я просто не мог ее оставить, – задыхаясь и обливаясь потом, сообщил он. – Я знал, что ты меня дождешься. Все вышло совершенно случайно. Ее родители так редко уезжают из дома, а тут нам как раз выпал шанс...

– Для даоса любовь священна, – улыбнулся я. Несколько минут спустя мы постучались в ка-

литку небольшого домика. Дверь открыла улыбчивая, но немногословная женщина средних лет. Она провела нас через двор, а затем по блистающим чистотой комнатам, давая нам возможность по достоинству оценить аккуратность и трудолюбие корейского народа.

Хозяин домика оказался и улыбчив, и многословен.

– А, это и есть долгожданный доктор, – воскликнул он. – Спасибо, Захарушка, спасибо!

Он притянул Захара к себе, крепко обнял его и, расцеловав в обе щеки, незаметно сунул деньги в нагрудный карман его рубашки. Передача двадцати пяти рублей прошла в лучших традициях контрактной передачи информации в шпионских боевиках.

Захар, подозревая, что в его присутствии больше не нуждаются, спросил:

– Так я пойду?

– Давай сначала покушаем, – сказал старый кореец. – Из моего дома никто голодным не уходит. Затем он переключил свое внимание на меня.

– Ты можешь звать меня дедушка Давы, – обнимая меня, сказал старик. – А теперь пойдемте за стол.

Я хотел было возразить, напомнив о том, что лечение не рекомендуется проводить на полный желудок, но сдержался, понимая, что мои возражения были бы бесполезны.

Дедушка Давы провел нас в самую большую комнату дома и усадил за внушительных размеров деревянный стол, уставленный всевозможными яствами. Тут были и воздушные пирожки из почти прозрачного белого теста, казалось вот-вот готовые вспорхнуть, как вспугнутые голубки, и мисочки, наполненные красной и черной икрой, и разнообразные салаты, и непонятным образом приготовленное мясо, происхождение которого я на глаз не смог определить.

Хозяин радушно потчевал нас, и только сейчас я смог внимательно рассмотреть его. Я поразился тому, насколько колоритной была его внешность. В глубоких морщинах выразительного и приветливого лица прятались маленькие черные глазки, излучающие энергию и лукавство. Его многое повидавшие на своем веку руки, как корнями мангровых деревьев, были опутаны выпуклыми венами.

Старый кореец щедрой рукой накладывал нам на тарелки новые и новые блюда. Когда глаза Захара ословели и выражение его лица свидетельствовало о том, что его измученный едой организм больше не способен принимать дополнительные порции пищи, дедушка Давы поднялся из-за стола и бережно проводил до двери дорогого гостя.

Я, не в силах пошевелиться, остался сидеть на своем месте, впадая в полусонную медитацию воспоминаний и последовательно воспроизводя в памяти все новые для меня вкусы этого удивительного застолья.

Вскоре кореец вернулся, и мы направились в его спальню, которая, как и все комнаты в этом доме, буквально ослепляла чистотой. Несмотря на небольшие размеры, спальня казалась просторной, поскольку единственными предметами, находившимися в ней, были большой удобный стул и широкая кровать, застеленная белым покрывалом.

Мы обменялись несколькими общими фразами обо всем и ни о чем, а затем я, решив, что пришло время перейти к делу, расстелил на полу газету и выложил на нее из сумки спирт, вату, иглы и прочие предметы, которые могли мне пригодиться при лечении.

– Что вас беспокоит? – спросил я.

– Ты же доктор, вот ты и догадайся, – лукаво сказал кореец.

Он ловко стянул рубашку и штаны и улегся на кровать. Моему взору предстал ряд воронкообразных шрамов, причудливым узором украшавший его тело в самых разных местах. По их расположению я понял, что над дедушкой Давы поработал опытный врач и что у него болят ноги.

Я неторопливо стал складывать свой реквизит обратно в сумку.

– Что такое? Почему, дорогой, ты убираешь свои медицинские приспособления? – забеспокоился старый кореец.

– Я буду лечить вас другим способом, – сказал я. В моей голове уже созрел план лечения.

– И что же ты будешь со мной делать, если не колоть? – с несколько игривой интонацией поинтересовался дед.

– Я буду вас жечь, – в тон ему ответил я.

На счастье я прихватил с собой самодельные полынные сигареты. Я последовательно прогрел все круглые шрамики, оставшиеся от контактного прижигания травяными конусами. Эта процедура заняла много времени. Мы разговорились, и старик объяснил мне, что он прибег к моим услугам потому, что его личный врач был в отъезде.

Так на месяц я стал врачом дедушки Давы. Он так ни разу и не сказал мне, от чего я должен был его лечить, но отметил, что от моего прижигания в его состоянии наступило значительное улуч-

шение.

С каждым новым сеансом дедушка Давы чувствовал себя все лучше и лучше, и по мере выздоровления он становился все более приветливым и откровенным со мной.

Я начал дополнять прижигание полынной сигаретой массажем болезненных зон, прорабатывать зоны шрамов нажатием с долгой задержкой руки, выполнять некоторые другие манипуляции, совмещая несколько методов воздействия.

Старый кореец потчевал меня историями из своей жизни, а затем он неизменно приглашал меня к столу, на котором нас среди прочих блюд неизменно поджидали объемистые миски с черной и красной икрой.

Не выдержав, я однажды поинтересовался, откуда берется икра в таких количествах, поскольку в то время купить икру в магазине было практически невозможно, и дедушка Давы объяснил, что черную икру доставляют из Астрахани его родственники, скрывая контрабандный товар в автомобильных шинах, поэтому она и выглядит помятой. Не знаю, говорил ли это дедушка Давы в шутку или всерьез, да, честно говоря, меня это и не беспокоило. Больше всего на свете мне хотелось познакомиться с личным врачом старого корейца, который вскоре должен был вернуться из своей поездки.

За столом дедушка Давы снова увлекался воспоминаниями. Он говорил неправильно с уникальным, удивительно приятным акцентом, придававшим его речи особую выразительность и очарование. Однажды он с энтузиазмом принялся рассказывать о своей жизни во время Великой Отечественной войны. Выглядело это примерно следующим образом:

– Ой, как было плохо! Шел война, был тяжелый период для нашей Родина. Народ воевал, страна голодал. Люди плохо жили.

Неожиданно протяжно-жалостливые интонации его речи сменялись на бойко-веселые с резким поднятием тона.

– Я хорошо жил, – говорил он, и темп его речи постепенно убыстрался. – Я на железный дорога работал. На один станция начальник русский, за все отвечай. Его заместитель корейца ни за что не отвечай. Заместитель корейца лесом вагон с верхом грузит. На второй станция начальник русский за все отвечай, а его заместитель корейца ни за что не отвечай. На второй станция заместитель корейца верхушка леса снимай. Хорошо жил...

На столе одно блюдо сменяло другое, на смену воспоминаниям о войне приходили воспоминания более приятные...

– Один девушка любовница дом подарил, – вещал дедушка Давы, мечтательно закатывая глаза. – Сорок тысяч!

Сделав выразительную паузу, чтобы мы по достоинству оценили его щедрость, старик, неожиданно спохватившись, что его могут неправильно понять, многозначительно добавил:

– Новый деньга!

Дедушка Давы обвел взглядом наши лица, выражающие подобающее случаю восхищение, и продолжил свой рассказ:

– Второй девушка любовница дом подарил. Тридцать тысяч! Новый деньга! Один мальчик сиротка бегал по двору, мама погиб, папа погиб, дал двадцать тысяч на его воспитание, новый деньга. Теперь большой человек – председатель обкома.

Дедушка Давы явно перепутал должности, и ему казалось, что «председатель» звучит солиднее, чем «секретарь».

– К себе в край зовет, – между тем продолжал кореец. – Говорит – ни в чем нуждаться не будешь!

Из рассказов дедушки Давы я узнал, что он был весьма уважаем в тесном кругу корейских семей. В своем роде он был местным "капо де тутти капи"², если проводить аналогии с "Крестным отцом", но, естественно, в его случае в условиях Советского Союза сфера действий корейского «капо» по большей части ограничивалась экономической деятельностью, хотя за многословием экзотичного старика нередко угадывалось нечто, о чем он предпочитал не распространяться. В чем-то жизнь корейской общины напоминала мне рассказы Учителя о выживании клана Спокойных среди чуждых им народов. Община жила по своим собственным законам, стараясь по мере возможности избегать столкновений с коренным населением и правоохранительными органами, гибко и разумно приспосабливаясь к обстоятельствам.

---

² (итал.) Высший титул главы итальянской мафии.

Дедушка Давы твердой рукой регулировал жизнь общины. Большинство корейских семей зарабатывало на жизнь, выращивая ранние арбузы, лук, овощи и фрукты на частных огородах или на взятых в аренду у государства землях. От дедушки Давы зависело, куда каждая из семей поедет продавать свою сельхозпродукцию. Старик распределял места так, чтобы у всех семей был приблизительно равный доход и чтобы никто никому не мешал в торговле на рынке. Великолепно зная ситуацию на всех основных рынках Советского Союза, дедушка Давы руководил делами так, что община процветала. Конечно, иногда случались и неприятные инциденты, вроде столкновений с конкурентами кавказского происхождения, но мудрый патриарх ухитрялся улаживать и эти проблемы.

В дедушке Давы, почти по О Генри, удивительным образом сочетались черты гангстера и филантропа.

– Я всегда людям помогай, – объяснил мне как-то дедушка Давы. – С Дальний Север друг приехал, говорит – страдают там русские люди. Местная власть не дает водку продавать, вино продавать. Сухой закон, понимаешь, ввели. А как рабочему человеку без водки на холоде жить? Вот я и помог. Партию арбузов на север отправил.

Половина арбузов бесплатно в детские дома передал, а в другая половина для страдающий рабочий спирт шприцами впрыснул. Связи свои использовал – через два дня арбузы на месте были. Друг у меня есть – в транспортная авиация работает. А если бы официально перевезти просил – на две недели груз бы застрял. Рабочие спасибо говорили.

Похоже, что делать инъекции арбузам дедушке Давы понравилось, и он неоднократно пользовался этим методом. Однажды на бахчу одного корейца из общины колоритного патриарха совершили налет жившие в соседней деревне русские конкуренты по арбузному бизнесу. Арбузы у трудолюбивого корейца удались на диво, чего по какой-то причине не смогла перенести загадочная русская душа. Вооруженные палками налетчики в открытую пришли на поле и под аккомпанемент забористого мата перебили почти поспевшие арбузы.

Ответный удар не заставил себя ждать. Мсть, хотя и не была столь демонстративной, оказалась достойной. Дедушка Давы под покровом ночи отправил корейских детишек на поля интервентов. Детишки были вооружены шприцами, которыми они впрыскивали керосин в готовые к сбору арбузы. Эффект превзошел самые смелые ожидания. Возмущенные покупатели, попробовав пожароопасные плоды, вернулись на рынок, объединились, и, пылая негодованием, перевернули лотки с товаром и забросали продавцов их же собственными арбузами.

Еще один раз дедушка Давы воспользовался инъекциями, когда на одном из российских рынков конкуренты кавказской национальности, угрожая физической расправой, потребовали у корейцев по дешевке продать им все свои арбузы и убраться с рынка. По совету патриарха корейцы, не вступая в конфликт, арбузы таки продали, но зато в недрах каждого арбуза таился очередной сюрприз.

Так, по мере возможности не прибегая к насилию, но действенно и эффективно, корейский "капо де тутти капи" отвечал ударом на удар, все же предпочитая не наносить удара первым.

Дедушка Давы регулярно прибегал к нехитрым приемам первобытной магии. Впервые я столкнулся с этой чертой его характера, обратив внимание на то, как он прячет под подушку в спальне здоровенный кинжал.

– Готовитесь защищаться от врагов? – пошутил я.

– Ты знаешь, дорогой, мне часто снится плохой сон, – ответил дедушка Давы. – Когда снится плохой сон, когда за мной кто-то бежит, когда на меня кто-то нападать, я хватай во сне кинжал за ручку, от меня все убегай. Я с кинжал – меня все боятся.

Не знаю, отчего дедушку Давы терзали ночные кошмары – то ли оттого, что он слишком много кушал перед сном, или у него действительно было много врагов, но верно одно – кинжал действовал безотказно, мгновенно отпугивая всех противников.

Когда в его семье кто-то болел, дедушка Давы брал шерстяные ниточки и завязывал на них узлы. Нитки могли быть разного цвета, но обязательно шерстяные. Он подолгу, тщательно и неторопливо раскладывал их на подоконниках и шкафах, и никто в мире не смог бы убедить его в том, что это средство вряд ли поможет.

Старый кореец пытался влиять и на погоду, совершая странные ритуалы, отдаленно напоминающие мне обряды Буду. Если дедушке Давы нужна была теплая солнечная погода, он, убивая очередную курицу, брызгал ее кровью на заранее насыпанные небольшие горки сухого песка, а если для получения хорошего урожая срочно требовался дождь, старик наливал в блюдечко воду и затем окроплял ее кровью курицы.

И, хотя в натуре дедушки Давы слишком откровенно проглядывало что-то первобытно-

жутковатое, он был исключительно обаятельным, добрым и щедрым человеком. Я относился к нему с искренней теплотой, не будучи склонным морализировать по поводу его несколько вольного отношения к закону, но одна черта его характера неизменно корбила меня, несмотря на то что, согласно заповедям Шоу-Дао, я старался и ней относиться терпимо. Дело в том, что дедушка Давы был страстным и неисправимым собакоедом.

После того как я несколько раз отведал исключительно вкусно приготовленное мясо, старый кореец с лукавой усмешкой открыл мне секрет его происхождения и признался, что отлавливает бродячих собак. В порыве великодушия дедушка Давы пригласил меня на «охоту», и я, несмотря на то что подобное мероприятие не вызывало у меня энтузиазма, не смог отвергнуть столь экзотическое предложение.

Несколько дней спустя мы отправились на охоту. Дедушка Давы вооружился лишь большим мешком. Когда я спросил его, не нужна ли ему приманка, старик лукаво ответил, что у него – свой собственный метод охоты и приманка ему не потребуется.

Примерно четверть часа мы блуждали по пустынным вечерним улицам, пока не наткнулись на крупную кудлатую дворнягу.

– Тише, не мешай! – шепнул мне дедушка Давы. Он сделал несколько шагов по направлению к собаке, слегка согнул колени и, наклонившись в ее сторону, каким-то особенным, приторно-сладким голосом пропел:

– Куть-куть-куть!

Псина замерла на месте и, с любопытством наклоняя голову из стороны в сторону, уставилась на старого корейца.

– Куть-куть-куть, куть-куть-куть! – продолжал выпевать дедушка Давы.

Собака, как зачарованная, медленно переставляя лапы, двинулась к нему.

Я, наблюдая за этой сценой с внезапно пробудившимся интересом, поймал себя на том, что сам был готов следовать на сладкий, но коварный призыв, как крыса за дудочкой крысолова.

– Куть-куть-куть, куть-куть-куть!

Дворняга приблизилась к корейцу почти вплотную, и тут дедушка Давы сделал молниеносное, как бросок кобры, движение рукой, одним взмахом накинув мешок на несчастную псину. Последовала короткая борьба, кореец затянул горловину и с легкостью, неожиданной для его возраста, вскинул мешок на плечо.

– Хороший собачка, сладкий собачка, – время от времени приговаривал он, пока мы возвращались к дому.

Посвящение в тонкости корейской кулинарии напоминало ужасы застенков гестапо в сочетании с некоторыми индонезийскими обрядами. В одном из сараев, расположенных во дворе, находился пыточный станок, в который бедную собаку зажимали, полностью обездвиживая ее. Затем, замотав ей морду тряпками, ее избивали палками и оставляли в таком виде, полуживую, на несколько дней, чтобы ее мясо стало более мягким и сочным.

Дедушка Давы объяснил мне, что если мясо собаки он может съесть сам, то для того, чтобы отведать мозг, он обязательно приглашает всех домочадцев, поскольку мясо одной собаки похоже на мясо другой, но мозг каждой собаки имеет свой собственный, неповторимый вкус.

– Особенно, – добавил дедушка Давы, мечтательно закатывая глаза, – хорош мозг белый собачка. Очень-очень вкусный мозг.

Процесс приготовления блюд из собачатины окончательно отбил у меня аппетит к ним, и в дальнейшем я вежливо, но упорно отказывался от собачьих деликатесов, предпочитая телятину или курятину.

Глава 4

Я регулярно посещал дом старого корейца до тех пор, пока он окончательно не поправился. Прощаясь, старик крепко обнял меня.

– Запомни, дорогой, – сказал он. – Мой дом – это твой дом. Заходи, когда хочешь, ты мне всегда дорогой гость. Если хочешь видеть мой личный врач, приходи через пару недель, я буду знать, захочет ли он показать тебе свой искусство.

Две недели спустя старый кореец обрадовал меня, сказав, что лекарь согласен встретиться со мной и что встреча произойдет в его доме.

Я ждал этой встречи с нетерпением. Точно в назначенный час я постучался в двери дома дедушки Давы, и неизменно улыбаясь, но молчаливая корейка провела меня в гостиную, где рядом

со старым корейцем я увидел высокого крепкого сложения человека.

Дедушка Давы представил нас друг другу, сказав, что я могу называть его личного врача Ким. Мы вежливо пожали друг другу руки, но я не заметил на лице Кима ни малейших следов приветливости или радости от встречи.

Старик дипломатично покинул нас, и мы уселись в кресла с каменными лицами, подобно игрокам в покер. Некоторое время мы молчали, изучая друг друга. Чтобы не показаться слишком навязчивым, я не хотел начинать разговор первым.

В глазах Кима мелькнула искра неодобрения, и он заговорил ровным металлическим голосом, практически без акцента, на безукоризненном русском языке.

– Дедушка Давы мне как отец, – произнес он. – Только по этой причине я согласился показать тебе маленькую часть своего искусства.

Меня поразило, что, говоря о своем умении, он произнес слово «искусство». До этого я общался со многими знахарями, и ни один из них не упоминал этого термина, за исключением Учителя. Возникшая аналогия с Ли еще больше усилила мое желание учиться у этого человека.

– Ты будешь учиться лишь на моих условиях, – между тем продолжал лекарь. – Запомни, единственное нарушение – и мы распрощаемся с тобой. Имей в виду, что я не учу и не лечу русских. Я не делаю это потому, что русские мешают моей работе, потому, что они ставят под угрозу здоровье моих близких, мое благополучие и мое искусство.

Ким замолчал, холодно и бесстрастно глядя на меня. Видимо, он ожидал, что я начну протестовать против подобной оценки людей моей национальности, но я, никак не проявляя своего отношения к его словам, продолжал внимательно слушать.

– Когда русскому говоришь, что ты его вылечишь, но больше не будешь лечить никого из его соотечественников, – снова заговорил лекарь, – он тебя не слушает и обязательно приводит кого-то еще. Ты ему говоришь, что не будешь лечить того, кого он привел, но он начинает упрашивать. Русский назойливей мухи. Когда ты его лечишь, он считает себя слишком умным и он не слушает твоих рекомендаций, поэтому лечить его слишком трудно. И, главное, когда с русского берешь деньги, он очень переживает по этому поводу, и брать деньги у него неприятно. Есть еще много других причин, но я не буду о них упоминать, потому что того, что сказано, уже более чем достаточно.

Мне было не очень-то приятно слышать столь нелестную оценку своих соотечественников, но, положив руку на сердце, я должен был признать правоту Кима. За несколько лет своей знахарской практики я не раз сталкивался с подобным поведением. Кроме того, я в любом случае не собирался спорить с лекарем, поскольку мне хотелось узнать как можно больше о его искусстве.

– Я принимаю больных по ночам, – снова заговорил Ким. – Обычно прием начинается в час-два ночи и заканчивается в четыре-пять утра. Если хочешь, ты можешь прийти этой ночью и понаблюдать за процессом лечения. Но учти – ты не должен задавать никаких вопросов, и без моего разрешения не можешь даже говорить.

Я был согласен на любые условия.

Ким практиковал во времянке одного из дворов в районе, где жили корейцы. Было далеко за полночь, когда я отыскал нужный двор и получил возможность осмотреть местную "больницу".

Времянка была разделена на два отсека небольшой фанерной перегородкой. В одной ее части располагалась «приемная», где ожидали своей очереди больные и сопровождающие их родственники, а в другой половине царствовал кореец, которому помогали две женщины.

Я молча уселся в углу на старом продавленном стуле и стал наблюдать за процессом лечения. Время шло, и я почувствовал разочарование. Идущие непрерывной чередой больные уже бывали у него на приеме, и их общение с лекарем ограничивалось несколькими фразами, произнесенными на корейском языке, и баночками с мазями и настойками, которые им давал врач. Я уже почти засыпал, когда двое пожилых корейцев ввели в приемную мальчика лет двенадцати, страдающего нервным тиком. Каждые несколько секунд его лицо перекашивали страшные гримасы, напряжение мышц чудовищно искажало черты лица.

Ким велел родственникам выйти и усадил мальчика на стул, к спинке которого была дополнительно приколочена расположенная вертикально доска. Привязав к ней голову мальчика, лекарь начал широкими полосами плотной материи привязывать к стулу его туловище, руки и ноги. Когда почти полностью спеленутый мальчик уже не мог пошевелиться, Ким уселся на стул напротив него в удобную позу и с размаху ударил его по одной щеке, потом по другой. Он наносил удары долго и методично, и постепенно я начал понимать его стратегию в нанесении ударов.

Лекарь бил мальчика каждый раз, как только его лицо искажалось судорогой. Удары никогда не наносились два раза подряд в одно и то же место. Кроме того, они наносились вскользь, и это озна-

чало, что, с одной стороны, сохранялась значительная болезненность удара, а с другой стороны, подобный удар причинял организму меньше разрушений. Примерно через полчаса непрерывного избиения лекарь перестал наносить удары и около двадцати минут после каждой судороги щипал мальчика за разные части тела.

Я подумал, что после подобного лечения мальчик должен стать пятнистым от синяков, как ягуар. Все время, пока продолжались истязания, Ким говорил что-то спокойным монотонным голосом.

Часа через полтора, к моему удивлению, нервный тик стал проходить. На лице ребенка отражалась внутренняя борьба, и, когда он усилием воли глушил начинающиеся спазмы мышц, его лицо на несколько мгновений окаменевало. Но как только мальчик расслаблялся и по его лицу проскакивала судорога, он тут же снова получал увесистую оплеуху.

Я с сожалением подумал, что большинство методов этого знахаря, к сожалению, я вряд ли когда-нибудь смогу применить на практике. Теперь я понимал, почему Ким категорически отказывается лечить русских. Мало кто из моих соотечественников сумел бы с должным мужеством и пониманием перенести подобную процедуру. При подобных методах лечения и врач, и пациент шли по лезвию бритвы, и нужна была немалая сноровка, которая вырабатывалась у врача лишь с долгими годами практики, чтобы не допустить ошибки. Я в данном случае предпочел бы какой-либо более медленный, но безопасный метод лечения, вроде иглоукалывания.

Днем я как следует отоспался, и на следующую ночь вновь оказался во времянке Кима. В этот раз мне повезло больше, и появилось несколько очень интересных пациентов. В частности, привели одну женщину, у которой была водянка. Ее живот казался огромным, похожим на отвратительный чужеродный нарост на ее и без того по-жабы изуродованном болезнью теле.

Указав на женщину, знахарь по-русски объяснил мне, что бывают водянки, которые нельзя протыкать, и бывают водянки, которые протыкать можно. Эта водянка относилась к тем, которые можно протыкать. Ким взял какой-то острый предмет, больше всего напоминавший замусоленный черный сук, и, к моему ужасу, с размаху всадил его в живот женщине. Затем он уложил ее на бок на огромный стол, чтобы дать стечь жидкости, хотя делать это было и не обязательно, поскольку вырвавшаяся наружу под большим давлением зловонная струя обдала нас с ног до головы, а заодно залила потолок и стены комнаты.

Лекарь подставил тазик под дырку в животе женщины и велел мне помочь ему. Мы начали выглаживать ее тело вокруг дыры, пытаясь вывести наружу остатки жидкости. Когда процедура была закончена, Ким вынул из шкафа какую-то мазь и, залепив дырку мазью, наложил сверху лист неизвестного мне растения, а затем прикрыл его кусочком бинта, который прикрепил лейкопластырем.

Мы вышли во двор, где находился летний душ, на крыше которого черная бочка с водой за день разогревалась солнечными лучами. Вода уже успела остыть, и, поеживаясь от прохлады, я с наслаждением смыл с тела отвратительную жижу.

Лекарь тоже вымылся. Одна из помощниц унесла нашу одежду, и вместо нее выдала мне что-то из вещей знахаря. Хотя для корейца Ким был высоким человеком, его одежда налезла на меня с трудом.

Когда я, одетый не по размеру, вернулся во времянку, там оказалась очаровательная молодая девушка. Я всегда питал слабость к кореянкам, а девушка была так хороша, что я в этой тесной и нелепой одежде почувствовал себя неловко.

Смущаясь еще сильнее, чем я, кореянка объяснила Киму, что у нее бывают приступы падучей. За время общения с Учителем я успел хорошо познакомиться с неконтролируемыми судорожными движениями, производимыми в измененном состоянии сознания и связанными с самопроизвольным перемещением энергии по телу.

Девушка рассказала, что с каждым разом приступы усиливаются и происходят все чаще и чаще, и тут же у нее начался припадок. Крича и содрогаясь, она в корчах упала на пол.

Мы с Кимом подняли ее и уложили на стол. Я отметил, что стол был покрыт свежей чистой клеенкой. Помощницы

лекаря за то время, пока мы мылись в душе, успели полностью прибрать комнату и вымыть стены, пол и потолок. Ким велел мне раздеть девушку догола. Приступ падучей постепенно ослабевал, но судороги еще не утихли до конца, и раздеть ее оказалось не простым делом.

Мы намазали тело пациентки мазью, которую мне дал знахарь. Корчи продолжались.

– Делай в точности то же, что и я, – велел Ким. Мы начали выглаживать тело девушки в направлении от середины туловища к конечностям, время от времени меняясь местами или переворачивая ее тело с боку на бок, на спину или на живот. Процесс был настолько ответственным, что выглаживание этого прекрасного обнаженного тела не вызывало у меня даже тени эротических чувств.

К утру, вконец утомленные, мы поняли, что добились какого-то успеха, поскольку девушку перестали бить корчи.

– Почему приступ продолжался так долго? – спросил я, прежде чем уснуть на постеленном прямо на полу временки матрасе. – Никогда не думал, что припадок падучей может продолжаться так долго.

– Перед твоим приходом я дал ей лекарство, – ответил Ким. – Оно усилило болезнь для того, чтобы мы смогли ее окончательно изгнать.

Девушку, уснувшую прямо на столе, накрыли теплым одеялом, и я, опустившись на предназначенный для меня матрас, немедленно погрузился в сон.

По мере общения наши отношения с Кимом становились все более теплыми. Убедившись, что я не собираюсь нарушать его инструкции, он начал более щедро делиться со мной информацией. Я познакомился с методами лечения, казавшимися мне почти невероятными, и однажды мне даже довелось самому стать пациентом корейского целителя.

Я тренировался с одним из моих учеников, когда во время выполнения приема у меня в позвоночнике что-то хрустнуло и тело пронзила жуткая боль. Я с трудом выпрямился. Каждое движение доставляло почти невыносимые страдания. Я с трудом мог передвигаться, причем исключительно в одном четко зафиксированном положении, хорошо хоть, что в вертикальном.

Ситуацию усугубляло то, что Учителя не было в городе, а обращаться в больницу мне казалось делом почти бесперспективным. В те времена в Советском Союзе только начинали говорить о мануальной терапии, о ее результатах ходили легенды, и чудесные излечения доктора Касьяна казались почти волшебством. Я был уверен, что в больнице мне только слегка облегчили бы мучения, а вылечиться мне нужно было быстро. Единственное, что мне оставалось, – это обратиться к Киму, что я и сделал.

– Удачно, что травма пришлась на конец недели, – сказал кореец. – Тебе придется остаться у меня на несколько дней.

Он предложил мне пройти в сарайчик, расположенный рядом с временкой, где он принимал больных, и служивший своеобразной "больничной палатой". В углу сарайчика стояло грубо сколоченное большое деревянное ложе с возвышающимися над ним сантиметров на десять деревянными бортиками. Про себя я окрестил его "корытом".

Ким помог мне раздеться догола и улечься на живот в центр «корыта». Помощницы целителя внесли тазик с обваренными кипятком остро пахнущими травами, и кореец принялся обкладывать этими травами все мое тело. Боль вскоре затихла. Я понял, что бортики ложа предназначались для того, чтобы целебные смеси не падали на пол.

– Лечение займет три дня, – сказал Ким. – Все это время тебе придется голодать.

– Как скажешь, – без особого энтузиазма согласился я.

Лекарь усмехнулся.

– Пожалуй, я навещу дедушку Давы, – сказал он. – Надеюсь, ради тебя он разрешит опустошить свою библиотеку.

Около часа спустя Ким вернулся, нагруженный двумя мешками книг.

– Надеюсь, здесь ты найдешь что-нибудь интересное для себя, – сказал он.

Я читал книги, а один состав на моей спине сменялся другим. Меня мучило от голода и от запаха трав, но особые неудобства доставлял валик, подложенный под живот.

Последним лечебным составом оказалось разогретое нутряное свиное сало, смешанное с жиром нескольких животных, начиная от щенков и кончая барсуками и медведями. Вонь этого состава была столь невыносима, что у меня началась рвота, но поскольку из-за длительного голодания рвать было просто нечем, тело сотрясали мучительные рвотные спазмы, и я пытался ослабить их, нажимая на соответствующие точки.

Наконец Ким деревянным скребком содрал с меня слой сала и обтер меня влажными тряпками. По его указанию в сарай вкатили стол, с кустарно приделанными к нему колесиками от детской коляски. Подкатив его вплотную к моему ложу, кореец передвинул меня на стол, который закрипел и прогнулся под тяжестью моего тела. Подталкивая угрожающе раскачивающийся и скрипящий стол, лекарь отвез меня к еще более жуткому сооружению, сделанному на основе детского спорткомплекса и напоминающему ожившую иллюстрацию ужасов инквизиции. Спорткомплекс ошетинился множеством причудливых блоков и цепей, лямок, веревок и мягких поддерживающих накладок для различных частей тела.

Прямо на столе Ким начал меня массировать. К тому времени Учитель уже успел показать мне основные приемы мануальной терапии, и меня удивило то, что техника, используемая корейским ле-

карем, была совершенно иной.

Хорошенько размяв и размассировав мое тело, корейский лекарь начал выполнять всевозможные манипуляции, начиная с суставов пальцев, как бы выгибая и освобождая их, и кончая вытягиванием головы в сочетании с вибрацией. Затем он взял меня обеими руками за челюсть и принялся тянуть, выравнивая таким образом позвоночник.

Закончив массаж, Ким на несколько часов приковал меня к спорткомплексу, подвесив за разные части тела с помощью лямок и блоков. К своему удивлению, я совсем не чувствовал боли, и меня поразило, насколько странным и непривычным стало ощущение моего тела. Оно было ужасающе мягким и казалось не моим. Я испытывал легкость и подъем. Мышцы отказывались слушаться. Я попытался ощупывать себя пальцами, и пальцы без труда проникали в толщу мышц, как в желе, хотя в обычном состоянии из-за напряжения в мышцах такое проникновение было бы невозможным.

Потом вернулся Ким, и началась процедура окончательного вправления позвонков. Он подкладывал пальцы сбоку от позвоночника, вдавливая их вглубь и в сторону, а затем ударял по ним пальцами или кулаком другой руки.

Не упоминая имени Ли, я сказал, что немного знаком с техниками мануальной терапии, и описал приемы, показанные мне Учителем, а потом спросил, в чем состоит принципиальное отличие манипуляций, которые Ким проделывал со мной, от известных мне методов.

– Приемы, о которых ты говоришь, годятся для холодного тела, – объяснил Ким, – а у тебя сейчас тело горячее, размягченное.

Его пальцы бегали у меня по позвоночнику, как пальцы пианиста по клавиатуре рояля.

Наконец кореец еще раз полностью обтер мое тело, снял меня с пыточного станка и, обернув плотной тканью, на несколько часов уложил на живот на матрасик на полу временки. Затем он дал мне указания особым образом покататься по полу сарайчика, а затем лежать, меняя позы, то на спине, то на боку, то на животе, потихоньку напрягая и расслабляя определенные группы мышц.

Боль полностью прошла, и позвоночник несколько меня не беспокоил.

– Ну как тебе методы народной медицины? – усмехнулся Ким.

– Мучительно, но на редкость эффективно, – вынужден был признать я. – Похоже, я потерял счет времени.

– Ничего, теперь тебя ожидает нечто приятное, – сказал лекарь. – Дедушка Давы приглашает нас на ужин.

Я вспомнил рекомендации медиков о том, что при выходе из продолжительного голодания необходимо ограничение в приеме пищи, и ужаснулся, представив неизменно ломящийся от яств стол корейского патриарха.

– А разве я могу наесться после голодания? – осторожно спросил я.

– Никаких ограничений! – великодушно разрешил Ким. – Ты можешь есть все, что пожелаешь.

Дедушка Давы принял нас с распростертыми объятиями, и, многословно поздравляя меня с излечением, увлек нас к столу, один вид которого привел меня в состояние почти неземного экстаза. Мы ели, пили и разговаривали. Дедушка Давы всю ночь рассказывал истории из своей жизни. К моему удивлению, я не ощутил никаких неприятных последствий обжорства. Наоборот, я испытывал необычайный душевный подъем и прилив сил.

Я уже успел рассказать Ли о том, что прохожу обучение у удивительного корейского целителя, но мы не слишком углублялись в эту тему. Однако теперь, как только Учитель вернулся, я тут же забросал его вопросами о Киме и о том, что думает Ли о его методах излечения.

– Тебе посчастливилось встретиться с удивительным врачом, – сказал Учитель, – возможно, единственным в своем роде. Но не стоит вкладывать особые надежды в применение его методик. Его методики не для многих, они – для одного. Ким – мастер высочайшего класса. Он из тех, кто всегда применяет индивидуальные методы лечения. В этом его искусство сродни высшим формам искусства Шоу. Ким создает уникальный способ лечения для каждого конкретного больного, в отличие от подавляющего большинства врачей, которые, наоборот, пытаются каждого больного подогнать под стандартные методы лечения.

– А почему бы вам не познакомиться? – предложил я. Ли укоризненно посмотрел на меня, и в голове у меня тут же сформулировался ответ на мой вопрос, составленный из фраз, когда-то вскользь брошенных Учителем, в частности, фразы о ненужности лишних связей. На секунду мне стало стыдно за то, что я, будучи уже продвинутым учеником, продолжаю периодически сваливаться на позиции новичка.

Впоследствии я не раз беседовал о знахарстве как с Кимом, так и с Ли, и мне особо импонировало то, что их взгляды на этот вопрос полностью совпадали.

Многие известные мне знахари утверждали, что на самом деле лечат не они, что через их посредство пациента исцеляет бог, и однажды я спросил Учителя, что он думает по этому поводу.

– Лечит не бог, а человек, – сказал Ли. – Человек может полагать, что берет силы у бога, но на самом деле он берет их у себя. Силы дает вера, а не бог. Поэтому лучший лекарь – это тот, кто верит в себя, а не в бога.

В вопросах подхода к лечению Ким почти слово в слово повторял высказывания Учителя.

– Болезни следует лечить с изменения человека, с изменения его природы, его психики, его быта и его судьбы, – объяснил мне однажды лекарь. – Если человек не управляет своими эмоциями, он болен. Если человек не управляет своими страстями, он болен. А если человек не наделен волей, то он смертельно болен. Поэтому нет смысла лечить человека, лишённого стремления к жизни, так как при этом великое умение знахаря пропадает втуне. Не следует жалеть пациента, ибо жалость не способна к трезвой оценке. Больной в первую очередь должен заслуживать излечения.

Я помню, как меня вначале даже слегка шокировало подобное мировоззрение. С одной стороны, у меня сформировался образ типичного врача, связанного клятвой Гиппократова и в каком-то смысле находящегося в рабском положении и обязанного лечить всех, хотя качество этого лечения может быть более чем сомнительным, и, с другой стороны, позиция почти всемогущего корейского знахаря, который выбирает себе пациентов, руководствуясь выработанным им самим законом жизни, законом меры, законом соотношения добра и зла. Знахарь сам выбирал человека, достойного быть излеченным, выбирал на основе мудрости и интуиции, сформировавшихся у него за долгие годы практики и обучения.

Через некоторое время Ким начал уже полностью доверять мне, и я стал принимать активное участие в процессе лечения. Ким даже начал разговаривать с некоторыми интересными для меня пациентами на русском языке.

Однажды Ким, пребывающий в особо хорошем расположении духа, совершенно неожиданно заявил:

– Я собираюсь сделать тебе подарок. Открыв дверь в приемную, он что-то сказал по-корейски, и в комнату вошла женщина средних лет.

– Это мой русский ассистент, – сказал по-русски Ким. – Расскажите, что вас беспокоит.

– Это просто ужасно, – со слезами на глазах пожаловалась женщина. – Я обращалась ко всем возможным знахарям и ко всем известным врачам, но никто не в силах мне помочь. Одна подруга рассказала мне о вас, о том, что вы творите чудеса. Вы – моя последняя надежда.

У меня очень сильные почти непрерывные хронические боли в области лица и головы. Меня обследовали лучшие профессора, но никто не может даже поставить диагноз. Я прошла все круги ада, ходила и к бабкам, и к дедкам, меня и заговаривали, и лечили травами, да все без толку. Не знаю, может быть это оттого, что я кореянка, никто и не хочет как следует лечить меня?

Ким усмехнулся.

– Если врач не умеет лечить, то ему безразлично, человека какой национальности не лечить, а врач, который лечит, вылечит представителя любой национальности.

Он приоткрыл дверь и отдал по-корейски какое-то распоряжение. В комнату впорхнула юная пухленькая кореянка, еще совсем девочка, но в ней уже угадывалась будущая красавица. В руках она несла большое лукошко с белыми, желтоватыми и коричневатыми яйцами.

Испуганно зыркнув на лекаря, кореяночка грациозным движением поставила лукошко на странное сооружение, представляющее собой перевернутую вверх дном выварку, на которую был напаян плетеный табурет с привязанными к его ножкам веревками. В данный момент эта выварка служила столиком, но ее можно было использовать и по прямому назначению – для переноски кипятка. Тогда ее переворачивали, веревки накидывали на плечи, а плетеный табурет позволял не обжигаться, прикасаясь руками к дну.

Девчушка пробежала мимо меня к выходу, по дороге игриво задев меня бедром и бросив на меня миомолетный жалящий взгляд раскосых черных глазок.

– Вот чертененок, – улыбнулся я.

– Гляди, вот пройдет несколько лет, и ты ради нее еще корейцем станешь, – пошутил Ким. – Такие женщины, взрослея, всегда добиваются того, чего хотят. Не забудь на свадьбу пригласить.

Меня вдруг охватило желание рассказать лекарю о своей связи с Лин и об Учителе, но я не поддался порыву. Мне вспомнилась фраза, сказанная когда-то Ли:

– Спокойные стоят выше национальностей и национальных интересов, но это не значит, что они не гордятся той национальностью, к которой принадлежат. Учение Шоу открыто для всех и принадлежит всему человечеству в целом.

Ким зажег старую керосинку и поставил на нее кастрюлю с водой. Он велел мне помещать яйца в алюминиевый дуршлаг по 6–8 штук и опускать дуршлаг в кастрюлю, разогревая их.

– Отбирай только белые яйца, – сказал лекарь. – Цветные не трогай.

Керосинка оказалась на редкость шумной, она фырчала и сопела, как маленький огнедышащий дракон. Меня очаровывала эта почти средневековая обстановка, где вместо сверкающей хромированными частями современной аппаратуры для лечения использовались какие-то древние и странные вещи, иногда переделанные во что-то новое или поменявшие свое назначение; и вместе с тем меня поражало, как гениальный врач, работающий в условиях этого средневековья, добивался результатов, которым могли бы позавидовать признанные светила нашей медицины.

Разогретые в воде яйца я заворачивал в льняные тряпочки и передавал их Киму. Раздетая до пояса женщина сидела на стуле, уныло скрестив руки на обнаженной груди. Она мрачно и со страхом наблюдала за процессом лечения. Лицо пациентки было искажено гримасой недоверия и боли. По тому, как налились кровью прожилки в ее глазах, я понял, что приступ обострился.

Ким катал горячие яйца по ее лицу, шее, спине, плечам и груди. Через полчаса выражение лица женщины смягчилось, она прикрыла глаза и, казалось, впала в полудрему.

Остывшие яйца второй раз не разогревались. Лекарь безжалостно выбрасывал их в помятое оцинкованное ведро.

– Горячими яйцами я только подготавливал ее тело к главной процедуре, – сказал Ким. – На окончательной фазе лечения болезнь выкатывается оплодотворенным яйцом, в котором теплится жизнь птенчика. Техника лечения оплодотворенным яйцом – это и есть мой подарок тебе. Теперь подавай мне только цветные яйца. Они – с живыми зародышами.

Хотя кореец обращался ко мне, я понял, что в еще большей мере его слова предназначались для пациентки.

Оплодотворенные яйца Ким использовал уже без льняных тряпочек. Он катал их по телу пациентки, тихо нашептывая что-то на корейском языке.

Я заметил новую перемену в больной. На ее лице заиграла блаженная улыбка. Она настолько расслабилась, что, когда лекарь закончил сеанс, начала медленно валиться со стула. Я успел подскочить и помочь Киму подхватить ее обмякшее тело. Мы уложили женщину на плетеную циновку, постеленную на полу справа от входа. Лекарь сунул ей под голову кипу тряпок неизвестного происхождения и назначения. Во всех процедурах Кима меня поражала не соответствующая его невероятной результативности обыденность и естественность происходящего.

Кореец дал мне указания сварить все использованные цветные яйца, сжечь их во дворе паяльной лампой в видавшем виды тазике, а затем измельчить оставшиеся угли и пепел и закопать останки в лесу.

Пациентка пошевелилась на подстилке. Похоже, она прислушивалась к нашему разговору.

Завершив процесс уничтожения использованных яиц с наименьшим тщанием, чем если бы речь шла об использованном ядерном топливе, я вернулся во времянку. Корейский лекарь был там один.

– Неужели ты действительно веришь во все это, – спросил я его.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, например, необходимость сжигания и захоронения использованных яиц и прочие ритуалы. Эти яйца что, действительно так опасны?

Ответ Кима оказался для меня неожиданным.

– Не важно, верю ли я, – сказал он. – Главное, чтобы в это верило подсознание. Не знаю, что именно, но что-то во всем этом есть. Главное, что это помогает, не так ли?

Кореец внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Тебе понравилось лечение оплодотворенным яйцом?

– Еще бы! – с энтузиазмом воскликнул я. Мне уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным в народной медицине. Горячим сваренным вкрутую яйцом обычно прогревали болезненные зоны. Остужая его до нужной температуры, чтобы оно было достаточно горячим, но не обжигало, яйцо перемещали по поверхности тела, перекачивая его с боку на бок. Если подобные манипуляции проводили в районе лба или носа, наступало облегчение при насморке или простуде, горячим яйцом можно было лечить застуженные мышцы и т. д. Однако то, что продемонстрировал Ким, было совсем иного плана.

– Секрет заключается в том, – сказал лекарь, – что болезни вытягиваются оплодотворенным яйцом, в котором теплится жизнь птенчика. Такое яйцо обладает особой силой, но силы самого яйца еще недостаточно. Сила яйца должна быть дополнена силой целителя, а может быть, наоборот, сила целителя дополняется силой яйца.

Выкатывая яйцом болезнь, ты должен очень четко и ясно представлять себе содержимое этого яйца, пусть и в символическом виде, вроде оранжевой или желтой массы с черной точечкой внутри, важно не то, как ты его представляешь, важно ощущать содержимое этого яйца как бы внутри себя.

Выкатывая болезнь яйцом, ты должен чувствовать эту болезнь, представляя ее в виде некой вязкой массы, которая, в зависимости от тяжести заболевания, может быть разного цвета и разной степени вязкости. Цвет болезни обычно варьируется от светло-коричневого до черного. Начиная катать яйцо по болезненной зоне, нужно создать образ того, что вязкая болезнетворная масса как бы спекается, прилипая к яйцу, а затем она втягивается в черную точку зародыша, наворачиваясь на нее по суживающейся спирали.

Когда ты почувствуешь, что яйцо и зародыш до отказа заполнились болезнетворной массой, яйцо теряет свою силу и его следует заменить на свежее и чистое оплодотворенное яйцо. Используемые яйца после завершения лечения сначала отвариваются вкрутую, а затем измельчаются и закапываются в землю, чтобы накопленная в них вредоносная энергия никому не причинила вреда.

Методы Кима во многом напоминали шоу-даосскую работу с мыслеобразами, которую показывал мне Учитель. Впоследствии я и сам не раз применял в своей практике метод выкапывания яйцом, с благодарностью вспоминая удивительного корейского целителя.

Наиболее часто я использовал технику выкапывания оплодотворенным яйцом при лечении гинекологических заболеваний, добиваясь при этом очень хороших результатов. Так, у пары моих любовниц мне удалось вылечить серьезное и запущенное воспаление придатков.

Хотя целительство меня необычайно привлекало, я не мог да, честно говоря, и не хотел всецело посвящать себя ему.

– Целительство – не совсем твой путь, – сказал мне как-то Учитель. – Путь целителя – это одна из ипостасей пути отшельника, а ты не создан для этого пути. Твое предназначение – стать Хранителем Знания, и когда-нибудь этот путь не оставит тебе времени для чего-либо другого...

Глава 5

Я продолжал размышлять о сущностях, живущих в человеке, но, поскольку Учитель больше не затрагивал этот вопрос, мой интерес к ним постепенно угасал. Про себя я решил, что сущности – это некое условное определение специфических «ролей», в которые вживается человек, выполняя те или иные функции в своей социальной жизни. Так, в один момент он мог исполнять роль отца, в другой момент – роль интеллектуала, или делового человека, или поборника справедливости.

Конечно, в глубине души я понимал, что такая трактовка слишком примитивна и не может соответствовать представлениям Спокойных о структуре человеческой психики, но подобные размышления помогали мне успокоиться и подавить свое чересчур настойчивое любопытство. Так было до того дня, когда я лицом к лицу столкнулся с одной из своих внутренних сущностей, которая никак не вписывалась в схему «ролей» и которую Ли впоследствии определил как «ведущего». Все началось с упражнений укоренения и разветвления.

Был конец мая, на удивление жаркий даже для Крыма.

– Сегодня большой день для тебя, – торжественно заявил Учитель.

Мы неторопливо шагали по лесополосе, направляясь к нашей излюбленной полянке. Я промолчал, прикидывая, что может означать эта фраза. Приобретенный мною опыт общения с Ли заставлял меня настороженно относиться к подобным заявлениям.

Учитель лукаво взглянул на меня.

– Сегодня тебе предстоит стать человеком-деревом, – еще более торжественно заявил он.

– Так уж и сегодня? – усомнился я. Поскольку в представлении Спокойных понятие «человек-дерево» означало совершенного человека, гармонично соединившего в себе четыре первоэлемента – землю, воду, огонь и воздух, и обретшего контроль над этими стихиями, мои сомнения были вполне оправданны.

– Интересно, куда подевалась твоя европейская самоуверенность? – усмехнулся Ли. – Неужто ты считаешь себя столь далеким от совершенства?

– Увы, – вздохнул я.

– Символ дерева имеет много скрытых значений, – переходя на серьезный тон, сказал Ли. – Дерево обладает мощью и устойчивостью. Оно плотно укореняется в земле, питаясь ее соками, впитывая в себя воду и устремляясь вверх, к небу, где его пищей становятся воздух и огонь солнечного света. Земля, вода, воздух и огонь увеличивают силу дерева, и оно дает плоды.

Человек, уподобившись дереву, также может соединить в себе инь земли и небесный ян. Пло-

дом этой работы станет его жизненная энергия, его внутренняя сила и, в итоге, сама его жизнь.

Дерево лишено сомнений и сожалений, внутренних конфликтов и противоречий. Оно обладает естественным спокойствием и безмятежностью. Поэтому, превращаясь в дерево, ты сможешь избавиться от многих болезней духа и тела.

Мы вышли на полянку, и Учитель остановился в центре ее.

– Комплекс упражнений "Волшебное дерево" помогает воину жизни взаимодействовать с энергиями собственного организма, – сказал он. – Лучше всего начинать практику "Волшебного дерева" поздней весной, когда природа уже полностью пробудилась от зимнего сна и деревья покрылись зеленой листвой. Упражнения надо проводить на поляне, среди деревьев. Встань на северном краю поляны, лицом к югу, так, чтобы перед тобой было больше открытого пространства.

Я по положению солнца прикинул, где может находиться север, и встал так, как сказал Учитель.

– Разденься и сними часы, – велел он. – Ничто не должно стеснять твоих движений и препятствовать естественному перемещению энергии по телу.

– Ботинки тоже снимать? – спросил я.

– В данном случае да, – сказал Ли. – Но если тебе придется выполнять упражнения в более холодную погоду, это не обязательно. Ты можешь заниматься в одежде, но она должна быть свободной. Брюки должны быть без ремня, и на теле не должно быть никаких металлических предметов. Вначале тебе нужно размяться. Начни с упражнений по кругам, но характер этих упражнений должен быть мягким и разогревающим, где-то на уровне контролируемых аутодвижений. Ты готовишься не к бою, а к состоянию спокойного, но четкого восприятия, и тебе нужно размять и разогреть все тело и суставы. Одновременно с упражнениями по кругам воспроизведи состояние "внутреннего облака".

Я подчинился. Вскоре мое тело наполнилось мягкими и приятными потоками оргазмических ощущений, которые, казалось, окутали его густым невидимым облаком. Спокойствие внутренней улыбки сделало меня легким и невесомым.

– Теперь выполни естественную стойку, – давал мне указания Учитель. – Поставь ноги на ширину плеч и расположи ступни таким образом, чтобы тазобедренные и голеностопные суставы располагались в одной вертикальной плоскости. Слегка присогни колени, опуская центр тяжести и распрямляя поясницу, растягивая спину и позвоночник. Плечи расслаблены, руки свободно свисают вдоль туловища. Опусть подбородок и слегка подтяни его к шее, так, чтобы точка бай-хуэй на макушке головы была направлена к небу. А теперь выполни упражнения "живая нора" и "кожаный мешок".

Эти упражнения были мне хорошо знакомы. "Живая нора" – упражнение с первым нижним источником – заключалось во втягивании ануса, сопровождаемом специфическими мыслеобразами с целью создания потока оргазмических ощущений, который затем поднимался вверх. Упражнение "кожаный мешок" в чем-то напоминало упражнения йоги – «наули» и "уддияна бандха". С его помощью развивались и прорабатывались мышцы живота, и затем, с помощью мыслеобразов, также вызывался поток оргазмических ощущений, которые накапливались в нижнем дань-тяне или использовались для устранения энергетических застоев во внутренних органах, мышцах и костях.

– Накапливай энергию, позволяя ей свободно перемещаться по телу, – сказал Ли.

Я почувствовал, как мышцы начали подрагивать под первыми легкими биениями аутодвижений. Учитель подошел ко мне и мягкими плавными движениями начал проглаживать мое тело по разным направлениям. Каждое движение начиналось от точки бай-хуэй, вниз по одному из трех направлений: по задней поверхности головы, спине, ногам и середине ступней; по лицу, груди, животу и ногам до ногтей больших пальцев ног; и через уши, плечи и руки до ногтей средних пальцев рук. В соответствии с указаниями Ли, я, следуя за его руками, на выдохе проводил энергию вниз, по указываемому его ладонями маршруту, избавляясь от напряжения и выводя из тела в землю болезненную, «мутную» ци.

– Сейчас ты готов к укоренению, – услышал я слова Учителя. – Упражнение, которое ты будешь выполнять, называется "корни в земле". Представь себя деревом, стань им, почувствуй себя им. Твои стопы становятся корнями, и они врастают в землю, вжимаясь в нее так, словно хотят ее раздавить. Энергия устремляется вниз к ступням, накапливаясь там естественным образом, стимулируя рост и силу корней. Позволь своим стопам самим выбрать удобное для них положение. Они не должны быть мертвыми и неподвижными, они могут двигаться, выбирая наиболее удобную для них позицию, и, в соответствии с изменением положения стоп, туловище тоже может менять свое положение, но все эти перемещения должны осуществляться лишь интуитивно, на уровне аутодвижений.

Упражнение "корни в земле" помогает тебе развить устойчивость и силу ног, так необходимые

в бою, оно создает прочную энергетическую связь с землей, оно позволяет тебе питаться силой земли, накапливая ее в ногах и нижнем дань-тяне, подобно тому, как ею питается дерево.

Прежде чем начнутся аутодвижения, ты можешь проявить немного самостоятельности, сознательно подталкивая свои ноги к интуитивному выпусканию корней. Перенеси для начала вес на пальцы ног, вдави их в землю и ощути, как они вырастают в нее. Потом перенеси вес тела на пятки и позволь пяткам укорениться. Затем распредели равномерно вес по всей стопе и почувствуй, как корни прорастают из точки юн-цюань. Не забывай о том, что корни устремляются не только вглубь, они распространяются вширь. Чем мощнее твоя корневая система, тем выше твоя устойчивость и тем эффективнее твоя энергия взаимодействует с энергией земли.

Чтобы пустить корни еще глубже, ты можешь дополнительно опустить центр тяжести тела, сопровождая это опускание мыслеобразом еще более мощного и глубокого укоренения.

Я почувствовал, как мышцы ступней подергиваются от притока ци. Энергия, скапливаясь в нижней части ног, начала пульсировать, вызывая раздражение и беспокойство. Я несколько раз перекатился с пальцев на носки, пытаюсь "выпустить корни", но что-то не срабатывало, словно невидимые закупорки в активных зонах пальцев препятствовали моей энергии слиться с энергией земли. Раздражение от биения энергии в ногах нарушало мою концентрацию. Я вновь обратился к упражнениям внутренней улыбки и "живой норы", стараясь достичь необходимого состояния спокойствия.

Глубокое размеренное дыхание помогло мне отключиться от неприятных ощущений в ногах, на миг я вошел в столь приятное и расслабляющее состояние "внутреннего облака", что на какой-то отрезок времени позабыл, кто я, где я и чем занимаюсь, а затем меня поразило неожиданное и странное ощущение. Мне показалось, что из пальцев ног вырвались юркие быстрые змейки, которые нырнули в землю, но их хвосты плотно застряли у меня в ступнях.

Змейки вертелись, устремляясь вниз, отыскивая удобные им позиции, а потом у меня перед глазами почему-то промелькнула сцена из учебного кинофильма, в котором показывался многократно ускоренный процесс роста пшеницы. Белые, вначале почти прозрачные тонкие ростки, набирая силу и цвет, уверенно устремлялись вверх. Словно отзываясь на эти образы, десятки подобных ростков вынырнули из моих стоп, на сей раз устремляясь не вверх, а в землю.

Я почувствовал, как стопы зашевелились, интуитивно отыскивая наиболее удобное для укоренения положение, а затем ростки буквально пригвоздили их к земле. На мгновение возникло желание освободиться, почувствовать себя свободным. Я попытался приподнять ногу, но не мог даже на миллиметр оторвать ее от земли.

Ростки разрастались. Я чувствовал, как деревенеют их стволы, как они меняют свой цвет на более темный. Потоки ци больше не вызывали напряжения у меня в ногах. Энергия ушла в землю, превратившись в стремительно развивающуюся корневую систему.

Я, удивленный и потрясенный, отстранение наблюдал за этим процессом. Рост корней постепенно замедлялся, наступил момент, который я определил про себя как момент равновесия, а затем энергия земли принялась наполнять мои корни. Она поднималась вверх медленными, приятными и мощными потоками. Эта энергия не была тяжелой и беспокойной. Возникла несколько странная аналогия этой энергии с густым материнским молоком. Наполняя и питая меня, ци земли давала мне устойчивость и спокойствие.

Поглощенный переживаниями, я не сразу обратил внимание на боль и напряжение в полусогнутых ногах. Я направил энергию земли вверх, и ее целительный поток почти сразу принес облегчение. Ци скапливалась в нижнем дань-тяне. Ее потоки начали циркулировать по всему телу, вверх и вниз. Потоки, идущие к корням, стимулировали их рост, хотя это был рост уже не вглубь, а вширь. Последнее, что я помню, – это спазмы неконтролируемых аутодвижений, которые, стремительно усиливаясь, понесли меня вразнос.

Когда я пришел в себя, я лежал на земле, на своей одежде, а Учитель с сосредоточенным видом массировал и растирал мое тело.

– Ты не должен был до такой степени отдаваться во власть аутодвижений, – сказал Ли. – Ты потерял контроль над ними. Мне пришлось принимать срочные меры, чтобы вывести тебя из опасного состояния.

– Я не знал, что нужно контролировать аутодвижения, – попытался оправдаться я. – Я мог это сделать, но ты же меня не предупредил.

– Все в порядке, – сказал Учитель. – Для первого раза все прошло неплохо. Но теперь, когда ты имеешь представление о том, что такое укоренение, ты будешь выполнять это упражнение самостоятельно в течение нескольких недель, так что тебе придется самому полностью контролировать весь процесс. Ты не должен намеренно вызывать аутодвижения или специально подавлять их. Просто

следуй за велениями тела и наблюдай проявления ци в твоём организме, пребывая в состоянии внутреннего спокойствия и отрешённости. Твое тело знает, что делает. Не мешай ему.

В этот раз ты отключился и не смог завершить упражнение. Когда аутодвижения угасают, нужно забрать свои корни из земли. Ты можешь представить, что ты всасываешь их внутрь, растворяя их затем в своём теле и вместе с ними возвращая обратно твою собственную энергию, смешанную с энергией земли и воды. При помощи дополнительных мыслеобразов ты можешь собрать ци из окружающего пространства или от окружающих тебя деревьев, перемешать эти энергии в теле, равномерно распределяя ци по организму, и т. д. Со временем ты научишься интуитивно чувствовать, что именно тебе нужно.

Забрав свои корни внутрь, ты должен руками собрать ци движением инь в круге силы и, наложив ладони на нижнюю часть живота, поместить ее в нижний дань-тянь. После этого тебе предстоит растереть и размассировать все тело, начиная с области живота вокруг пупка. Затем следует область почек и ноги. Ты оглаживаешь ноги сверху вниз, сбрасывая в землю избыточную ци, и наконец переходишь к верхней части туловища, начиная массаж от кистей рук к плечам, затем следуют лицо, шея и волосистая часть головы. Не забудь сбрасывать с рук лишнюю ци. Процедура заканчивается прохлопыванием ладонями по всему телу и отдыхом в течение десяти-пятнадцати минут.

Я начал практиковать укоренение ежедневно, по возможности в лесу, но, в силу недостатка времени, иногда приходилось довольствоваться комнатой. Учитель время от времени спрашивал о моих успехах, и наконец он решил, что пришло время перейти к следующему упражнению комплекса "живые деревья".

– Упражнение, которое ты сейчас будешь делать, называется "живая ветвь" или "разветвление", – сказал он.

Мы находились на той же самой полянке в лесополосе, где я впервые "укоренился".

– "Пустить корни" – это лишь полдела, – продолжил Учитель. – Корни – это основа, это сила дерева, но через корни дерево впитывает в основном ци земли и воды. Теперь, когда ты знаешь, как укореняться, пришла пора перейти к следующему этапу – к этапу роста и развития. Теперь ты будешь устремляться не только вглубь земли, но и к небу, выпуская вверх ветви и питаясь еще и энергией неба и солнца – ци воздуха и ци огня. Встань на северный край поляны и укоренись.

Процесс "выпускания корней" занял несколько минут, и, когда мое тело стало подергиваться первыми аутодвижениями. Учитель подошел ко мне. Его пальцы коснулись кончиков пальцев моих рук, коротким легким движением подкинув их вверх.

– Расслабься и отдайся ощущениям, – сказал Ли. Его пальцы продолжали приподнимать и подбрасывать мои кисти, плавно меняя направление движений. С каждым разом руки становились все более невесомыми. Они опускались вниз медленно и словно нехотя. Я тоже становился легким и невесомым. Меня охватывало удивительное ощущение радостно-восторженного спокойствия. Несмотря на свою интенсивность, радость и восторг не были утомительными, а затем мои руки, отыскав особые зоны пространства, словно созданные для них, зависли в воздухе. Создавалось впечатление, что все мое тело погружается в приятную упругую и мягкую массу, поддерживающую меня в расслабленной неподвижности, и в следующий момент я ощутил себя парящим над огромным бескрайним пространством, подобно степному орлу.

Эта ассоциация неожиданно вызвала удивительно яркие воспоминания детства. Я ощутил свою нить жизни, вернувшись в яркий летний день, когда мне было восемь лет. В то время у меня уже было свое ружье. Я испытывал столь типичную для многих мальчишек страсть к охоте.

В тот день мы с отцом охотились в степи. Я заметил орла, сидевшего на столбе линии электропередач. Тщательно прицелившись в него, я выстрелил и понял, что попал, потому что огромная птица слегка вздрогнула.

Орел медленно повернул голову в мою сторону, и, как мне показалось, взглянул на меня с презрительным спокойствием. Немного погодя он величественно расправил крылья и, оттолкнувшись от столба, взмыл к небесам.

Это был удивительный момент. Возможно, тут сказалось изумление оттого, что выстрел не причинил птице никакого вреда. Чувство, которое я в этот момент испытывал к орлу, приближалось к чувству религиозного благоговения. Для восьмилетнего мальчика он стал своеобразным символом величественного спокойствия и силы, почти символом вечности. В момент, когда орел воспарил, я слился с ним в своих чувствах. Казалось, что я расправил крылья и взлетел вместе с ним, унесенный ввысь этим прекрасным зрелищем.

Я так никому и не рассказал о своих переживаниях, только спросил у отца, почему выстрел не причинил птице никакого вреда.

– Твои патроны были заряжены бекасином в расчете на перепела, – ответил отец. – Это очень мелкая дробь, а перо крупной птицы хорошо защищает от нее, особенно если выстрел был произведен с большого расстояния.

Я принял это объяснение, но оно не изменило мои чувства. После встречи с орлом состояние парения стало часто посещать меня во сне и в полудреме, и я уже настолько ассоциировал себя с этой могучей птицей, что переставал ощущать себя человеком, оставалось лишь удивительное чувство парения.

Я и раньше летал во сне. Подобные сны свойственны многим людям и связаны с различными фазами полового созревания. В народе существовало поверье, что, когда человек летает, он растет. Однако "парение орла" в моих снах было очень специфичным.

Для меня полет начинался с того, что я взмывал над лестничным пролетом нашей симферопольской квартиры, где деревянная лестница полувинтом уходила вниз, к двери на улицу. На какой-то момент я зависал над этим пролетом, а затем выплывал в широко раскрытое окно веранды и скользил над знакомыми улочками родного города, то взмывая высоко вверх, то снижаясь до уровня голов идущих по улицам пешеходов.

И вот сейчас я снова был орлом, парящим над широкими просторами степи.

Громкие ритмичные звуки прервали чудо этого полета. Я сфокусировал взгляд и понял, что Учитель хлопает в ладоши перед моим лицом.

– Вернись к суровой действительности, мой маленький брат, – с обычной для него ехидной усмешкой произнес Ли. – Заверши упражнение и промассируй тело.

Я привычно втянул внутрь корни, концентрируя энергию в нижнем дань-тяне, и, завершив массаж, опустился на землю рядом с Учителем, поглощенным завариванием чая.

– Это было здорово, – взволнованно сказал я. – Мне не часто приходилось испытывать подобное удовольствие. Я даже вернулся назад по нити жизни в один удивительный момент моего детства.

Пока Ли неторопливо разливал чай по кружкам, я рассказал ему о своем переживании.

– Что такого ты сделал со мной? – в заключение спросил я. – Я запомнил только, что ты приподнимал пальцами мои руки.

– Ветви деревьев не растут абы как, – сказал Учитель. – Они занимают совершенно особые зоны пространства, располагаясь так, как им удобно, как требует того их энергетика. Когда ты пускаешь корни, когда ты превращаешься в дерево, твои руки становятся ветвями деревьев. И точно так же, как ветви деревьев ищут свое особое место в пространстве, твои руки должны отыскать благоприятные для тебя зоны.

– О каких зонах ты говоришь? – заинтересованно спросил я. – Я не знал, что существуют какие-то особые зоны.

– Ты прекрасно знаешь об этом, – возразил Учитель. – Я уже рассказывал тебе о методе лечения некоторыми зонами пространства, или о том, как на определенном расстоянии от человека ставят зажженную свечу, пламя которой особым образом воздействует на энергетику человека.

– В самом деле, ты прав, – вынужден был признать я. – Но у меня как-то не возникла ассоциация между лечением зонами пространства и особыми позициями рук.

– И то и другое позволяет тебе влиять на энергетические потоки организма, – сказал Ли. – Наверняка ты заметил, что, когда я подкидывал твои руки, перемещая их в разных направлениях, ты по-разному воспринимал разные зоны пространства. В некоторых из них твоим рукам хотелось остаться подольше, а в самых благоприятных для тебя зонах руки застыли, и ты испытал чувство удивительного комфорта. Ты выполнил то, что делает дерево, – отыскал наилучшие позиции для твоих ветвей.

На первых порах тебе потребуется моя помощь, но вскоре ты сам научишься правильно располагать свои ветви. Для этого тебе нужно лишь подметить начало аутодвижения рук, а затем интуитивно помочь им занять благоприятную для тебя позу. По мере приобретения опыта ты сможешь уделять внимание и «листьям» – пальцам, поскольку пальцы тоже в значительной мере влияют на перераспределение энергии в твоём организме.

Но ни в коем случае не старайся запоминать позиции ветвей и воспроизводить их в последующих упражнениях разветвления. Каждую минуту, каждый момент в тебе и в окружающем мире происходят перемены, поэтому каждый раз тебе придется интуитивно отыскивать новые зоны и новые позиции. По мере практики позиции рук будут становиться все более симметричными, хотя полной симметрии тебе добиться так и не удастся. Симметричные позиции рук говорят о здоровье и о гармоничном распределении энергии в теле. Если же поза несимметрична, но естественна, это является свидетельством избытка или недостатка ци в каких-то областях тела.

Неестественные позиции свидетельствуют о более серьезных нарушениях. Неестественные по-

зиции, сопровождающиеся наклонами и искривлениями туловища, называются "корявое дерево", но, принимая эти причудливые позы, тело как бы лечит само себя, устраняя застои энергии и компенсируя нехватку или избыток ци.

Когда твои позы станут более или менее симметричными и ты приобретешь достаточную практику в упражнениях "Волшебное дерево", ты почувствуешь то, что называется "шевелением корней". Потоки ци, идущие через ноги в землю, улучшат проходимость энергетических каналов ног, сила ног увеличится, и возникнет естественная тенденция сгибать колени, опуская центр тяжести все ниже и ниже. Ступни ног могут начать незначительно смещаться, отыскивая еще более прочные позиции укоренения, и таким образом будет происходить перемена стойки. Но все эти изменения должны протекать медленно и естественно, без нарушения ритма дыхания и позиций туловища и рук. В каждом упражнении ты должен прорабатывать лишь одно особое положение, допуская не более одной перемены стойки. По мере практики ты приобретешь необходимый опыт.

— У меня не выходит из головы мой опыт парения, когда я превращался в орла, — задумчиво произнес я. — Я столько раз испытывал его в детстве, и сейчас я снова вернулся к нему. Такое впечатление, что я превращаюсь в нечто совершенно не имеющее отношения к моей обычной личности, и в то же время я знаю, что мне делать, чего я хочу и как я должен действовать. Что это такое — обычный сон или нечто более глубокое?

— В эти моменты орел становится твоим ведущим, — пожал плечами Ли. — Это очень простое объяснение.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Похоже, что мы возвращаемся к теме, которой ты так одержим, — усмехнулся Учитель. — Ведущий — это одна из сущностей, которая может быть частью тебя или может на какое-то время войти с тобой в контакт.

По лукавым огонькам, поблескивающим в глазах Ли, я понял, что он находится в хорошем настроении, и в моей душе забрезжила надежда.

— Поднимайся! — скомандовал Учитель прежде, чем я успел задать свой следующий вопрос. — Встань на северный край полянки и выполни упражнения выпускания корней и разветвления.

Я с легким сожалением отставил в сторону кружку с недопитым чаем и отправился на "место укоренения". Меня охватило разочарование при мысли о том, что я ошибся и Учитель снова ушел от разговора о сущностях.

Возможно, разочарование мешало мне сконцентрироваться, и процесс укоренения занял больше времени, чем обычно.

— Соберись, — неожиданно прикрикнул на меня Ли. — Ты должен быть готов встретиться лицом к лицу с твоим главным ведущим.

Тут мог сыграть роль фактор неожиданности, или было что-то особенное в интонациях его голоса, но этот окрик буквально загипнотизировал меня, и, когда Учитель стал подкидывать мои руки, они повиновались ему, как хорошо вымуштрованные солдаты опытному сержанту. Я чувствовал зоны пространства как миниатюрные тоннели или как обволакивающие и поддерживающие чехлы, имеющие более или менее удобную для моих рук конфигурацию. Наконец руки отыскали идеально отвечающую им форму и растворились в ней. Я ощутил мощнейший выброс энергии, направляющийся вверх, от корней к голове и ветвям, а затем мое тело исчезло, и я провалился в безбрежное пространство, наполненное интенсивным фиолетовым цветом, в котором, кроме этого света, ничего больше не было. Я ощутил растерянность и пустоту, поскольку я не знал, что со мной, что случилось с моим телом и где я нахожусь, а затем из глубины фиолетового цвета и, одновременно, из глубины меня самого сформировалось странное существо, не имеющее ни формы, ни объема, и это существо заговорило со мной.

На самом деле слово «заговорило» тут не подходило. Существо передавало мне информацию каким-то особенным, бессловесным образом, на уровне некоего универсального чувственного восприятия. Я знал, что существо было мной, и в то же время мной не являлось, и я знал, что это существо знало ответы на все вопросы, которые волновали меня, а затем я ощутил безграничную уверенность в правильности выбранного мною пути, во всем, что я делал и чем занимался. Затем существо передало мне нечто, что я мог бы определить как универсальное знание, граничащее с мудростью вселенной. Я не мог осознать его или удержать, но восхищение оттого, что я к нему прикоснулся, взволновало меня до такой степени, что я позабыл обо всем. Затем меня буквально вырвало из фиолетового пространства мощным высасывающим движением, и я вернулся к действительности.

Я ощутил свое тело с нелепо растопыренными руками, вибрирующими в воздухе, словно крылья птицы, ловящие ветер. Мои босые ступни особенно остро ощущали контакт с землей через точку

инь – юн-цюань и через точку ян в центре соединения пятки со стопой, через которую энергия возвращается в землю при "падении плода". Мои пальцы щекотала трава. По сгустившимся сумеркам я понял, что провел в состоянии "волшебного дерева" немало времени. Даже не оглядываясь по сторонам, я знал, что Учитель ушел.

Тело налилось ощущением силы, но в то же время некоторые его части были застывшими и одеревеневшими. Я почувствовал себя опустошенным. Я втянул энергию корней и ветвей внутрь, концентрируя ее в нижнем дань-тяне, и, потянувшись затекшим телом, приступил к массажу. Затем я сел на землю, привалившись спиной к дереву, и, бездумно глядя на звезды, вернулся в воспоминаниях к своей встрече с тем, кого Учитель назвал моим главным ведущим.

Впоследствии я не раз показывал упражнения укоренения и разветвления своим ученикам. Их реакции были самыми разнообразными – спокойными и бурными, с мощными всплесками энергии аутодвижений, даже сопровождавшимися криками или плачем, но лишь двое моих учеников смогли однажды провалиться в фиолетовое пространство, где они, как и я, встретились с главным ведущим.

Мне запомнился забавный случай, когда один из участников семинара после выполнения упражнения "волшебных деревьев" подошел ко мне и сказал:

– Я уже давно занимаюсь практиками ци-гун, но удивительно, что даже в парных упражнениях с женщинами я не испытывал столь мощных переживаний, как при занятиях с вами.

– Но ведь Учитель лучше любой женщины, – глубокомысленно заметил я, и участники семинара буквально согнулись пополам от хохота.

Я с нетерпением ожидал следующей встречи с Ли, терзаемый жадой поделиться с ним подробностями моей встречи с ведущим, а заодно засыпать его вопросами на интересующую меня тему. На следующий день, вернее, на следующую ночь мы встретились в городе и, как обычно, отправились бродить по улицам.

Учитель посмеивался над моим нетерпением, но я чувствовал, что он готов к разговору.

– Ведущий – это особое состояние тела, души и разума, позволяющее через чувства понять то, что недоступно уму, – наконец сказал он.

– Но ведь согласно этому определению ведущий – это состояние, а не сущность, – заметил я. – А ведь раньше ты говорил, что ведущий может быть частью меня, но может быть и сущностью, находящейся вне меня.

– Не придирайся к определениям, – сказал Учитель. – Ведущего невозможно описать словами, поэтому описания, которые я тебе даю, – всего лишь очередной кусочек ложного знания, которое, тем не менее, помогает тебе создать представление о теме разговора. Вчера ты встречался с ведущим и получил от него знак истины. Ты видел его, ты говорил с ним, так объясни мне, что такое ведущий.

– Я не могу этого объяснить, – сдался я. – Но мне бы хотелось побольше узнать о ведущих, даже если то, что ты мне скажешь, не будет в полной мере отражать истинное положение вещей.

– Наиболее распространенный тип ведущего я мог бы определить как некую сущность, находящуюся внутри тебя, представляющую собой квинтэссенцию работы твоего подсознания и способную гораздо более плодотворно, нежели сознание, анализировать опыт твоей жизни и события, происходящие в окружающем мире, – сказал Ли. – В той или иной форме ведущий присутствует в каждом человеке, но далеко не все способны слышать его голос или воспринимать его внесловесные команды. Люди, чутко реагирующие на указания ведущего, называются ведомыми. Как правило, ведомые люди щедро одарены в энергетическом смысле. Они чувствительны и обладают хорошей интуицией. Такие люди могут принести много пользы себе и окружающим, если они изберут правильный путь, свободный как от излишних предрассудков, так и от ложного заигрывания с тайными силами, управляющими их жизнью.

Ведущие обычно привязаны к настроению, к эмоциональному настрою человека. Ведущий может проявляться в душе человека в виде затаенной, но устойчивой эмоции, которая редко приобретает бурные формы, но тем не менее эта эмоция четко и однозначно указывает хозяину, например, что ему стоит или не стоит делать, с кем ему стоит или не стоит вступать в контакт.

Многие, сами того не ведая, испытывают сильнейшее воздействие ведущих в моменты сильной влюбленности, когда нечто внутри их подталкивает к совершению безумств, полностью противоречащих предыдущим планам и доводам рассудка. Нечто подобное происходит в состоянии аффекта, когда человек может совершить самое ужасное преступление, а затем он не в силах понять, как это произошло. На короткое время подсознание захватывает власть и влечет человека по избранному им непредсказуемому пути.

– Но ведущие, о которых ты говоришь, причиняет человеку вред, – заметил я. – Вначале я понял, что ведущий помогает человеку выбирать правильное решение в случаях, когда его сознание не

способно полностью оценить ситуацию.

— Есть множество типов ведущих, — сказал Учитель. — Больше, чем ты можешь себе вообразить. Формы их проявления классифицируются в соответствии с шестидесятью четырьмя гексаграммами. Это сложная классификация, и сейчас я не буду вдаваться в подробности. Ты должен уяснить лишь то, что есть благоприятные для тебя ведущие и есть ведущие-разрушители. Ведущие, помогающие человеку, тесно связаны с его внутренней силой, но личность такого человека должна быть гармоничной и уравновешенной. В случае личности, страдающей от внутренних конфликтов, склонной к резким перепадам настроения, ведущие не могут обладать целостной стратегией, и, даже в случае, если человек обладает значительным запасом энергии и внутренней силой, влияние ведущих может быть как благоприятным, так и опасным. Именно поэтому я упоминал, что ведомые люди должны придерживаться срединного пути, избегая как излишних предрассудков, так и заигрывания с неведомыми им силами. Еще одна любопытная категория ведущих — это ведущие сна. Ведущие сна как бы предугадывают ситуацию, которая может возникнуть, и облачают ее в видения. Эти видения становятся вещими снами.

Ведущие глубинной интуиции помогают человеку, серьезно настроившемуся на достижение какой-то конкретной цели, отыскать наиболее быстрые и доступные способы ее достижения.

Для воинов жизни подобные ведущие завязаны на их внутренней силе. Именно на взаимодействии с такими ведущими построена значительная часть техник управления судьбой. Воины жизни умеют создавать своих ведущих, или они могут позволить кому-то еще создать ведущего для них. Иными словами, ведущий не всегда является порождением самого ведомого.

Умея создавать ведущих для других, ты сможешь управлять людьми. В частности, на этом во многом основаны техники управления толпой или техники управления группой людей.

Самый простой способ создать ведущего для другого человека — это использовать его жажду или потребность. Приведу элементарный пример — тебе достаточно в жаркий день с наслаждением выпить стакан воды для того, чтобы человек, у которого уже сформировалась аналогичная потребность, ощутил непреодолимое желание последовать твоему примеру.

— Это мне напомнило дурную шутку, которую иногда проделывают на концертах, — сказал я. — Говорят, что если кто-то сидит в первом ряду и жует лимон, корча соответствующие рожи, у музыкантов, играющих на духовых инструментах, рот наполняется слюной, и они не могут нормально играть.

— Это еще один способ формировать ведущего, — кивнул Учитель. — Как видишь, существует множество способов.

Для контроля над ведущими Спокойные используют внутреннего стража. Именно внутренний страж защищает интересы своего хозяина, своевременно высвобождая или контролируя его жажды, но страж в то же время является и разумным ведущим, в некотором роде королем всех ведущих, поскольку на пути к достижению цели он действует наиболее осознанно.

Представь, что полностью обессиленный человек ползет по пустыне в попытке отыскать источник воды. Ему приходится контролировать все свои эмоции, все свои жажды, подталкивающие его прекратить сопротивление, расслабиться и отдохнуть, но поддаться этим жаждам означает проиграть битву в борьбе за жизнь. В подобной ситуации внутренний страж, контролируя волевыми усилиями мотивацию человека, мобилизует его на продолжение борьбы, на выживание.

Ли замолчал. Несколько минут мы шагали в тишине, а потом я задал вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— А что ты можешь сказать о сущностях, которые охватывают бесноватых? — спросил я.

— Не торопись. Возможно, когда-нибудь ты встретишься и с нелюдями, — усмехнулся Учитель.

Глава 6

Общаясь с людьми, практиковавшими альтернативные методы лечения, я условно относил их к одной из трех категорий: знахарей, народных целителей и "полународных целителей". К категории народных целителей я относил людей, использующих типичные средства народной медицины — лекарственные травы, прогревание, компрессы и т. д.

Знахари, с моей точки зрения, в основной степени полагались на психологические методы воздействия, типа чтения молитв или заговоров, изгнания духов, снятия порчи и совершения прочих магических ритуалов, хотя и они в своей практике широко использовали методы народной медицины.

Самым распространенным типом «полународных» целителей были люди, страстно увлеченные народной медициной. Они использовали любой предлог для того, чтобы давать советы и рецепты

всем родственникам, друзьям, знакомым и даже незнакомым. Как правило, их советы приносили больше пользы, чем вреда, но нередко случалось, что они допускали ошибки.

Одной из таких «полународных» целительниц была моя знакомая преподавательница. Я познакомился с ней на первом курсе института, и интерес к народной медицине, первоначально объединивший нас, перерос в прочную дружбу. Соня давала мне переписывать ее конспекты по рецептурам трав и народным методам лечения. Во время лекций, прикидываясь прилежным студентом, записывающим каждое слово преподавателя, я изучал и копировал их. Я тоже не остался в долгу и принес ей тетради, где были записаны кое-какие рецепты по лечению животных, которые сообщил мне отец, некоторые знахарские приемы, которым научил меня дядя Федя, брат отца, живущий в селе «Фонтан», в доме которого я, еще будучи школьником, иногда проводил часть летних каникул.

Мы начали активно обмениваться литературой на тему всевозможных методов лечения, типа лечения кристаллами или камнями, запахами, наложением рук и т. д. Естественно, литература подобного рода существовала в те времена лишь в виде ксероксов, сделанных с подпольных переводов, и подобный обмен порождал особо доверительные отношения.

Я стал желанным гостем в Сониной семье, и оказалось, что увлечение народной медициной захватило всех ее членов. В ее доме я познакомился с несколькими народными и «полународными» целителями, там же я впервые столкнулся с практическим применением рефлексотерапии, иглоукалывания и прижигания.

Два-три раза в год к Соне в гости приезжал врач-рефлексотерапевт, живущий в одном из небольших украинских городков. Он действительно был прекрасным специалистом, и одна из комнат Сониной квартиры на время превращалась в кабинет. Естественно, что Сониной семье и ее близким друзьям медицинские услуги оказывались бесплатно, но с остальных врач брал деньги и очень неплохо зарабатывал себе на жизнь.

Благодаря ходатайству Сони, мне была предоставлена уникальная возможность наблюдать за процессом лечения, а заодно изучать литературу и конспекты по рефлексотерапии, которые он привозил с собой. Так первые курсы института превратились для меня в своеобразный университет, где я активно изучал не только воинское искусство, но и народную медицину.

В те времена методы рефлексотерапии еще были в новинку, и люди, хорошо освоившие их применение, обычно неплохо устраивали свою жизнь. Даже в тех случаях, когда их услуги не оплачивались деньгами, они с лихвой компенсировались другими способами.

Так один мой знакомый офицер, служивший в провинциальном гарнизоне, с моей подачи всеерьез заинтересовался иглоукалыванием и, хотя и был самоучкой, лечил быстро и эффективно. Об этом его таланте прослышали более высокие чины. Они начали пользоваться его услугами, а в благодарность за это посылали его на различные курсы повышения квалификации, писали положительные характеристики и всячески способствовали его продвижению по службе.

Переезжая на новое место службы, в другой город, этот мой знакомый быстро создавал себе репутацию не только открытого общительного парня и хорошего офицера, но и врача, целителя, бескорыстно помогающего окружающим. В армии, как ни в одной другой структуре, бескорыстие нередко щедро вознаграждается. В конце концов он перебрался в Москву, защитил диссертацию и получил звание полковника. Возможно, когда-нибудь он станет генералом. Не знаю, как сложилась бы его жизнь, если бы он не увлекся иглоукалыванием...

Общаясь со знахарями, я убедился в том, что, хотя они и применяют самые разные методы, все эти методы базируются на нескольких основных принципах или идеях. Наблюдая за работой народных целителей, я понял, что по меньшей мере половина успеха обеспечивается не столько прописываемыми ими лекарственными препаратами, сколько специфическим процессом общения, неким особым рода контактом, устанавливающимся между лекарем и пациентом.

Наиболее распространенным способом общения с больным было полное подавление его воли, более того, некоторые знахари, как мне казалось, воспринимали пациента чуть ли не как врага, которого они стремительным натиском захватывали в плен. Я понимал, что в условиях дефицита времени, при большом потоке больных этот метод может неплохо работать, но мне, воспитанному в шоудосских традициях проявления уважения к людям и искреннего ненасильственного общения, он не слишком нравился, хотя в некоторых случаях он и в самом деле оправдывал себя.

С одной из целительниц, крайне агрессивной и на редкость воинственно настроенной по отношению к больным, я познакомился чисто случайно, благодаря моему другу, который зарабатывал на жизнь подпольным разведением пушных зверей. Володя ненадолго заскочил ко мне домой и, поговорив на разные темы, предложил мне поехать с ним к целительнице Анфисе, живущей в Белогорске на улице Павлика Морозова.

– Ты сам убедишься, что это нечто особенное, – улыбаясь собственным воспоминаниям, сказал Володя. – Не знаю, насколько она хороша как целительница, но могу гарантировать, что по изощренности ругательств и многоэтажности мата она побьет любого мужика. Надеюсь, что ее напор тебя не испугает.

– Меня трудно испугать, – заметил я. – Ты слышал, как выражается моя дорогая мама. Не уверен, что твоей белогорской колдунье удалось бы ее превзойти.

– Ох уж эти женщины, – вздохнул Володя. – С ними так просто не сладишь.

– И как она лечит? – поинтересовался я.

– Травами и родным русским матом, – ответил Володя. – Народ к ней просто ломится.

– А ты как с ней познакомился?

– Мои родственники находятся с ней в приятельских отношениях. А я к ней обращаюсь за советами по поводу песцов. Ты же знаешь, я не могу пригласить официального ветеринара, а она и животных лечит.

Пока мы добирались до шоссе, чтобы поймать попутку до Белогорска, Володя сообщил мне дополнительные сведения о воинственной целительнице. Я узнал, что в данный момент в ее доме живет семейная пара, приехавшая из Петропавловска-Камчатского, муж и жена. Каждое лето они проводят с целительницей, помогая ей и приобретая необходимые навыки в лечении, а в остальное время совершают длительные рейды по всей стране, собирая целебные травы в самых разных регионах, в том числе, конечно, на Алтае и на Дальнем Востоке. Анфиса платит им за помощь и травы небольшой процент от своих доходов, но эти деньги с лихвой перекрывают зарплату, которую они могли бы получить, работая на государство.

На своем приусадебном участке целительница также выращивает лекарственные травы, и, кроме того, у нее есть много добровольных помощников, бесплатно снабжающих ее лекарственным сырьем.

Володя признался, что сам неоднократно в благодарность за лечение песцов привозил ей овес, собранный в нужное время на указанном Анфисой поле. На то, чтобы наполнить багажник свежесрезанными колосьями, не требовалось много времени. Небольшие дозы овса в качестве общеукрепляющего средства Анфиса добавляла почти во все рецепты. Вообще овес и очанка были ее самыми любимыми растениями, и она их прописывала большинству больных. Однако иногда она бралась и за сложные случаи заболеваний.

Как я впоследствии убедился, основным руководством в ее работе служили книги по лекарственным травам, изданные в шестидесятые годы, но, по моему мнению, решающим фактором успеха ее врачебной практики были именно психологические методы воздействия на пациента.

Наконец мы добрались до Белогорска и несколько минут спустя отыскивали небольшой беленый домик Анфисы. Калитка, ведущая во двор, была не заперта, и из-за нее доносились громкие пронзительные крики. Слова было трудно разобрать, но тон разговора ясно давал понять, что объекту, на который в данный момент была обращена всепоглощающая ярость целительницы, приходится несладко.

Володя гордо улыбнулся и, широким жестом указывая рукой в сторону дома так, как директор зоопарка демонстрирует комиссии клетку редкостного и дорогого зверя, сказал:

– Как видишь, прием пациентов в самом разгаре. Мы вошли во дворик и, миновав стайку съевшихся от нехорошего предчувствия больных, подошли к широко распахнутой двери дома, где в прихожей с земляным полом я увидел сухощавую седовласую Анфису в компании небольшого роста мужчины средних лет, который явно предпочел бы провалиться сквозь землю, но, к сожалению, не знал, как это сделать.

Я, многое повидавший и выслушавший на своем веку, был действительно поражен виртуозностью матерной лексики целительницы и, особенно, неистовым накалом бешенства, звучащим в громовых раскатах ее голоса.

– Ах ты, гадина, трах-тарарах, ах, ты, гнида поганая, трах-тарарах-тах-тах, – вопила целительница. – Да как ты посмел, трах-тарарах, подумать, трах-тарарах, что ты можешь лечиться у другого врача, трах-тарарах-тах-тах! Да если бы я, трах-тарарах, не могла вылечить твою болезнь, трах-тарарах, я бы сама отказалась лечить твою рожу недоделанную, трах-тарарах-тах-тах. Вы все свиньи неблагодарные, трах-тарарах, недостойные моего участия, трах-тарарах, и т. д. и т. п.

Минут пятнадцать мы наслаждались Анфисиним красноречием. Я успел вникнуть в ситуацию и понял, что злосчастный мужичонка осмелился задать вопрос, не имеет ли смысла обратиться к другому врачу и не может ли Анфиса порекомендовать ему еще какого-либо знахаря.

Наконец утомленная целительница сделала короткую паузу, переводя дух, и провинившийся

пациент получил возможность произнести пару слов в свое оправдание. Со слезами на глазах он умолял женщину простить его и продолжить лечение, перемежая свою речь самыми страшными клятвами, что впредь даже думать не осмелится о том, чтобы сменить врача.

Анфиса смягчилась и, сменив гнев на милость, выпроводила мужичка, снабдив его на дорогу пакетиком трав, в состав которых входила неизбежная очанка.

Воспользовавшись недолгим затишьем, Володя подошел к Анфисе и представил ей меня. Он как раз собирался сказать, что я не нуждаюсь в лечении и интересуюсь лишь народной медициной, но целительница не предоставила ему этой возможности.

Подойдя ко мне почти вплотную, Анфиса сложила руки на груди и окинула меня долгим, оценивающим взглядом, в котором явственно сквозило неодобрение.

– Да, плохи твои дела, плохи, ой как плохи, – сообщила она, скорбно поджимая губы. – И печеночка у тебя запущена, и почки хреновато работают, а уж с обменом веществ совсем кранты. Лечиться тебе надо, лечиться, если собираешься дожить до старости.

Я улыбнулся.

– Буду рад выслушать все ваши рекомендации, – дипломатично сказал я, – но вообще-то я приехал к вам потому, что меня очень интересуют ваши методы лечения. Я сам увлекаюсь народной медициной.

– По твоему виду этого не скажешь, – недовольно фыркнула целительница. – Непохоже, чтобы ты что-то смыслил в народной медицине, да и вообще я никого не учу.

– Но посмотреть-то можно? – вмешался Володя. – Саша мой большой друг, и обещаю, что мы ничуть не помешаем, просто посидим в сторонке и посмотрим, как вы работаете.

– Ладно, так уж и быть, смотрите, – с неохотой согласилась Анфиса.

Мы уселись в углу на лавку и в течение нескольких часов слушали отборный мат, перемежающийся причитаниями целительницы: "Ой, как все плохо, как плохо! Ой, как организм-то запущен! И сердечко у нас пошаливает, и селезеночка слаба, ой как слаба, и т. д."

Запугав подобным образом очередного пациента, Анфиса давала ему пакетик с общеукрепляющими травами, которые в действительности шли на пользу всему организму, особенно в сочетании с растениями, предназначенными для лечения его конкретных болезней, и, если учесть мощный эффект самовнушения, не удивительно, что ручеек больных, ожидающих приема, не иссякал.

– Что-то не нравится мне твоя подружка, – прошептал я на ухо Володе.

– Мне самому она не слишком симпатична, – отозвался тот, – но она лечит моих зверей, так что я стараюсь поддерживать с ней хорошие отношения. В любом случае, на нее стоило посмотреть. И не расстраивайся, что она не хочет с тобой говорить, я в свое время переписал у нее целую тетрадь с ее основными рецептами, так что, если хочешь, я дам тебе их посмотреть.

Впоследствии я тоже переписал Анфисины рецепты и лишний раз убедился в том, что в основном они были почерпнуты из книг.

Но если целители, подобные Анфисе, обычно производили на меня неприятное впечатление, среди знахарей иного плана, отыскивающих мягкий индивидуальный подход к каждому пациенту, встречались совершенно уникальные и обаятельнейшие индивидуумы. С одним из таких знахарей я познакомился совершенно случайно, в крымских горах недалеко от Перевала.

Дело было в августе. Я отправился собирать лекарственные травы и забрел довольно далеко. Горы были тихими и безлюдными. Неожиданно я услышал голос, монотонно проговаривающий какие-то фразы, смысла которых из-за дальности расстояния я не мог разобрать. Голос принадлежал одному человеку, который явственно разговаривал сам с собой.

Заинтересованный, я пошел в нужном направлении и, выглянув из-за деревьев, увидел полянку, по которой неторопливо бродил совершенно очаровательный дедок, словно сошедший с лубочной картинки. Дедок аккуратно ступал среди трав, выставив перед собой сучковатую палку, и, наклоняясь то к одному, то к другому растению, что-то говорил им таким ласковым и вкрадчивым голосом, словно он дружески и доверительно беседовал с любимой собакой.

Я вышел из укрытия, сухой сучок хрустнул у меня под ногой, и дедок обернулся на звук. На его ласковом морщинистом лице с густой белоснежной окладистой бородой появилась широкая приветливая улыбка.

– Здравствуй, внучек! Решил погулять в горах? – обратился ко мне он.

– Здравствуйте, дедушка! – в тон ему ответил я. – Я здесь лекарственные травы собираю. Вот услышал, как вы с растениями разговариваете, и заинтересовался, чем это вы тут занимаетесь.

– Я, внучек, тоже сюда за травами пришел, – сказал дед. – Только травы просто так рвать нельзя, так ты их силы лишаешь. У каждой травы душа есть, и эта душа может общаться с твоим

сердцем, и, если с травкой ласково поговорить, тогда она сама соглашается помочь тебе и отдает свою силу.

– Вы, наверное, целитель? – спросил я.

– Можно и так сказать, – ответил старик. – Некоторые считают, что я лечу, но на самом деле я выправляю душу человека. Конечно, обычно думают, что болеет тело, но тело болеет, лишь когда с душой что-то не в порядке. Если с травами не говорить, они лечат только тело, но если уметь разговаривать с ними, они возвращают человеку его душу.

– Я не знал этого, – заинтересованно сказал я. – Я просто собираю травы в нужное время в подходящем месте, и мне бы очень хотелось поучиться у вас разговаривать с травами и чувствовать сердцем их душу.

– Тогда иди со мной, – ласково усмехнувшись в белоснежную бороду, сказал старик.

Так я познакомился с Иваном Архипычем. Удивительный дед брал меня с собой в горы и охотно рассказывал мне о себе, о своих методах лечения и о своих пациентах.

Иван Архипыч жил под Харьковом, но большую часть времени проводил в разъездах по местам, богатым лекарственными травами. Дома он всегда оставлял адрес, по которому его можно было найти, и пациенты вынуждены были приезжать к нему то в Крым, то на Алтай, то на Урал, то в Поволжье. Конечно, для пациентов это было не слишком удобно, но слава этого знахаря была так велика, что больные послушно следовали за ним в самые отдаленные уголки Советского Союза.

В отличие от напористой матерщинницы Анфисы, Иван Архипович применял совершенно противоположную тактику, устанавливая с пациентом как можно более дружеский и душевный контакт, полностью завоевывая его доверие и расположение. Он лечил больных местными травами, заставляя их принимать активное участие в этом процессе. Взяв пациента за руку и гуляя с ним по горам, дед мягко и вкрадчиво беседовал с ним о душе растений и природы, о его собственной душе, учил его прислушиваться к себе самому, к окружающему миру и к желаниям своего сердца. Дело доходило до того, что пациент сам начинал разговаривать с травами и, ведомый за руку ласково улыбающимся дедулей, зовом собственного сердца отыскивал нужные ему травы. Чудо подобного откровения производило на больных столь ошеломляющее воздействие, что излечение наступало быстро, не столько благодаря целебным свойствам настоев, сколько энергетическому и психотерапевтическому влиянию целителя.

Хотя Иван Архипыч никогда не упоминал термины «энергия» или «мыслеобразы», говоря исключительно о душе, силе и чувствовании сердцем, мне, после обучения у Ли, было ясно, что старик формировал у пациента полезные ему мыслеобразы, усиливая их эффективность своей собственной энергетикой, «настраивая» энергию пациента на правильную циркуляцию или на специфическое воздействие на больные органы или зоны организма.

Иван Архипыч был типичным примером ведомого, и частью его лечебного метода было формирование «ведущего» у его пациентов. Хождение по горам взявшись за руки не было чистым приемом психотерапии – дед действительно учил человека прислушиваться к себе, к своей подавленной техническим прогрессом интуиции, доставшейся нам в наследство от далеких предков.

В чем-то интуитивный поиск трав напоминал лозоходство. Человек, отыскивающий воду с помощью деревянной рогульки, использует этот кусочек дерева для того, чтобы с его помощью усиливать скрытые движения тела, идеомоторные сигналы, посредством которых «ведущий» общается с лозоходцем.

Однажды в период общения с дедулей мне позвонил друг из Москвы и попросил подлечить одного своего приятеля, Геннадия, преподавателя МГУ, который как раз собирался провести отпуск в Крыму.

Я решил подкинуть нового пациента Ивану Архипычу, чтобышний раз посмотреть в действии его метод лечения.

Геннадий, не привыкший к общению со знахарями подобного рода, на первых порах чувствовал себя неловко, смущаясь от слишком доверительного и близкого контакта, который навязывал ему дед.

– Завтра мы пойдем в горы, искать травки для тебя, – сообщил Геннадию Иван Архипыч. – Но чтобы искать травки, твое сердце должно научиться чувствовать мою душу, и тогда оно сумеет ощутить душу трав и взять у них силу, которую травки захотят подарить тебе. Нам с тобой нужно будет установить особый контакт, и для этого нам придется держаться за руки с момента выхода из дома и до самого конца путешествия. Если мы разомкнем руки хоть на миг, – все пропало, все будет испорчено.

Геннадий отнесся с сомнением к подобному методу лечения, но от комментариев воздержался.

Его проблема оказалась крайне болезненной для мужского самолюбия, и, поскольку обычные врачи так и не смогли вылечить его от импотенции, похоже, что он был готов пройти через любые испытания, если существовала хоть малейшая надежда на излечение.

Я напросился сопровождать их. Дед разрешил мне присутствовать лишь при условии, что я буду молча наблюдать и ни в коем случае не вмешиваться в процесс лечения.

Мы отправились в путь рано утром. Я держался чуть в стороне от держащейся за руки, как влюбленные школьники, парочки, потешаясь про себя над смущением, которое слишком явно читалось на лице Геннадия, крупного рослого мужчины.

Мы втиснулись в автобус, спустя полчаса высадились на безлюдном месте знаменитой крымской трассы и отправились в горы. Иван Архипыч говорил, почти не замолкая, настолько убедительно объясняя, что, зачем и почему он делает, что Геннадий поддался магии его убеждения и, приспособившись к не слишком удобной для гор форме передвижения в паре, начал относиться к путешествию всерьез.

Через плечо у деда была перекинута холщовая котомка. Старик, разговаривая то с Геннадием, то с растениями, то и дело останавливался, поднимая что-то с земли, срывая очередную травку или выкапывая корешок. Все это он ловко проделывал одной рукой, упаковывая затем свою добычу в кулечки, мешочки и полиэтиленовые пакетики и складывая в котомку. Иногда он просил Геннадия помочь ему, и вскоре они наловчились быстро и слаженно проделывать нужные манипуляции.

Обед проходил также без размыкания рук. Они ели, помогая друг другу, дед правой, а Геннадий левой рукой. К вечеру пациент научился чувствовать душу трав и отобрал несколько растений, которые ему подсказало сердце.

На следующий день дед изготовил из набранных растений странного вида препараты и дал указания, как их принимать. Я попросил Геннадия держать со мной связь, и пару недель спустя он с неслышанной радостью сообщил мне, что снова стал полноценным мужчиной.

Вообще излечение пациентов Ивана Архипыча происходило на удивление быстро, но, несмотря на то что он щедро делился со мной рецептами своих снадобий, я понимал, что полностью перенять его методику было бы исключительно трудно, поскольку было очевидно, что успех лечения во многом зависел от уникальной личности и энергетики самого целителя.

Методы Ивана Архипыча по интуитивному поиску пациентом подходящих ему снадобий в чем-то напоминали мне технику интуитивного поиска лекарственных трав и интуитивного самолечения, которую показал мне Учитель. Эта техника базировалась на упражнениях укоренения и разветвления.

Непрерывные тренировки и чересчур активный образ жизни порядочно выматывали меня, несмотря на прием биологически активных препаратов и восстановительные упражнения, которые я регулярно выполнял. После одной из изнурительных тренировок в лесах Партизанского водохранилища я пожаловался Учителю, что у меня все болит, что мой организм находится на пределе, и спросил его, есть ли еще какой-либо неизвестный мне способ быстрого восстановления жизненных сил.

Ли усмехнулся.

– Есть слишком много способов, которых ты не знаешь, – сказал он. – Некоторые из них задействуют помощь ведущих. Раз уж ты так просишь, я научу тебя одному из них, включающему в себя упражнения интуитивного полета и полночного бега.

При упоминании новых, доселе неизвестных мне терминов я сразу же почувствовал прилив сил. Я уже практиковал ночной бег в темноте по пересеченной местности, обучаясь интуитивно огибать препятствия и уклоняться от стволов и ветвей деревьев, но по тону Ли я понял, что полночный бег – это нечто новое для меня.

– Знакомый блеск в твоих глазах указывает на то, что ты не так уж плох, как говоришь, – ехидно сказал Учитель. – Уже темнеет. Подождем немного до полной темноты, и тогда я объясню тебе, что ты должен будешь сделать.

Около часа я выполнял расслабляющие растяжки и массажные упражнения, беседуя с Ли на разные темы и с нетерпением ожидая наступления темноты. Наконец ночь окутала нас своим черным бархатным покровом, подсвеченным мягким светом стареющего месяца.

– Встань в центр поляны, – жестким голосом скомандовал Учитель.

Я молча повиновался.

– Начинай выполнять упражнение укоренения до тех пор, пока не почувствуешь, что неразрывно сросся с землей.

Я встал в нужную позицию со слегка согнутыми коленями, направляя энергию вниз и чувствуя, как мои ступни могучими корнями прорастают вглубь земли.

– Теперь переходи к разветвлению, – донесся до меня голос Ли.

Я максимально расслабил руки, и полусознательными-полуавтоматическими движениями начал выполнять легкие наклоны вперед. Руки, уподобляясь маятникам и почти потеряв чувствительность, безвольно болтались из стороны в сторону, постепенно наливаясь тяжестью. Энергия, стекающая к кистям, давала о себе знать покалыванием в онемевших пальцах, свидетельствовавшим о притоке энергии к кистям. Движения становились все более размашистыми, кисти рук начали интуитивно отыскивать зоны пространства, где происходило перераспределение энергии.

– Сейчас ты перейдешь к упражнению интуитивного полета, – сказал Учитель. – Привстань немного на носки, разведи в стороны плечи и сделай несколько наклонов вперед, продолжая активизировать энергию покачиванием рук. Следуя указаниям Ли я, прогнувшись в спине, принялся подпрыгивать на пятках, накапливая энергию, которая уже распирала меня изнутри, достигая почти взрывной мощи.

– Почувствуй, как сила заполняет тебя, – монотонно говорил Учитель. – Сдерживай себя до тех пор, пока сможешь, а затем отдайся внутреннему порыву силы, которая повлечет тебя в известном только ей направлении. Ты побежишь широким шагом, используя технику катящегося камушка с широко расставленными стопами, слегка повернутыми внутрь. Ты будешь равномерно дышать полной грудью, и с каждым новым вздохом твое тело будет терять тяжесть, и ты почувствуешь, что взлетаешь все выше и выше. Наконец ты станешь легким и пустым, ты будешь бежать, не чувствуя усталости, по лесу, по степи, по перелескам. Ты будешь бежать, ведомый внутренней силой до тех пор, пока она не найдет тот единственный и уникальный кусочек пространства, который необходим твоему организму для восстановления и укрепления. В этом месте сила оставит тебя, ты упадешь на землю и, возможно, уснешь, и место, где ты уснешь, восстановит твои силы и восполнит запас энергии. Проснувшись утром, ты должен будешь снова выполнить упражнение разветвления и заставить организм интуитивно выбрать те предметы вокруг тебя, которые смогут пригодиться для твоего лечения. Бери все, к чему ты почувствуешь интуитивное влечение, даже если то, что ты соберешь, покажется тебе непригодным или совершенно ненужным. Теперь почувствуй, что ты готов, и беги!

Энергия уже переполняла меня и била через край. Неконтролируемые аутодвижения наложились на прогибы туловища и движения рук, мои пятки стучали по земле все с большей силой и частотой, сознание отключалось, проваливаясь в пустоту, а затем я ощутил, как мое тело совершило спринтерский рывок, и я помчался вперед широким катящимся шагом, ничего не ощущая и почти не осознавая, что происходит. Автоматически я лавировал между деревьями, мои руки взлетали вверх и опускались, как крылья птицы, и с каждым их движением, с каждым вдохом тело становилось все более легким и невесомым.

Краем глаза я отметил, что лес кончился, на смену ему пришла степь, которую сменили холмы, а затем я снова бежал по степи. Не знаю, сколько времени я бежал. Возможно, прошло несколько часов, но я этого не осознавал. Время остановилось, менялись лишь регистрируемые уголками глаз окутанные темнотой пейзажи.

Внезапно напор энергии ослабел. Мое тело двинулось в сторону, потом снова сменило направление, совершая странные хаотические перемещения, словно слепой, пытающийся отыскать в огромном пустом зале нечто неведомое ему самому.

Наконец сила ушла из меня, как воздух из проткнутого воздушного шара, и тело мягко опустилось на землю. Я ощутил под щекой щекочущее покалывание травы и провалился в глубокий сон без сновидений.

Прежде чем открыть глаза, я почувствовал солнце на своем лице. Его лучи обжигали, как горячий компресс. Это была единственная зона, в которой сохранилась чувствительность. Мелькнула мысль: "Как странно, от меня осталось только лицо".

Некоторое время я лежал, наслаждаясь ощущением жара. Чувствительность постепенно возвращалась в тело, хотя сознание еще не прояснилось. Я слабо пошевелился, с наслаждением ощутив свои конечности, и внезапно вспомнил наказ Учителя выполнить упражнение разветвления, а затем собрать все, что привлечет мое внимание и на что укажет моя интуиция.

Так и не проснувшись до конца, я, действуя скорее по наитию, начал укореняться. Впервые в жизни, выполняя укоренение, я не стоял на земле, но я чувствовал, что это не имело значения. Я лежал на боку, и корни стали прорастать вниз из моего бедра, икры, ступней и ребер, которые касались земли. Затем я направил энергию вверх, в руки и голову, наполняясь легкостью и спокойствием.

Повинуясь внезапному импульсу, я медленно приподнялся на локте, и первое, на что упал мой взгляд, был катышек засохшего конского навоза. Я тупо смотрел на него до тех пор, пока моя рука не потянулась к нему. Какой-то странный внутренний импульс велел мне взять его с собой. Я вынул из

кармана носовой платок и завернул в него катышек.

Затем я оглянулся вокруг. Мое внимание притягивали то пучки полусохшей травы, то веточки, то камешки, то земля. Я набрал приличное количество всякой всячины и только тут сообразил, что мне некуда все это положить. Кое-что я рассовал по карманам брюк, а остальное завернул в рубашку, засыпав землю в отделенную узлами часть ее рукава.

Я встал, окидывая взглядом местность, в которой оказался и пытаюсь сориентироваться. В одном из направлений я увидел дорогу и направился к ней в надежде поймать попутку и добраться до Симферополя.

Глава 7

С техникой большого дыхания инь я познакомился благодаря травме колена, полученной в потасовке с татарами на автовокзале в Белогорске. Мы со Славиком ожидали автобуса, и я даже не понял, из-за чего началась дикая и жестокая драка, но неожиданно мы оказались в центре баталии, достойной салунов Дикого Запада. Нам пришлось потрудиться, чтобы выбраться оттуда целыми и невредимыми, но тут появилась милиция, и, не желая провести ночь в камере предварительного заключения, мы помчались прочь со всех ног. Несмотря на то что Славик сам был милиционером, участвовать в подобных мероприятиях, даже помимо его желания, было делом весьма предосудительным, да и меня запросто могли исключить из института за пусть и невольное участие в подобной разборке.

Убегая от милиции, я споткнулся и упал на колено. К несчастью, острый камушек пришелся как раз под коленную чашечку, но, что было особенно неприятно, он вонзился как раз в то место, которое я травмировал пару месяцев назад.

Некоторые люди верят в теорию парных случаев, некоторые отрицают возможность свойственных ей особых совпадений. Лично я не раз убеждался на практике, что теория парных случаев имеет под собой реальные, хотя и непонятные мне основания. Я замечал, что если на тренировке кто-то получил травму, то вскоре еще один ученик оказывался пострадавшим, а если кто-то травмировал какую-то часть тела, то существовала значительная вероятность того, что вскоре он снова травмирует то же место.

Со свойственным мне энтузиазмом я увлекся коллекционированием историй о парных случаях, и то, что я узнал, было действительно удивительным, поскольку иногда происходили совпадения столь маловероятные, что они казались попросту невозможными.

Одна из историй была о горнолыжнике, который во время спуска столкнулся с другим спортсменом, и острый кант лыжи практически полностью отрезал ему ухо. Оно болталось лишь на крошечной полоске кожи.

Лыжника доставили в больницу, и его появление там вызвало небывалый энтузиазм у дежурного хирурга. Выяснилось, что этот хирург был горячим сторонником теории парных случаев. Скептически настроенные коллеги подшучивали над ним по этому поводу, но врач оставался тверд в своих убеждениях. Оказалось, что в тот же самый день в больницу попал другой пациент с отрезанным ухом, и, поскольку ничего подобного не случалось в течение многих лет, врачи снова принялись смеяться над своим коллегой, говоря, что если теория парных случаев действительно существует, то вскоре должен появиться еще один пациент с отрезанным ухом. И тут как раз привозят пострадавшего лыжника.

Счастье хирурга было столь безмерно, что, хотя ухо находилось в очень плохом состоянии и, скорее, подлежало окончательной ампутации, он тщательнейшим образом пришил его и ухо прижилось.

Моими слабыми местами были правая рука и левая нога. Не знаю почему, но с этими конечностями точно в соответствии с теорией парных случаев постоянно что-либо случалось.

Однажды я спросил у Ли, верит ли он в теорию парных случаев.

– Вера всегда предполагает наличие сомнения, – сказал Учитель. – Вера нужна невежественным людям, потому что она заменяет им свет знания и дает надежду в случае, когда разум бессилен им помочь. Спокойные не ищут опоры невежества в слепой вере. Они знают некие вещи, и они находят подтверждения этому знанию. Мне не нужно верить в теорию парных случаев, поскольку я знаю, что окружающий мир склонен к созданию совпадений. Можно сказать, что судьба обладает особым чувством юмора, и это чувство юмора проявляется в случайностях, совпадениях и том, что люди иногда называют чудесами.

– Но если ты даос, ты должен верить в существование Дао, – сказал я. – Существование Дао

также, как и существование Бога, невозможно доказать или опровергнуть.

– Существование Дао не нужно доказывать или опровергать, – возразил Ли. – Дао нужно чувствовать внутри и вне себя. Дао просто существует и присутствует во всем, поэтому его невозможно определить или какого назвать. Это не бог, это некое универсальное присутствие. Это твой внутренний мир и мир вокруг тебя. Ты же не станешь спорить о том, существуешь ли ты сам и существует ли окружающий мир. Конечно, встречаются люди, которые из духа противоречия или из желания показать себя умнее других оспаривают реальность окружающего мира, но это особая статья.

В случае же, например, христианского бога, существует множество вещей, которые кажутся абсурдными рассудку и которые поэтому нужно принимать на веру. Это и рождение Христа от девственницы, и то, что бог-отец убил своего собственного сына, чтобы искупить людские грехи, и то, что Христос вознесся на небо, и множество других странных вещей. Именно поэтому христианскую веру приходилось насаждать огнем и мечом или в более мягкой форме – в виде промывания мозгов миссионерами. Инквизиция заставляла людей верить силой страха, сжигая на кострах еретиков, и в конце концов люди автоматически начали верить в то, что им говорят, не задумываясь и не задавая себе лишних вопросов, просто потому, что религия была главной идеологией общества.

– Ладно, бог с ней, с верой, – нетерпеливо сказал я. – Лучше расскажи мне, как даосы объясняют существование особо удивительных случайностей и парных случаев.

– Это можно было бы объяснить словами, но слова могут дать тебе лишь некое представление, но не подлинное знание, – сказал Учитель. – Для того чтобы ты действительно понял механизмы действия судьбы, ты должен будешь научиться до некоторой степени управлять судьбой, сознательно влияя на появление чудесных случайностей и совпадений.

Существует теория проявлений Дао – дыхания Дэ, которая касается общих тенденций мира, общего каркаса мироздания, осознания того, откуда что происходит и что из чего берется. Брызги Дао – это формы дыхания Дэ. Теория парных случаев относится к брызгам Дао. Не торопись, когда-нибудь ты познаешь и эти закономерности, но для этого тебе надо будет вплотную подойти к управлению двойниками. Лишь тогда, когда твоя внутренняя сила достаточно разовьется, ты научишься воспринимать посредством чувств незакономерные закономерности этого мира.

– А что такое "дыхание Дэ"? – спросил я, взволнованный странным ощущением расширения сознания, вызванным во мне словами Учителя.

– Дэ – это формы проявления Дао, – ответил Ли. – Поэтому иногда проявления Дао называются дыханием Дэ. Некоторые люди обладают свойством притягивать проявления Дао. Иногда они притягивают плохое, а иногда хорошее. Кому-то часто везет в лотерее, а в кого-то регулярно попадают молнии. Ты сам наверняка не раз сталкивался с подобными случаями.

– А ведь это действительно удивительно, – оживился я. – Я читал, уже не помню в каком журнале, о человеке, всех близких родственников которого убили молнии. В него молнии тоже ударяли несколько раз, но ему каким-то чудом удалось выжить. Когда слышишь о подобных случаях, действительно можно подумать о карающем провидении или божественном наказании.

– Есть разные способы называть ту часть человека, что притягивает брызги Дао, – сказал Учитель. – Это некие энергетические образования, обладающие собственной волей, своеобразной формой личного сознания. Их можно называть внутренней силой, сущностями, ведущими, демоном или тенью. Внутренняя сила – это наиболее общее понятие, но на самом деле она подразделяется на несколько самостоятельных структур, о которых на этом этапе твоего ученичества пока рано говорить.

Внутренняя сила и активность внутренних сущностей зависят от уровня энергии человека. Именно поэтому странные совпадения и чудесные случайности наиболее часто наблюдаются в обществе, которое проходит через период кризиса. С наибольшей частотой они происходят во время войны, когда люди буквально балансируют на грани жизни и смерти. Можно сказать, что внутренняя сила имеет тенденцию к проявлению лишь в том случае, когда это необходимо. Поэтому когда жизнь людей спокойна и устойчива, когда они без печали вспоминают свое прошлое и без страха смотрят в будущее, с ними редко случаются удивительные вещи.

Я уже говорил тебе, что наиболее мощными стимулами для приведения в действие и активизации энергии являются страх и сексуальное влечение.

Маги и колдуны прекрасно знали об этом, и они специально ставили себя в такие условия, когда их энергия буквально вскипала под действием страха или сексуального желания. Отсюда исходят все жуткие ритуалы вызывания дьявола или поклонения ему, использование обнаженного человеческого тела, сексуальные оргии садистского толка, принесение кровавых жертв, в том числе человеческих.

Кровь, страдание, напряжение, тьма – все это ассоциируется со страшным и ужасным, и поэто-

му магические ритуалы помогают входить во взаимодействие с некоторыми брызгами Дао. Активизация сексуальной энергии под действием страха – это одна из причин, по которой детям нравится рассказывать друг другу по вечерам страшные истории. По той же причине взрослые испытывают влечение к фильмам и книгам, вызывающим леденящую душу дрожь ужаса, смешанную со сладостным ощущением собственной защищенности и безопасности.

Вся твоя семья обладает уникальным свойством ведомости, и это свойство по наследству перешло и тебе. Вспомни, как брат твоей матери, с которым она не виделась несколько лет и о местонахождении которого она ничего не знала, наткнулся на нее в пустыне, когда она умирала, закопанная в песок. Это совпадение поистине можно назвать чудом. Только представь, какая мощная сила управляла ее судьбой, если она в последний момент привела к ней родного брата! То же самое многократно происходило с твоим отцом во время войны – волшебные случайности, которые неизменно спасали его жизнь. Ты тоже обладаешь свойством притягивать удачу, но, поскольку твоя жизнь гораздо более спокойна и безопасна, чем жизнь твоих родителей, твои удачи менее эффектны и значимы. Иногда мне приходится искусственно подзаводить тебя для того, чтобы твоя внутренняя сила начала действовать и ты на собственном опыте убедился в ее существовании.

Феномен ведомости очень меня заинтересовал, и я стал присматриваться к своим знакомым, которые верили в удачу или с которыми часто происходили странные совпадения. Я убедился, что некоторые люди интуитивно постигают свою «ведомость», и на том же интуитивном уровне отыскивают способы взаимодействия с судьбой, как и говорил Учитель, обычно связанные со страхом, опасностью или сексом.

Так, один мой приятель, исключительно обаятельный и занятный человек считал, что для того, чтобы день принес ему удачу, его нужно непременно начать с бодрящего секса. Особенно его возбуждал вид изысканного женского белья, преимущественно красного цвета. Гена искусно и азартно водил машину, и имел обыкновение на извилистых горных серпантинах Крыма беспечно класть босые ноги на панель управления или упираться ими в лобовое стекло. Приняв эту позу, он блаженно расслаблялся, опуская ноги на педали лишь в последний момент перед очередным поворотом. К сожалению, я не обладал подобным хладнокровием.

– Зачем ты так рискуешь? – спросил я однажды, с нехорошим предчувствием созерцая босые ноги на лобовом стекле.

Мне уже не раз доводилось попадать в автомобильные аварии, и подобное гусарство не вызывало у меня энтузиазма.

– В любой момент из-за поворота может вылететь встречная машина, и ты не успеешь среагировать.

– Не трусь, все будет в порядке, – бодро заверил меня Гена. – Я сам не люблю рисковать, и я совершенно точно знаю, что с нами ничего не случится.

– Мне бы твою уверенность! – с сомнением заметил я. – Интересно, откуда ты это знаешь?

– Все уже многократно проверено, – объяснил Гена. – Для того чтобы мне сопутствовала удача, я должен с утра поиметь хорошую порцию секса, и тогда все складывается наилучшим образом. Если же я не трахаюсь поутру, я хожу как в воду опущенный и все буквально валится у меня из рук. Это удивительно, но, когда я веду машину после секса, у меня появляется ощущение, что что-то буквально вселяется в меня, нечто, что автоматически управляет мной. Меня охватывает удивительное ощущение уверенности в себе, уверенности в том, что я полностью контролирую ситуацию и что, пока со мной пребывает эта сила, мое тело действует наилучшим образом и со мной ничего не может произойти.

"Типичный феномен ведомости", – подумал я, но предпочел не обсуждать эту тему.

Насколько мне известно, удача его пока не подвела и он до сих пор пребывает в добром здравии. Однако мне хотелось бы предостеречь тех, кто, испытывая подобные переживания, имеет склонность, полагаясь на удачу, подвергать себя ненужному риску. Подлинная ведомость проявляется в оправданных обстоятельствами ситуациях, но, если человек без специальной подготовки начинает намеренно эксплуатировать феномен ведомости, есть вероятность того, что ведомость может обратиться против него и он может серьезно пострадать. Но это тема другого разговора.

Я, как обычно, слишком увлекся воспоминаниями. Пришла пора вернуться к нашим баранам, то есть к тому моменту, как я получил травму колена после потасовки с татарами.

Травма мешала мне тренироваться, и я всерьез занялся ее лечением. Я пил настои, рекомендованные мне Учителем, использовал компрессы и накладывал из белой глины, смешанной с лекарственным составом, я разминал и массажировал колено, но выздоровление подвигалось слишком медленно.

Памятуя о том, что любое препятствие, любую болезнь воин жизни использует как упражнение,

как очередную крошечную ступень на пути к совершенству, я подошел к лечению колена творчески и на всю катушку использовал работу с энергией имыслеобразами. Я дышал через пораженную зону, выполнял медитации, использовал бесконтактные методы воздействия, но гниловатый стерженек болезни, подобно занозе, застрял где-то в глубине, не давая чувства стопроцентной уверенности, что колено сможет выдержать значительные нагрузки.

В конце концов Ли сделал мне замечание, что из-за недолеченной травмы я не могу тренироваться в полную силу.

– Я делаю все, что могу, – виновато сказал я. – Похоже, я уже все перепробовал.

– Пока еще не все, – усмехнулся Учитель. – Ты еще не использовал большое дыхание инь.

– Что это такое? – спросил я, заинтересованный новым термином.

– Тебе это понравится, – выразительно причмокнул Ли. – Большое дыхание инь применяется в хронических случаях, подобных твоему. Оно заключается в том, что болезнь особым образом вытягивается из тебя половым органом партнерши.

– Типичный случай совмещения приятного с полезным, – воодушевился я. – Ты мне объяснишь, что я должен делать?

– Сколько энтузиазма, – укоризненно покачал головой Учитель. – Не верится, что я и сам когда-то был таким.

– Против природы не попрешь, – с легким смущением отозвался я. – Ты же сам говоришь, что сексуальное влечение – один из самых мощных стимулов активизации энергии. Вряд ли тебя удивляет, что после обучения у Лин мысль о том, что меня будут лечить при помощи женского влагалища, кажется мне весьма привлекательной.

– Кстати о Лин, – неожиданно вспомнил я. – Я хотел спросить у тебя одну вещь. Во время, где мы занимаемся, в последний раз она занавесила зеркало полотенцем. Я хотел узнать, зачем она это сделала, но так и не получил ответа. Я знаю, что она ничего не делает без особого подтекста. Обычно зеркало занавешивают, когда в доме есть покойник, но я точно знаю, что никто из ее близких не умирал, и, по правде говоря, меня мучает любопытство.

– Придется тебе еще помучиться, – насмешливо сказал Учитель. – И не отвлекайся на пустяки, у тебя есть занятия поважнее (впоследствии мне удалось узнать, что зеркало занавешивают при отработке исключительно интересной техники выделения видимых двойников, но подробнее об этом будет рассказано в книге "Обучение чувствами").

– Я уже не раз упоминал, что даосы – великие обманщики природы, – продолжил Ли. – Используя тот факт, что мир познается нами через чувственное восприятие, они ставят все с ног на голову, осуществляя в своих ощущениях то, что в действительности невозможно осуществить. Таким образом нереальное они делают реальным. Дыхание ци – один из подобных трюков. Все прекрасно знают, что легкие расположены в грудной клетке и что вдохнуть через пятку, через локоть или через живот попросту невозможно, поскольку там нет легких.

Однако даос, немного потренировавшись и подключив к работе соответствующие мыслеобразы, может с полной уверенностью, данной ему в ощущениях, дышать любой частью своего тела, более того, он может дышать через участок пространства, находящийся вне его тела, через другое живое существо или даже через неодушевленный предмет, оживляя его своим дыханием.

Одним из основных инструментов освоения упражнений дыхания ци является техника пульсов, которая получает развитие в трансформации базовых ощущений посредством мыслеобразов. Так, тепло можно превратить в свет, свет – в цвет, цвет можно обратить в образ, ударную волну можно облечь в тяжесть пульсации, а тяжесть трансформировать в форму, с помощью которой можно воздействовать на себя самого, на одушевленный или на неодушевленный предмет. Впрочем, об этом ты и так прекрасно знаешь.

Большое дыхание инь выполняется вместе с партнершей. Вы должны принять позу, при которой женщина восседает на тебе таким образом, чтобы ее половой орган как можно плотнее соприкасался с больной зоной. Необходимо так синхронизировать ваше дыхание, чтобы энергия выдоха женщины направлялась вниз от точки бай-хуэй через ее половые органы в твоё колено, перемещаясь из него в точку юнь-цюань на стопе, затем на вдохе энергия проводится вверх в обратном порядке, первоначально проходя по стопе до точки, находящейся под пяткой точно посередине на границе перехода пятки в стопу, и снова идет вверх через колено и половые органы к макушке партнерши. Потом задействуется управление пульсами и некоторые другие техники. Большое дыхание инь осуществляется и регулируется через мыслеобразы и является одной из разновидностей дыхания ци.

Технику пульсов я в то время отрабатывал с особой тщательностью, в первую очередь потому, что она открывала двери к формированию чувственных и нечувственных двойников, а эта тема, воз-

можно в силу своей неординарности, вызывала у меня особый интерес.

Я научился делать из пульса целебную мазь. Сформировав несколько независимых пульсов, а затем слив их воедино, в большую и мощную пульсацию, я мог модернизировать ее в волшебную пульсирующую жидкость нужного мне цвета и вязкости, которой при лечении я вымазывал больную зону, сопровождая эти манипуляции представлением проникновения лечебной субстанции вглубь организма.

В моей целительской практике я также широко применял технику управления пульсами, насыщая ими снадобья, накладывая их на больную зону пациента или даже используя их в лечении на расстоянии. К моему собственному удивлению, лечение с помощью пульсов оказывалось удивительно эффективным, хотя для меня всегда оставался открытым вопрос, что помогало в большей мере – вера пациента в целителя или воздействие мыслеобразов на больного.

– Какие новые техники ты имеешь в виду? – спросил я.

– Я не сказал новые, я сказал – другие, – поправил меня Ли. – Это уже известная тебе техника расширения сознания, но осуществляющаяся на более высоком уровне. Я имею в виду формирование внутренних стражей.

Внутреннего стража Учитель определял как некое мета-состояние, выражающееся в специфических внутренних ощущениях, как некую самостоятельную внутреннюю сущность, управляющую процессами, протекающими в организме. Это сущность, помогающая эффективно удерживать внимание на нужных объектах и процессах.

Использование нескольких внутренних стражей позволяло осуществлять и контролировать несколько процессов, одновременно протекающих в организме.

– Чтобы вылечить твое колено, – продолжил Учитель, – ты должен параллельно запустить в нем несколько процессов дыхания и ощущений. Один страж должен будет контролировать дыхание через колено, второй страж сосредоточит внимание на сексуальности твоей партнерши, на ощущениях, идущих от нее как от женщины и как от сексуального объекта. Второй страж должен регистрировать вес ее тела на твоём колене, ощущение влажности ее влагалища, тепло, идущее от нее, и так далее.

Третий страж будет постепенно сосредоточиваться на прочувствовании объема колена, на том, каким образом организм будет отвечать на раздражение болезненной зоны.

При правильном выполнении большого дыхания инь болезнь начнет активизироваться, все сильнее проявляя себя болью, нытьем, пульсацией в колене или какими-то иными ощущениями. Третий страж поможет тебе усиливать эти ощущения. Ты сможешь или раздувать возникающие ощущения вместе с нарастанием пульсации, как ветер раздувает едва теплящийся огонек костра, либо, если пульсация не возникнет самопроизвольно, ты сам должен будешь вызвать пульс в болезненной зоне. Задавая этому пульсу нужные тебе характеристики, ты сможешь направлять весь процесс в нужную сторону. Здесь тебе придется полагаться на интуицию, организм сам подскажет тебе, что ему нужно.

Наиболее традиционная в лечении схема – это чередование жара и холода. Начни разогревать колено всеми возможными способами – и с помощью пульсов, и с помощью тела партнерши, и с помощью потока оргазмических ощущений, идущих от нее. При этом у партнерши часто возникает ощущение энергетической спирали, идущей от половых органов вверх через середину тела к голове. При желании твоя партнерша сможет использовать эту спираль для активизации зон тела, в которых наблюдается энергетический застой. Это в первую очередь область яичников. Для активизации нужных зон от основной спирали с помощью мыслеобразов можно отпочковывать небольшие дополнительные спиральки. Но в данном случае это не обязательно.

Когда ты почувствуешь, что колено уже насытилось жаром, добавь в проходящее через него дыхание инь приятную прохладную струйку, а заодно добавь прохладную составляющую в оргазмические ощущения, посылаемые от зоны копчика и идущие через тазобедренный сустав. Дополнительно ты можешь вызвать местную прохладную пульсацию в колене. Впрочем, можно обойтись и без пульсации. Если тебе так удобнее, ты можешь использовать чистые мыслеобразы холода или тепла.

После того как ты вызовешь в разогретом колене приятную прохладу, снова разогрей его. Процессы разогревания и охлаждения чередуются несколько раз. Направь внутренний взор одного из стражей на холодную или горячую энергию в болезненной зоне. Заставь стража мягко размазывать прохладу внутри болезненной зоны, как бы проглаживая, массируя ее изнутри, успокаивая ее. Сменяющиеся циклы разогревания и охлаждения завершаются созданием наиболее приятного для тебя потока оргазмических ощущений с добавлением в него, в зависимости от потребностей твоего организма, тепла или прохлады.

Задачей еще одного стража станет запоминание всех ощущений, идущих от партнерши: ее тяжести, мягкости ее кожи, влажности ее тела, исходящих от нее оргазмических ощущений. Весь конгломерат передаваемой от нее информации тебе нужно будет перевести в другую, здоровую ногу. Это дополнительное воздействие на организм поможет восстановить гармоничный энергетический баланс. Кроме того, память четвертого стража поможет тебе всегда повторить процесс лечения большим дыханием инь по памяти даже в отсутствие партнерши.

В качестве дополнения к лечению ты сможешь впоследствии использовать как обычный или точечный массаж с фиксацией давления на продолжительное время, так и внутренний массаж колена "энергетическими руками", представляя мягкие женские руки, изнутри проглаживающие и разминающие болезненную зону.

Я сел на автобус, прикидывая, какая из моих возлюбленных свободна этим вечером, чтобы опробовать с ней новый метод лечения. Наиболее подходящей кандидатурой мне показалась Лена, та самая девушка, которую когда-то Учитель совершенно точно описал, демонстрируя мне технику "рассказа по наитию". Ли тогда определил ее как "дылду круглолицую", и я вынужден был признать, что он попал в точку.³ В данный момент "дылда круглолицая" находилась под надзором «цербера» – двоюродной сестры, которая временно проживала в ее квартире.

Родители Лены относились ко мне по-разному. С ее отцом мы испытывали взаимную симпатию, но мать моей подружки была твердо убеждена в том, что ее дочь достойна лучшей доли, чем студент сельхозинститута, не имеющий ни собственной квартиры, ни далеко идущих честолюбивых планов. И хотя мать, в силу того что дочь была уже более чем совершеннолетняя, не могла помешать нашей страстной любви, она делала все от нее зависящее, лишь бы отравить нам существование и добиться того, чтобы мы наконец расстались.

Пару недель назад родители "дылды круглолицей" уехали в отпуск, и ее мать поселила в своей комнате двоюродную сестру, взяв с нее торжественную клятву, что, если я вдруг появлюсь, она не пустит меня на порог или, в крайнем случае, будет неотлучно находиться при сестренке, лишая нас возможности совершить нечто предосудительное и противное нормам морали.

Двоюродная сестра, стержневостью характера во многом напоминающая тетку, с легкостью дала необдуманное обещание неуклонно блюсти Ленину нравственность. Но даже церберы имеют свои слабые пункты, и двоюродная сестренка, неожиданно влюбившись, сама стала приводить в дом хахалю, предаваясь безудержному разврату на широкой постели Леночкиных родителей. Поскольку подобная вольность вполне могла стать предметом для шантажа, церберу пришлось, скрепя сердце, закрыть глаза на наше недостойное поведение.

Дверь мне открыл цербер.

– Лена, это к тебе, – процедила сквозь зубы двоюродная сестренка, окинув меня презрительным взглядом.

Дверь одной из комнат приоткрылась, и оттуда выглянула моя "дылда круглолицая". Цербер, фыркнув, как раздраженная кошка, гордо удалился в родительскую спальню.

Лена выплыла из комнаты, приплясывая от удовольствия. Ее танец был неосознанным и спонтанным, она переминалась с ноги на ногу, и в грациозных движениях ее крупного, по-украински щедрого тела угадывались нетерпение и стеснительность, желание заключить меня в объятия и потребность «насмотреться» на меня, отпечатывая в памяти этот очередной незабвенный момент встречи.

Лена была типичной женщиной земли⁴, доброй и ласковой, щедрой и домовитой. Любовно приготовленный ею украинский борщ и нежное обращение «родной» навсегда приковали к ней мои чувства, и я до сих пор с огромной теплотой и нежностью вспоминаю о своей "дылде круглолицей".

– Цербер сейчас с хахалем, – хихикнув, сообщила мне Лена, – так что нам никто не мешает.

Она бросилась мне на шею, и бурная оргия страсти, свидетельство моего несомненного растлевающего влияния, началась еще в прихожей.

– Пойдем в ванну, – шепнула мне Лена, снимая с меня куртку.

До ванной мы добирались, не разжимая объятий, раздеваясь на ходу и бросая одежду прямо на пол. Процесс обмывания напоминал скорее страстную любовную сцену, чем мытье под душем, но в конце концов мы вроде бы что-то вымыли, и конец этой затянувшейся процедуры Лена отметила,

³ Техника рассказа по наитию была описана в книге "Тайное учение даосских воинов".

⁴ Тип личности согласно одной из даосских классификаций, описанной в третьем томе этой серии – "Обучение женщиной".

положив мой пенис себе на ладонку и нежно поцеловав его. Это вызвало во мне волну теплых чувств скорее сентиментального плана, чем сексуального, и я в который раз подумал, что каждая женщина хороша по-своему и ласки каждой из них удивительны и неповторимы.

Утолив первые порывы чувств, мы наконец немного успокоились, и я, воспользовавшись моментом затишья, рассказал Лене о своей проблеме с коленом и попросил помочь мне, выполнив совместно большое дыхание инь.

– Конечно, родной, – с готовностью откликнулась Лена. – Объясни мне только, что я должна делать.

Я потратил несколько минут, объясняя ей суть лечения, и мы перешли к действиям прямо в ванне, обласкивая друг друга и одновременно добиваясь полной синхронизации дыхания. Потом я разгорячил свою возлюбленную упражнением королевского седла, обласкивая бедром ее промежность. Убедившись, что ее возбуждение достигло нужного уровня, я сел на край ванны, встав здоровой ногой на кафельный пол, и усадил ее на больную конечность таким образом, что ее мягкие, влажные и теплые гениталии расположились как раз над поврежденным коленом.

Я синхронизировал наши действия короткими тихими просьбами, и вскоре энергия начала циркулировать вдоль наших тел в точности таким образом, как объяснял мне Учитель. Был момент, когда мне показалось, что наши тела слились в единое целое и живительные токи дыхания ци раскалили мое колено.

Как обычно бывает в подобных случаях, выздоровление пришло внезапно и неожиданно, вызывая трепетный восторг перед таинством неизвестного и в то же время легкую досаду от удивительной простоты происходящего. Момент излечения походил на чмокающе-всасывающий поцелуй нежного вампира. Я почувствовал, как влагалище моей возлюбленной с неодолимой силой втянуло в себя раздражающий стержень болезненной энергии, сам корень болезни. Другая аналогия, пришедшая мне на ум, была связана с тем, как терзаемый жаждой человек высасывает последний глоток молока из большой и тяжелой глиняной кружки.

В момент излечения по телу Лены прокатилась небольшая волна, и она, видимо почувствовав то же, что и я, радостно обернулась ко мне со словами:

– Я ведь сделала это? Я это почувствовала. У меня получилось? Ты выздоровел?

– Да, моя милая, – сказал я, и наши губы встретились.

Глава 8

– Мой Учитель не садюга, мой Учитель не садюга, не садюга он, – повторял я про себя, поднимаясь и снова плюхаясь на землю, перекатываясь и вскакивая, чтобы вновь упасть.

Я страдал на хорошо вытопанной полянке, скрытой в дебрях крымского леса, окружающего Партизанское водохранилище.

По своей форме упражнение напоминало мне наказание придирчивым сержантом провинившегося солдата, но суть его была совсем иной. Я был уже и без того достаточно вымотан предыдущей интенсивной двухчасовой тренировкой и предвкушал отдых и душевную беседу с Учителем, когда Ли велел мне падать на землю и вновь подниматься всеми возможными способами, осуществляя в то же время бой с тенью.

Я падал и поднимался по моим прикидкам уже около сорока минут, и по поведению Учителя не было заметно, что в ближайшее время он собирается прекратить эту попытку.

– Ты должен четко определить для себя разницу между работой под принуждением и работой в удовольствие, – объяснил мне однажды Ли в момент, когда я уже не чувствовал в себе сил выполнять очередное изматывающее упражнение. – Ты учишься потому, что процесс обучения доставляет тебе удовольствие, хотя от этого удовольствия иногда и хочется скрежетать зубами. Даосы научились получать наслаждение от предметов, действий и явлений, которые, как правило, не доставляют удовольствия обычному человеку. Одним из подобных действий является самосовершенствование. Слово "самосовершенствование" звучит очень заманчиво для европейского уха, но путь истинного самосовершенствования долог и труден, и мало кому под силу двигаться по этому пути. Чтобы избежать ощущения неудобства или страданий европейцы изобрели способ облегчить себе жизнь, и они начали называть самосовершенствованием некие действия, которые не были слишком трудны или мучительны для них, действия, которые удовлетворяли их жажды деятельности, преодоления препятствий, признания или какие-то иные жажды.

Даосы, как и все прочие человеческие существа, тоже имели естественную склонность избегать излишнего напряжения и страданий, но они пошли другим путем и отыскивали свой собственный

трюк, позволяющий им превратить тернистый путь самосовершенствования в удовольствие. С помощью учения "Вкус плода с дерева жизни" Спокойные обретают способность получать наслаждение от всех типов деятельности, от всех проявлений внешнего мира.

Я изо всех сил старался получать удовольствие от упражнения, но мои силы были почти на исходе. Некоторое разнообразие в мои мучения вносила возможность варьировать способы вскакивания с земли и последующего приземления. Я то припадал к почве, мягко опираясь на конечности, то ударялся о нее в падении всем телом, то перекачивался и готовился к отражению атаки или атаковал, переходя из верхнего уровня в нижний.

Ли определил задачу этого упражнения как развитие способности четко представлять себе картину перехода с одного уровня на другой, одновременно окружая себя воображаемыми противниками, вооруженными кто чем – от вил и лопат до кастетов и кинжалов.

Падая и поднимаясь, я отражал атаки ставших для меня почти реальными врагов и контратаковал их, но, положив руку на сердце, я вынужден был признать, что ж уже достиг той фазы, когда полностью исчезает даже мысль о возможности получать удовольствие от занятий и почти полностью утрачивается способность наблюдать внутренним взором за явлениями, проистекающими внутри измученного организма. Я был утомлен настолько, что мне с трудом удавались казалось бы простейшие движения, но все же я, уже почти отключившись, пока находил в себе силы вновь и вновь бросать то вверх, то вниз свое большое тяжелое тело.

Я подумал о том, как легко может довести человеческий организм до полного опустошения многократно повторяющееся действие. Пару недель назад меня довело почти до безумия упражнение "посох слепца", которое я должен был выполнять в течение долгих часов. Учитель заставил меня в быстром темпе вздергивать ногу вверх, а затем ставить ее на носок перед собой, сочетая это движение со специфическими движениями руками. Таким образом я нарабатывал привычку отражения атаки руками и ногами в нижнем и среднем уровнях. Я понимал, что именно группа подобных простых в своей основе навыков и составляет каркас механизма боя, обеспечивая физическую поддержку несложным техническим приемам. Лишь за счет изнурительных и повторяющихся движений удастся выработать доведенное до автоматизма умение отбивать атаки противника, контратаковать, быстро и пластично передвигаться и вовремя изготавливаться к той или иной форме защиты.

Не знаю, что нашло на Учителя, но он вдруг ни с того ни с сего решил проявить невиданный гуманизм и облегчить мне жизнь, заменив одно упражнение другим. То ли день был действительно хорош, то ли ласковое осеннее солнышко по особому пригрело щедрую крымскую землю, то ли шевельнулись у него в душе теплые чувства – не знаю, но мой тяжкий приговор был заменен на более мягкую форму то ли удовольствия, то ли наказания.

Я стал выполнять упражнения "играющего тигренка", или "играющего тигра", описанные в книге "Формы Шоу-Дао". Задача упражнения заключалась в том, чтобы научиться быстро восстанавливать свой организм после разного рода пагубных воздействий, которые могли иметь место во время схватки, вроде удара в пах или удушения с воздействием на сонную артерию. Славик, мой напарник, к сожалению, не всегда мог присутствовать на тренировках, поскольку работа в милиции не оставляла ему слишком много свободного времени. Из-за его отсутствия я был вынужден отрабатывать движения "играющего тигренка" на воздухе. К счастью, для выполнения этих тао не было особой необходимости в присутствии партнера, поскольку основные движения производились на самом исполнителе. Так, например, форма "тигенок выплевывает кость" заключалась в том, чтобы со всей силы ударить себя кулаками в область спины напротив солнечного сплетения, ухитрившись не повредить при этом позвоночник. В результате дыхание, якобы сбитое ударом противника в солнечное сплетение, должно было бы восстановиться.

Я выполнял один за другим приемы "играющего тигренка", испытывая смутное чувство радости оттого, что предыдущее упражнение наконец закончилось. Затем я понял, что внутри меня зарождается еще не до конца определившийся вопрос, и это обстоятельство подействовало на меня ободряюще. Я ощутил, что пока еще я не замучен настолько, чтобы окончательно потерять способность думать, и что мой интерес к Шоу-Дао не угас под давлением отрицательных эмоций, вызываемых тяжелыми физическими нагрузками.

Я сделал жест, дающий знать Учителю, что мне бы хотелось получить ответ на вопрос, и задрал вверх левую руку, что означало, что мой вопрос – теоретический, требующий словесного пояснения и не связанный с физическим показом приемов.

Благосклонным жестом Ли позволил мне задать вопрос, и я, утомленный слишком продолжительным молчанием, воспользовался полученной возможностью и тут же затараторил так быстро, что язык с трудом выговаривал слова, выскальзывающие из меня одно за другим. Я надеялся, что на-

пор моей словесной атаки не даст возможности Учителю уклониться от ответа.

Суть моего вопроса сводилась к тому, чтобы побольше узнать о приемах восстановления бойца после получения различных увечий или травм, как справиться с ситуациями, осложненными остановкой дыхания и т. д.

Не знаю, в честь чего, но Учитель решил побаловать меня. Он сделал знак, приглашающий меня после необходимой кратковременной заминки движений присесть на землю рядом с ним и расслабиться в предвкушении радостного мгновения, когда свет новых знаний прольется на мои затуманенные усталостью мозги.

Я удобно устроился под деревом на сложенной пополам куртке и приготовился слушать.

– Я не совсем понял, что именно тебя интересует, – сказал Учитель. – Мы уже не раз обсуждали с тобой тему реанимационных техник.

– Действительно, я знаю уже достаточно методов восстановления после ударов или удушающих приемов, – подтвердил я, – но мне бы очень хотелось узнать что-то особенное, о чем знают лишь единицы.

Ли усмехнулся.

– Известные тебе приемы восстановления и так знают единицы, – возразил он. – Ведь даже правильно выполнить искусственное дыхание сможет далеко не каждый специалист.

Учитель хитро взглянул на меня.

– Пожалуй, стоит заварить чайку, – нарочито безразличным голосом сказал он.

Ли шмыгнул в кусты, где в мешке хранилась замаскированная от постороннего взора наша кухонная утварь. Учитель настаивал, что мы должны уметь в случае необходимости мгновенно оставить полянку, забрав с собой или замаскировав все свои вещи, так, чтобы ни у кого не зародилась даже мысль, что здесь недавно кто-то был.

Я уже научился чувствовать настроение Ли, и понимал, что он поддразнивает меня, так что я решил "добить противника в Берлине" и не отставать от него.

– Почти все известные мне способы реанимации так или иначе связаны с манипуляциями на теле человека, – сказал я. – Но ведь наверняка существуют какие-то энергетические, бесконтактные способы восстановления. Ты не мог бы рассказать мне о них?

– И ты даже не хочешь дождаться Славика? – ехидно спросил Учитель, проламываясь сквозь густую чащу кустов, как медведь через малинник. – Тебе не стыдно лишать своего напарника столь полезных знаний?

Я вертелся на месте, стараясь уследить за его передвижениями.

– Неужели ничего нельзя показать без Славика? – разочарованно спросил я. – Еще неизвестно, когда он появится. Я потом ему все расскажу.

– То есть я должен объяснить тебе все прямо сейчас и немедленно, не успев даже попить чайку? – продолжал издеваться Ли.

– В общем-то да, – чересчур эмоционально воскликнул я.

Несколько минут мы продолжали беседовать в том же духе, пока Учитель разжигал костер и ставил котелок на огонь, а затем, совершенно неожиданно для меня, его жесткие жилистые пальцы вцепились мне в шею, пережимая сонную артерию. Я чисто рефлекторно схватил его за руку, почти тут же сообразив, что не имеет смысла сопротивляться, а затем я начал проваливаться в бессознательное состояние, с отрешенным интересом регистрируя предшествующие ему фазы погружения, с неожиданной быстротой сменяющие одна другую.

Мне казалось, что я проваливаюсь в бездонный черный колодец, оставляя на его поверхности крошечный поплавок контроля сознания, но поплавок сознания растворился в голубизне видений, и я ощутил себя лежащим на прогретом солнцем песке черноморского пляжа. Я наблюдал за плавным полетом белоснежных, как сахарная вата, чаек и прислушивался к мерному шороху волн в широкой полосе прибоя. Я испытывал чувство высочайшего наслаждения, из которого меня неожиданно вырвал, буквально выдернув меня наружу из бездонных глубин черного колодца, до безобразия отвратительный звук. Казалось, что этот звук заставил вибрировать и содрогаться все внутри меня. Поплавок сознания, как пробка из бутылки нагретого на солнце шампанского, пулей вылетел на поверхность, а затем я почувствовал, как на мое тело обрушилась давящая и всесокрушающая стена звука, оживляющая меня и возвращающая меня к бытию.

Мое тело рефлекторно сжалось, я ошалело вытаращил глаза и увидел спокойное и серьезное лицо Учителя, склонившегося надо мной.

– А вот и первый способ бесконтактного оживления, – сказал он. – Это техника оживления криком.

Я с трудом приподнялся и сел, пытаюсь окончательно прийти в себя.

– Нетерпение наказуемо, – ехидно заметил Учитель. – Лучше бы ты дождался Славика.

Затем он обрушил на меня четко нацеленный удар, демонстрируя иной тип разрушающего воздействия. Мне показалось, что что-то вынули у меня из организма. На этот раз я вошел в бессознательное состояние окончательно и бесповоротно, без каких бы то ни было поплавок сознания. Я провалился в абсолютную темноту, в небытие. Удар Учителя полностью уничтожил мосты, соединяющие меня с окружающим миром.

Тот же самый резкий, отвратительный, невыносимый звук, сила которого нарастала по мере возвращения сознания, вернул меня к действительности. Я чувствовал себя плохо. Меня мутило. Возможно, я еще не успел отойти от своего первого погружения через удушье, к которому я в общем-то был уже привычен. Голова была легкой и пустой, конечности отказывались слушаться, и я, в отличие от первого раза, даже не сделал попытки сесть. Сквозь полуприкрытые веки я снова увидел лицо Учителя, но теперь оно казалось далеким и расплывчатым. Ли с увлечением разглагольствовал на тему бесконтактной реанимации. Часть моего сознания старалась сконцентрироваться на том, что он говорил, в то время как другая его часть была занята ревизией моего организма.

– А вот еще один вариант с применением крика, – сообщил Учитель. – Сейчас ты испытаешь несколько иной способ воздействия.

Пальцы Учителя снова вцепились мне в шею. По моему телу прокатились сильнейшие судороги, но я их не успел прочувствовать до конца. Я снова провалился в бездонный колодец бессознательности. Крик, который поднял меня на поверхность, был еще более омерзителен, чем предыдущие.

Самый первый крик Учителя был своеобразной модификацией крика «пай», "пай-а-а-ай", который обычно применялся для психологического воздействия на противника или для концентрации усилия в рукопашном бою. Казалось, однако, что в последнем крике достигла своего пика квинтэссенция угрозы одного наделенного легкими живого существа другому живому существу. Это было нечто страшное и неопишное. Если первый крик звучал на высоких тонах, то последний, казалось, поднимался изнутри живота и сопровождался то ли пронзительным стоном, то ли шипением. Холодное ощущение вибрации, порождаемое криком, проникло мне в ноги, поднимаясь по ним до нижней части живота, а затем еще выше, заставляя тело содрогаться и приводя меня в чувство. Этот переход в сознательное состояние был более плавным и постепенным, чем в предыдущих случаях.

Я окончательно пришел в себя после нескольких затрещин, щедро нанесенных мне Учителем. Почему-то после них мое настроение улучшилось, и я даже почувствовал себя бодрым и почти отдохнувшим. Я перекатился на правый бок, и мое состояние улучшилось настолько, что мне даже не потребовалось совершать особо героические усилия для того, чтобы наблюдать за манипуляциями, которые проделывал Ли.

Ли взял бревнышко, на котором мы обычно сидели, закутал его плащ-палаткой для придания ему более или менее человекоподобного образа и, используя бревнышко в качестве учебного пособия, принялся объяснять мне детали техники бесконтактной реанимации.

– В первую очередь ты должен убедиться, что в горле пациента нет рвотных масс, иначе он может задохнуться, – сказал Учитель. – Об этом я больше не буду тебе напоминать. Пострадавший должен лежать на спине, и тебе нужно сесть с правой стороны от него на таком расстоянии, чтобы твоя рука могла свободно дотянуться до его солнечного сплетения.

Ли протянул правую руку и коснулся середины прикрытой плащ-палаткой чурки.

– Звуковая волна должна быть направлена вот в это или вот в это место, – продолжил он, указывая на соответствующие зоны манекена.

Примерно в течение часа он демонстрировал области воздействия, меняя положение головы и плеч воображаемого пациента, объясняя, каким образом следует производить воздействие звуковой волной и как модулировать крики.

– В целом метод очень простой, – в конце концов подытожил он, – но, к сожалению, этот метод не всегда применим по той простой причине, что ты можешь быть не в голосе.

Мне захотелось рассмеяться, возможно, потому, что термин "не в голосе" не слишком соответствовал событиям, разыгрывающимся на лесной полянке.

"Боже мой, – мелькнула мысль, – насколько же мне повезло, какие удивительные вещи мне довелось узнать и испытать на себе!"

Меня захлестнуло расслабленное умиротворение, возможно наступила запоздалая реакция на все травмирующие воздействия, которые я пережил за этот день, и я, буквально растворившись в этом блаженном чувстве, вновь потерял сознание.

Жизнь возвращалась ко мне болью, причиняемой большим пальцем Учителя, безжалостно вонзившимся в зону под носом. Я предпринял вялую попытку избавиться от этого воздействия, и Учитель убрал палец, на сей раз надавив на еще более болезненную реанимационную зону на руке.

Я, почти раскаявшись в своем любопытстве, ухитрился-таки отобрать руку у продолжавшего истязать меня Ли и вопрошающе уставился на него с некоторой долей удивления, негодования и возмущения, вполне оправданной, если учитывать, что я еще не слишком хорошо соображал, что к чему.

Учитель состроил еще более удивленную мину, явно передразнивая меня.

— А ведь я дал тебе поспать, — укоризненно произнес он. — У нас не так много времени, чтобы я мог позволить тебе дрыхнуть часами.

"Выходит, я уже превратился в лентяя и лежебоку", — отметил я про себя. Инстинкт самосохранения не позволил мне облечь эту мысль в слова.

— Ну как, ты удовлетворился полученными знаниями или стоит продолжить изучение интересующей тебя темы? — поинтересовался Ли.

— Я бы предпочел продолжить, — не совсем уверенно сказал я, подавляя малодушное желание навсегда забыть о техниках бесконтактной реанимации.

— В таком случае тебе для бодрости стоит сначала попить чайку, — великодушно сказал Учитель.

Со временем одной из дежурных шуток моих учеников станет реплика: "Я запомню, кто задал этот вопрос!"

Я перенял практику Учителя, который имел обыкновение показывать технику, о которой я спрашивал, на Славике, а технику, интересующую Славику, — на мне. Следуя этой традиции, когда кто-то из моих учеников задавал вопрос, я отвечал на этот вопрос, используя в качестве учебного материала одного из его напарников. Поскольку зачастую подобные демонстрации были не слишком приятными, пострадавший, с некоторой долей иронии, давал понять своему приятелю, что запомнит, кто задал вопрос...

Я услышал звук шагов приближающегося Славика и понял, что сейчас моему возвращающемуся с работы ничего не подозревающему партнеру придется пройти через те же самые муки, через которые прошел я из-за своего неумного любопытства. Меня терзали угрызения совести...

Краем глаза я уловил многозначительный взгляд Учителя, и этот взгляд не сулил Славику ничего хорошего. Без всяких слов я знал, что я должен был сделать. Работа в круге воина, следование по пути воина подразумевало, что в любой момент боец должен быть готов к отражению самого неожиданного нападения, и мы постоянно подстраивали друг другу ловушки, неожиданно атакуя партнера или устраивая ему какую-либо провокацию.

Эта игра была подхвачена моими знакомыми рукопашниками и перенеслась на улицы Симферополя. Когда собиралась компания любителей воинских искусств, в любой момент один из друзей мог нанести другому неожиданный удар, и, если тот не успевал среагировать, ему оставалось пенять на себя.

Ловушки Учителя носили гораздо более серьезный характер, и его неожиданные засады или атаки проводились почти на уровне реальной схватки.

— Одна из самых коварных ловушек, подстерегающих человека на его жизненном пути, — это ловушка обыденности, — объяснил Ли. — Обыденность убаюкивает сознание человека, создавая у него ложное убеждение, что все идет своим чередом и ничего плохого и непредвиденного с ним просто не может случиться. В результате он оказывается не готов к непредвиденным поворотам судьбы и становится жертвой обстоятельств. Воин жизни не может быть жертвой, но постоянная готовность противостоять неожиданностям не возникает сама по себе. Она вырабатывается в постоянных упражнениях контроля над судьбой. Спокойные учатся обходить ловушки судьбы или избегать их. Техника контроля над судьбой начинает оттачиваться с навыков рукопашного боя. Практически все навыки рукопашного боя имеют свое отражение на более высоких уровнях, и тогда они перерастают в техники тактики и стратегии бытия, в техники, применяемые Спокойными в их повседневной, социальной и духовной жизни.

Так, методы контактного и бесконтактного контроля над движениями противника, именуемые "Езда на спине ветра", перерастают в свою духовную ипостась — методы контроля над судьбой, временем, пространством и окружающим миром, то есть, собственно, над жизнью. Этому способствует развитие интуиции "срединного пути". Представь, что твоя интуиция подсказала тебе не встречаться с каким-то человеком и это позволило тебе избежать больших неприятностей. Эта предосторожность сродни той, когда в рукопашной схватке ты перекрываешь руку противника, лишь изготавившегося к

удару, но старающегося не выдавать своих намерений. И в том и в другом случае ты не позволяешь развиться опасной для тебя ситуации.

Мы со Славиком часто попадались в ловушки друг друга. То Славик зависнет на мне сзади в удушающем захвате, от которого исключительно трудно, почти невозможно избавиться, то я подстерегу его и неожиданной серией ударов повергну на землю, так что его не спасет даже его профессиональная боксерская реакция, поскольку так называемые «подкожные» удары Шоу-Дао слишком быстры и неожиданны.

Мы уже давно практиковали подобные упражнения круга воина и стали настолько осторожны, что было непросто застать друг друга врасплох. Я знал, что Учитель хочет, чтобы я неожиданным ударом погрузил Славика в бессознательное состояние, и прикидывал, удастся ли мне это сделать.

Треск веток, ломающихся под ногами моего напарника, усилился, и среди переплетения сучьев появилось белесое пятно, приближающееся к нам.

Славик был одет в старое, уже ставшее желто-серым кимоно, но в сумраке леса оно казалось белым одеянием призрака. Наконец мои глаза смогли различить очертания его литой атлетической фигуры, и волна радости от встречи с другом поднялась в моей душе. Я лихорадочно соображал, как подстроить напарнику очередную каверзу, так чтобы он не разгадал моих намерений.

Судьба благоприятствовала мне. Славик был так счастлив, что ухитрился сбежать с работы в лес на тренировку, он с таким жаром объяснял это нам, что он ослабил внутренний контроль. Учитель подыгрывал мне, как, впрочем, в аналогичных ситуациях он подыгрывал и Славику, готовя нападение на меня, и мы вовлекли моего напарника в оживленную беседу.

– Я положу тебе каши, – сказал я и, взяв в одну руку миску, а в другую ложку, самым естественным движением потянулся к завернутому в газеты котелку с еще теплой кашей, стоящему за спиной моего друга.

Я внутренне почувствовал, что Славик подсознательно отметил мое движение, отозвавшись на него чуть заметным напряжением мышц, но позвякивание ложки о миску и запах каши, поднимающийся из котелка, расслабили его. Учитель о чем-то спросил Славика, и я, выбрав момент, когда тот отвлекся, собираясь ответить на вопрос, мягко уронил ложку в гущу каши, так, чтобы она, не звякнув о борта, вонзилась в нее, как нож, и осталась стоять. Аккуратно держа на весу наполненную миску, чтобы ценный продукт не вывалился на землю, я нанес короткий резкий удар ребром ладони сбоку по точке фэн-чи на шее моего партнера. Если подобный удар в расположенную рядом точку фэн-фу нередко приводит к смертельному исходу, удар в фэн-чи не опасен для жизни. Он отключает человека, как выключатель электрическую лампочку.

Голова Славика рефлекторным движением дернулась вперед и вниз в направлении, противоположном направлению удара, и его тело стало мягко заваливаться набок.

Оттащив от костра тело моего напарника, я приготовился наблюдать технику оживления звуком в исполнении Учителя.

Ли сел, поджав под себя ноги, с правой стороны от Славика на расстоянии вытянутой руки от его солнечного сплетения, слегка развернув туловище в направлении лица моего напарника таким образом, чтобы звук, вырывающийся из его горла, прямоком ударил по уху, в районе которого был нанесен удар.

– Обрати внимание на некоторые нюансы, – негромким голосом сказал Учитель. – Зона, на которую ты будешь воздействовать при помощи звука, выбирается в зависимости от того, в какую область был нанесен отключающий удар. Если была поражена область сердца, тебе нужно сесть на расстоянии вытянутой руки от этой зоны и воздействовать звуком именно на нее. При ударах в голову звук надо направлять в первую очередь в область уха со стороны полученного удара, за исключением тех случаев, когда удар пришелся непосредственно в ухо.

При поражении ушей следует располагаться ближе к пострадавшему – сидя у его изголовья на расстоянии ладони или двух от его головы и наклоняясь к самой переносице. Крик должен быть направлен в точку между бровями. Начнем с обычного крика "пай".

Два раза глубоко вдохнув и выдохнув. Учитель издал два коротких крика:

– Пай, пай!

Веки Славика задрожали, и Ли выдал новый пронзительный и продолжительный, зовущий звук:

– Пай-а-а-ай!

Мой напарник открыл глаза, и я пораился их выражению. Его взор был неосмысленным и чистым, как взгляд новорожденного младенца. Такой взгляд свойствен людям, приходящим в себя после глубокого обморока, когда они, еще не понимая, кто они и где находятся, ошупывают глазами окру-

жающий мир, упорядочивая информацию, поступающую в их мозг.

Подобный прием, называемый "взгляд младенца", используется в некоторых медитативных практиках Спокойных. В подобных медитациях ученик осваивает "девственный взгляд" на мир, не замутненный наложением на этот мир сформированной в процессе существования модели мира. В этот краткий момент мир воспринимается таким, какой он есть, и лишь затем неизбежно подключается работа мозга.

Глаза Славика приняли осмысленное выражение. Он окончательно пришел в себя.

– Опять упражнения, – разочарованно и протяжно произнес он.

В его голосе прозвучала столь откровенная почти детская обида, и это было так забавно, что мы дружно расхохотались.

Славик сел. Я, в качестве утешительного приза, протянул ему миску с кашей, и Учитель начал подробно объяснять моему напарнику реанимационные техники, которые он недавно показывал мне.

Мы поотрабатывали технику крика, Славик проделал надлежащие манипуляции на бревнышке – нашем учебном пособии, а затем вновь настал мой черед стать подопытным кроликом.

Я развернулся спиной к Учителю и встал на колени, чтобы смягчить падение на землю. Хотя после нанесения отключающего удара тело падает мягко и расслабленно, лишний раз плюхаться на землю с высоты своего роста мне почему-то не хотелось.

Ли выполнил удушающий прием, и прежде, чем я потерял сознание, передо мной, как прожитая жизнь перед внутренним взором приговоренного к казни, промелькнуло воспоминание.

Мы с Лин отдыхали во времянке после упражнений. Голова моей возлюбленной лежала у меня на плече, и я, в наступившем продолжительном молчании, наслаждался ощущением ее присутствия, тяжестью ее тела, шелком ее волос на моей щеке.

– Знаешь, – неожиданно встрепнулся я. – Один знакомый недавно рассказал мне, что некоторые японцы во время полового акта затягивают на шее удавку и вроде бы от этого они испытывают какое-то небывалое сексуальное наслаждение. Мне это показалось немного странным. Трудно поверить, что, когда тебя душат, ты можешь сосредоточиться на сексе. Говорят, что бывают даже смертельные случаи удушения во время полового акта.

– Если все делать правильно, смертельные случаи исключены, – заметила Лин. – Ласкающее прикосновение вечности – это великое искусство, которое известно немногим.

– Ты говоришь об удушении? – удивился я. – Ты что, тоже проделывала подобные штучки?

– Подобные штучки? – передразнила меня корейнка. – Ты говоришь так, как будто бы речь шла об извращении. Можно подумать, что Учитель никогда не выполнял на тебе удушающие приемы.

– Но это же боевая техника. Это совсем другое дело, – возразил я.

– Дело в том, как и для чего ты применяешь удушающие техники, – сказала Лин. – Возьми, например, состояние внутреннего облака.

– При чем тут внутреннее облако? – удивился я. – Это особое медитативное состояние, связанное с внутренней улыбкой и формированием особых мыслеобразов циркуляции энергии по кругам фигуры восьми триграмм. Какое отношение внутреннее облако имеет к удушению?

– Самое прямое, – сказала корейнка. – Истинное наиболее глубокое состояние внутреннего облака постигается лишь после упражнений с удушением.

Я почувствовал, как во мне пробуждается интерес.

– Я не знал этого, – сказал я. – Учитель никогда об этом не упоминал. Ты можешь показать мне, как это делается?

Лин игриво потянулась.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – задумчиво протянула она. – Я не уверена, готовы ли ты к подобному откровению.

Корейнка явно поддразнивала меня.

Я опрокинул ее на спину и наклонился над ней, лаская ее лобок и груди.

– Надеюсь, я смогу тебя убедить, – тоном профессионального соблазнителя сказал я.

– Ладно, – улыбнулась Лин. – Но помни, ты сам напророчил.

– Я готов принять на себя эту ответственность, – торжественно заявил я.

– Войди в состояние внутреннего облака, – предложила Лин.

Кореянка зажгла свечу и поставила ее на пол в углу временки. Затем она достала блюдечко с несколькими конусами благовоний и тоже подожгла их. Лин накинула короткое черное шелковое кимоно, которое делало ее еще более соблазнительной и желанной. Мне казалось, что моя возлюбленная обладает самым совершенным женским телом на земле, но, как ни странно, ее кимоно возбуждало меня даже сильнее, чем обнаженное тело. Возможно, это было связано с тем, что фантазия всегда прекраснее действительности, или меня просто манило то, что скрыто от глаз, но, когда Лин двигалась и точеные округлости ее тела натягивали черный шелк, обрисовываясь под ним, как сюрреалистические творения гениального художника, мне казалось, что я всем своим существом откликаюсь на безмолвный призыв ее плоти.

Кореянка прекрасно осознавала всю силу своего воздействия на меня. Она, откинув назад волосы, провела ладонями по лицу жестом спокойствия и начала выполнять упражнение спонтанного движения по кругам. Несколько мгновений она оставалась почти неподвижной в свободной, ненапряженной стойке с чуть согнутыми коленями, затем дрожь аутодвижений заставила трепетать кончики ее пальцев. По телу Лин прокатилась легкая дрожь, а затем амплитуда аутодвижений начала расширяться.

Хотя моя возлюбленная ничего не сказала мне об этом, я знал, что я должен синхронизировать свое внутреннее облако с ее состоянием. Я догадывался, что этот спонтанный чувственный танец ее тела был очередным подарком для меня, еще одной "снежинкой, падающей с неба" – новым для меня кусочком знаний Спокойных.

Я выполнил упражнение по расширению сознания, выдвинув свою чувственную оболочку вперед, до тех пор пока она не соприкоснулась с чувственной оболочкой Лин. Аутодвижения кореянки стали отдаваться в моем собственном теле, вызывая перемещение оргазмических потоков по орбитам внутреннего облака.

Повинуясь внезапному импульсу, я откинул одеяло. Оно казалось мне вызывающим беспокойство экраном, мешающим моему полному слиянию с возлюбленной. Я лежал совершенно обнаженный, широко раскинув содрогающиеся от аутодвижения руки и ноги, и напряжение оргазмических потоков стало так велико, что я не смог удержаться от эрекции, напор которой, казалось, вот-вот разорвет мой член на мелкие кусочки, как бомба палестинских террористов.

Я знал, что Лин посылает мне безмолвный приказ убрать силу из члена, но я, как ни старался, не мог этого сделать.

Аутодвижения кореянки начали затихать, становясь более замедленными, затянутыми и округлыми. Теперь ее руки двигались параллельно, словно массируя на расстоянии мое тело, и я чувствовал, как энергетические потоки смягчались, следуя за пассажами Лин. Напряжение спадало, и я наконец сумел переместить энергию, бурлящую в половых органах, вверх по позвоночнику, проводя ее затем по микрокосмической орбите и распределяя по всему телу.

Меня охватило состояние эйфорического расслабления. Казалось, я вот-вот потеряю сознание, но мой сторонний наблюдатель все еще удерживал контроль и я каким-то уголком сознания регистрировал то, что происходило со мной.

Лин располагалась таким образом, что свет свечи падал на нее спереди и сбоку, и ее огромная причудливо деформированная тень выполняла свой собственный фантастический танец на беленой стене. Дым благовоний колеблющимися спиралями поднимался вверх, окутывая тело кореянки вуалью прозрачного тумана.

При особо размашистых движениях шелк кимоно распахивался, и моему взору открывались танцующие твердые груди с маленькими темными, как вишни, сосками. На какое-то время мое внимание приковало плавное перемещение сосков, которые то скрывались за черной шелковой завесой, то вновь появлялись на свет, чтобы свести меня с ума. Какой-то механизм внутри меня стал предугадывать, какое движение сделает сейчас моя возлюбленная и когда ее сосок вынырнет из своего укрытия. Моя чувственная оболочка настолько слилась с ней, что через некоторое время я знал наверняка, что она делает и как она будет двигаться в следующий момент. Вспомнив еще одну из техник управления сознанием, которую мне показывал Учитель, я начал втягивать чувственную оболочку в себя, и когда она слилась с кожей, в моих ощущениях тело Лин вплотную

приблизилось к моему, хотя она ни сделала ни шага в мою сторону.

Я чувствовал, как соски корейнки щекочут мою грудь, и прилив оргазмических ощущений к груди и шее стал настолько сильным, что он заставил меня застонать. Сладостные спазмы аутодвижений сотрясли грудную клетку. Я начал глубоко дышать, пытаюсь контролировать ситуацию. Спазмы утихли, сменившись пульсацией, которая мощным насосом посылала вибрирующие потоки энергии в руки и голову.

Не прерывая ритма округлых движений, Лин раздвинула и без того почти ничего не скрывающие полы халатика, и я увидел ее лобок. Как и соски, он казался самостоятельным живым существом, волшебным, как говорящий бельчонок из сказки. Теперь все мое внимание сконцентрировалось на движении лобка. Я чувствовал, как он скользит по моим бедрам, по моему животу и как жесткие курчавые волосы Лин доводят меня до безумия ритмичностью своего возбуждающе-щекочущего прикосновения.

Мой член снова напрягся. Теперь спазмы сотрясали нижнюю часть тела, и вихри оргазмических ощущений отдавались тяжелыми толчками в ногах.

Лин медленно развязала пояс и позволила халату соскользнуть на пол. Широкий шелковый пояс кимоно она накинула себе на шею, как ожерелье, и, подойдя к кровати, легла на меня. Тяжесть и близость ее тела изменили характер оргазмических потоков. Теперь наши энергии объединились, циркулируя по восьмеркообразной траектории вдоль наших тел. Женское инь насыщало меня, обмениваясь на мужское ян.

Как ни странно, прямой контакт тел успокоил меня. Спазмы прекратились, и на смену почти невыносимому напряжению пришло ощущение волшебного парения, ощущение всепоглощающего блаженства. Потоки оргазмических ощущений стали ровными и спокойными. Казалось, они достигали каждой клеточки моего тела, заливая ее мягким светом наслаждения.

– Выполни упражнение внутреннего облака, – прошептала Лин.

"Как странно, разве можно достичь еще более глубокого погружения", – подумал я.

Мне казалось, что ощущение внутренней радости, волшебного привкуса гармоничного смешения энергетических потоков, характерное для внутреннего облака, уже достигнуто и что я больше ничего не смогу к этому прибавить.

Лин взяла пояс кимоно и, мягко просунув его конец мне под шею, обвила его вокруг моего горла.

– Внимательно следи за своими ощущениями, – прошептала она. – Отдавайся им, как ты отдаешься мне – без опасений и колебаний.

Я почувствовал, как ткань натянулась, понемногу перекрывая доступ воздуха в легкие. Полуприкрытыми глазами я смотрел на прекрасное лицо возлюбленной, наслаждаясь этим зрелищем и полностью отдаваясь на ее волю. Затем ее лицо расплылось и исчезло, и на смену ему пришло ощущение полета.

Я парил в глубокой синеве. Тело исчезло, растворившись в пространстве. Удивительное чувство легкости и невесомости, казалось, распространилось и на энергетические процессы, протекающие в моем теле. Если раньше пульсации, оргазмические ощущения и потоки ци, казалось, имели объем, плотность и силу, то теперь они стали размытыми и бесплотными. Меня охватило ни с чем не сравнимое эйфорическое состояние спокойствия, безмятежности и внутренней радости. Я взлетал все выше и выше, синева сгущалась вокруг меня, и в конце концов я затерялся в ее безбрежных просторах.

Когда я открыл глаза, то увидел перед собой лицо Лин. Моя возлюбленная была одета в кимоно, и шелковый пояс, который недавно унес меня в неведомые дали, был завязан у нее на талии.

– Ты запомнил истинное состояние внутреннего облака? – спросила корейнка.

– Это невозможно забыть, – сказал я, сглатывая слюну. Как обычно бывает после удушения, у меня першило в горле и хотелось прокашляться.

– Теперь с помощью медитации воспоминаний ты сможешь добавить это новое ощущение к твоим упражнениям, – улыбнулась Лин.

– Теперь я понимаю японцев, – заметил я. – Ради подобного удовольствия вполне можно рискнуть жизнью. Интересно, когда японцы затягивают на шее удавку во время полового акта, они испытывают те же ощущения, что испытал я?

– Общим для всех является ощущение потери веса и парения, – ответила Лин. – Но оттенки переживаний индивидуальны для каждого и зависят от того, какими мыслеобра-

зами сопровождается половое возбуждение и перемещение сексуальной энергии. Ты был настроен на состояние внутреннего облака, и ты смог познакомиться с тончайшими нюансами этого состояния. Но, когда люди прибегают к асфиксии во время полового акта или во время мастурбации, их целью является получить еще более тонкие и интенсивные сексуальные переживания. Возбуждая эрогенные зоны, они доводят себя до пикового состояния возбуждения, когда оргазмические переживания столь интенсивны, что нервная система уже не в силах выдерживать их, и тогда они начинают, медленно затягивая удавку, перекрывать доступ воздуха в легкие. С одной стороны, таким образом они сбрасывают избыточное сексуальное напряжение, затягивая процесс погружения в оргазмические переживания, а с другой стороны, они добавляют к оргазмическим переживаниям ни с чем не сравнимое ощущение парения в пространстве. Кроме того, в зависимости от личных склонностей, можно окрашивать сексуальные переживания дополнительными действиями или мыслеобразами, получая наслаждение от самых разных вещей – от представления каких-то сексуально возбуждающих объектов, от специфических фантазий, от причинения боли себе или другим и т. д. Существует огромное количество вариантов. В данном случае твоя задача – научиться через медитации, не прибегая к удушению, воспроизводить ощущение парения в сочетании с чувством тонкой радости, характерным для внутреннего облака.

Я начал отрабатывать это ощущение, дополнительно используя каждую возможность зафиксироваться на нем, когда во время спарринга меня отключали удушающим приемом. Иногда вместо парения в небе мне казалось, что я плыву под водой, вспоминались сцены из детства, когда я совершал погружения, охотясь с острой.

Откуда-то издалека донесся звук, скорее напоминающий негромкий писк или еще какой-то трудно определимый раздражающий шум, подобно тому как среди абсолютного спокойствия вас вдруг начинает тревожить приглушенный гудок паровоза или клаксон машины. Образ Лин исчез. Я лежал на песке, море плескалось у моих ног, и белые чайки надо мной описывали в небе круги. Я знал, что нахожусь на Золотом пляже Феодосии. Я наслаждался ощущением солнца и освежающего ветерка на моей коже, мне было удивительно хорошо, но звук, на этот раз гораздо более продолжительный, громкий и раздражающе-сверлящий, прервал это состояние блаженства.

Мои веки дрогнули и приоткрылись. Переход к реальности ошеломил меня. Вначале я видел лишь ветви деревьев, колышущиеся в вышине, и в течение какого-то времени меня терзало мучительное желание вспомнить, где я нахожусь и что я тут делаю. Я повернул голову, и в поле моего зрения попала довольная физиономия Славика, вернувшего меня к жизни.

– Это ты кричал? – на всякий случай поинтересовался я.

– Извини, если испортил тебе удовольствие, – ухмыльнулся Славик.

Учитель сделал знак, приглашающий нас расслабиться и немного отдохнуть.

– Есть еще одна техника реанимации, – сказал Ли, – но она почти никогда не применяется в чистом виде, лишь как дополнение к другим реанимационным техникам. Это техника реанимации с помощью волевого импульса.

Волевые импульсы или волевые эманации Учитель определял как одну из составляющих проявления внутренней силы, как базирующийся на концентрированном сгустке эмоций мощный энергетический выброс, с помощью которого человек обретал способность совершать сверхусилия.

– Ты сказал "почти", – заметил я. – Значит, ее все-таки можно применять?

– Можно-то можно, но не тебе и не сейчас. Нет смысла затрачивать излишние усилия там, где цели можно достичь более простыми способами. Но, как вспомогательный элемент, волевые импульсы очень хороши.

– А ты не мог бы показать нам реанимацию только за счет волевых импульсов? – попросил я.

Учитель ласково улыбнулся и прикоснулся пальцами к шее Славика. Мой напарник в который раз за этот день потерял сознание. Аккуратно уложив его обмякшее тело на землю, Ли встал над ним в позу с полусогнутыми ногами, напоминающую стойку всадника, так, что тело Славика оказалось у него между ног, и я с восхищением и трепетом стал следить за чередой перевоплощений, происходящих с моим наставником. Его метаморфоза напомнила мне то, что случилось с ним во время демонстрации техники прыжков в день нашего знакомства.

Глаза Учителя засверкали, тело, излучающее неземную энергию, как бы переполнялось всепоглощающей силой, поднимающейся изнутри. Лио Ли исказилось серией гримас, по телу снизу вверх прокатилась волна. Лио застыло в зверином оскале, отражавшем высшую степень напряжения

и сосредоточения. Учитель резко выбросил руки вперед в направлении солнечного сплетения Слави́ка. Тело моего друга конвульсивно содрогнулось, как под действием электрошока, голова и ноги приподнялись, казалось, его сводило судорогой, а резко раскрывшиеся вытаращенные глаза с изумлением впились в лицо Ли.

Несколько мгновений спустя тело моего напарника расслабилось, а взгляд приобрел осмысленное выражение.

– Я тоже хочу увидеть это! – закричал Славик.

– Хотеть не вредно, – усмехнулся Учитель. – Медвежонок тебе все расскажет.

Ли очень редко называл меня «медвежонком», и в эти моменты между нами возникала какая-то неуловимая связь, наполненная такой теплотой и нежностью, что казалось, в мире нет для меня человека роднее Учителя.

– А теперь нам действительно пора отдохнуть, – сказал Ли. – Поговорим о том, как волевые импульсы сочетаются с другими реанимационными приемами.

Он рассказал нам более подробно об основных реанимационных техниках и о том, как можно воздействовать на умирающего человека, а затем мы снова вернулись к теме реанимации звуком.

– Давай потренируемся в использовании еще и других звуков, – попросил я, забыв о пережитых страданиях.

– Сегодня вас больше нельзя отключать в полную силу, – сказал Ли. – Вы уже побывали у ворот небесных облаков, рождающих туман, и некоторое время вам не стоит туда возвращаться. Их очарование может повредить вашему здоровью.

Учитель посмотрел на нас с загадочной улыбкой, от которой мне почему-то стало не по себе.

– Лучше поиграем с комком бицепсов на вашей грудной клетке, – неожиданно предложил он, и, не дав мне время сообразить, что он имеет в виду. Ли легонько ткнул меня пальцем в одну из активных точек, нарушающих работу сердца.

Меня словно поразило электрическим током. Что-то внутри меня замерло, и, хотя сердце не остановилось, было явно, что что-то в его работе нарушилось. Тело покрылось липким холодным потом. Я побледнел.

Учитель поднял с земли два округлых камня, которые мы использовали для упражнений с "яйцами каменной птицы". Эти камни мы привезли с алуштинского пляжа, подобрав их по форме и размеру.

Обернувшись ко мне и вытянув перед собой руки. Ли начал ритмично постукивать камнями друг о друга. Этот ритм напомнил мне ритм восстанавливающего дыхания: ху, ху-ху, ху-у-у, о котором я уже упоминал в своих книгах.

Мне сразу стало легче дышать. Я чувствовал, что звук был напрямую связан с работой сердца. Казалось, Учитель безошибочно выбрал линию пространства, которая объединяла мое сердце и удаляющие друг о друга камни.

– Вот здорово, – восхитился я. – Мне даже в голову не могло прийти, что с помощью двух камней можно воздействовать на сердечный ритм.

– Это не так уж и сложно, – сказал Учитель. – Лучшая линия воздействия – это прямая линия, проходящая через сердце человека перпендикулярно его телу. Ты должен находиться спереди, и, если человек находится в сознании, ты сможешь выбрать оптимальное расстояние воздействия, ориентируясь на его реакции.

С потерявшим сознание при ударе в область сердца дело обстоит сложнее. В таких случаях нет времени на звуковые манипуляции, поэтому подобный метод обычно используют для восстановления после небольших разовых ударов, когда человек находится в сознании.

С помощью ритмичного стука камней можно восстанавливать и барабанные перепонки, травмированные в результате ударов или хлопков по ушам. Им же можно лечить и некоторые болезни слуха, изо дня в день тренируя барабанные перепонки, приучая их к различным нагрузкам. Этого добиваются, постукивая камнями по определенной схеме на разных расстояниях от ушной раковины.

Учитель показал еще несколько десятков способов оказания помощи человеку, пострадавшему при самых различных ситуациях. Это была одна из тренировок, в которой, как мне казалось тогда, мне открываются тайнства мира, тайнства жизни и смерти, хотя техники, показанные Ли, были удивительно просты и эффективны. Меня поразила мысль о том, насколько хрупким в действительности является человеческое существо и насколько легко, обладая определенными знаниями, можно манипулировать жизнью и смертью.

– Для того чтобы умереть, человеку не нужны особых причин, – сказал Учитель. – Человек может умереть от пережитого страха или от счастья. Такое странное животное, как человек, способно

убить себя даже при помощи воображения. И если простейшие реанимационные техники – это физическое или звуковое воздействие на пострадавшего человека, то в случае смерти от психических причин реанимационные техники используют сложную игру мыслеобразов, связанную с подсознательным внедрением в психику больного или умирающего человека, а также использование реальных или воображаемых инородных предметов, которые внедряются в тело человека, а затем извлекаются из него.

– Для меня удивительно, что человек может убить себя при помощи воображения, – сказал я.

– Это происходит чаще, чем ты думаешь, – заметил Учитель.

– Я в детстве читал рассказ Грина, – сказал я. – Тогда вся история мне показалась абсурдной, но сейчас я понимаю, что это вполне могло бы быть на самом деле. Я не помню подробностей, но суть была примерно следующей.

В одном небольшом городке жили два приятеля, которые любили подшучивать над другими. От нечего делать они подглядывали за соседом, вся немудреная жизнь которого состояла в том, чтобы наедаться до отвала, спать и заниматься любовью с женой. Этот сосед был чудовищно толст и напоминал свинью.

Шутники отправили ему анонимное письмо, что человек, живущий подобно ему, недостоин права на существование и что, начиная с этого дня, у него пропадет сон, аппетит, и он не сможет больше заниматься любовью. Он будет худеть и худеть, и ровно через полгода, такого-то числа, он умрет.

Каждый месяц толстяк получал подобное письмо, где напоминалось, сколько дней ему осталось до смерти. Он действительно потерял сон и аппетит и перестал заниматься любовью, и через пять месяцев от него остались кожа да кости.

Однажды он встретил на улице одного из шутников и рассказал ему о зловещих письмах и о том, что ему осталось жить всего ничего.

Испугавшись, что розыгрыш зашел слишком далеко, шутник рассказал ему, что эти письма писал он со своим приятелем и что на самом деле не было никакого проклятия.

– Теперь уже не важно, кто писал эти письма, – сказал сосед. – Я точно знаю, что я должен умереть в назначенный срок, и я умру. Но ты, разрушивший мою жизнь и уничтоживший меня, умрешь вместе со мной.

С этими словами он убил подшутившего над ним.

– Это весьма правдоподобная история, – сказал Ли. – И особое правдоподобие ей придает то, что человек, над которым подшутили, занимался только тем, что ел, пил и спал с женщиной. У него не было воли, у него не было живого интеллекта, у него не было устремлений. Его психика была столь примитивна и не защищена, что он безоговорочно поверил бумажкам, которые бросали в его почтовый ящик. Не письма убили его, он сам убил себя при помощи воображения.

– Но как происходят подобные вещи? – спросил я. – Как можно настолько убедить себя в том, что ты должен умереть, чтобы действительно умереть?

– Ты что, хочешь получить от меня научное объяснение? – усмехнулся Ли. – Наверное, можно было бы изобрести какую-то сложную теорию, но от этих теорий мало толку. Для воинов жизни важнее было понять, как действуют механизмы психики и как использовать эти механизмы, чем объяснения, почему они действуют именно так. Говорят, что все болезни от нервов и только три от удовольствия. С тем же успехом можно было бы сказать, что все болезни от воображения. В древние времена люди считали болезни зловредным воздействием духов или колдунов или наказанием богов. Современная наука по-своему объясняет происхождение болезней, но во многих случаях эти объяснения так же далеки от истины, как представления первобытных людей.

Главное для тебя – научиться понимать, когда человек убивает себя при помощи воображения, и знать, как его от этого вылечить.

– И как это сделать?

– Существует много способов лечения, и принципы, на которых это лечение основано, полностью аналогичны тем, которые ты изучал применительно к рукопашному бою, например: противопоставить подобное подобному, или лечить подобное подобным, или "клин клином вышибают".

Когда воображение человека выходит из-под контроля и на уровне одержимости концентрируется на какой-то идее, человек входит в состояние, подобное тому, что возникает во время медитации осознания, но в данном случае к нему приходят ложные осознания, ложные откровения.

В случае "лечить подобное подобным" ты должен заменить один навязчивый мыслеобраз дру-

гим мыслеобразом, который также будет задействован на базе фантазии, но который покажется подсознанию больного более убедительным или более привлекательным, чем предыдущий образ. Фактически, ты создашь для него новый объект концентрации, более полезный или безопасный, и, постепенно, больной оставит и этот объект, переключив свое внимание на повседневные заботы.

В случае "клин клином вышибают" объект новой концентрации внимания может быть совершенно иной природы, чем болезненные фантазии. Главное – новый раздражитель должен быть настолько силен, чтобы под его влиянием человек забыл о своей навязчивой идее. В качестве альтернативного раздражителя можно использовать страх смерти, или влюбленность, или вызвать к жизни какую-то из жажд или слабостей человека – например, играя на его гордости, или жадности, или честолубии.

Магия основывается на манипуляции человеческим сознанием, человеческим воображением. Искусство знахарей и колдунов позволяло им запускать в человеке нужные им программы – разрушительные или целительные, деструктивные или созидательные. Именно для этого магия и создала столь сложные и впечатляющие ритуалы.

– Но как же тогда энергетическое воздействие? – спросил я. – Я же сам не раз видел, как ты гипнотизируешь животных. Кроме того, ты заставлял меня испытывать самые странные переживания без каких бы то ни было ритуалов или словесных преамбул.

– Подобное тому, что делаю я, могут делать единицы, – сказал Ли. – Есть арифметика, и есть высшая математика. Если арифметикой магии в той или иной степени владеет большинство знахарей и доморощенных экстрасенсов-любителей, то высшая математика магии доступна далеко не всем. Во многих случаях самого простого манипулирования человеческим сознанием и воображением бывает довольно для того, чтобы добиться желаемых результатов.

Часто для того, чтобы разбудить отрицательное воображение человека, достаточно всего лишь сказать, что какой-то сильный экстрасенс наслал на него порчу, или подsunуть ему какую-нибудь магическую побрякушку, вроде его фотографии с проткнутым иголкой сердцем или особым образом завязанных пучков травы. Тут не потребуется никаких затрат энергии. Его подсознательный страх, разрастаясь по мере напоминания о магическом преследовании, сделает всю необходимую работу. В большинстве случаев реальное энергетическое воздействие ничтожно по сравнению с психическим воздействием, и поэтому нет смысла "стрелять из пушки по воробьям", прибегая к особо сложным и изощренным техникам.

Глава 9

Я направлялся на автобусную станцию, предвкушая радость от встречи с возлюбленной. Лин сказала, что эту ночь мы проведем вместе. Я порядочно вымотался за день и, к стыду своему, втайне надеялся, что это свидание будет обычной встречей двух любящих людей, а не очередной тренировкой. Мне хотелось лишь любви, отдыха и покоя.

Было поздно. Уже стемнело, и улицы были почти безлюдны. Внезапно ночную тишину разорвали громкие крики, звук ударов и пронзительный женский визг. Завернув за угол, я увидел, как двое мужчин жестоко избивают отчаянно вырывающуюся женщину. И, хотя Учитель дал мне совет никогда не вмешиваться в разборки посторонних людей, я не удержался. Мужчина постарше схватил женщину за волосы и стал самозабвенно колотить ее лицом о стену дома, в то время как более молодой продолжал без разбору наносить ей удары. В пылу схватки они не заметили меня и даже не успели понять, что происходит.

– Как вы смеете бить женщину, – заорал я, и, одним ударом отключив того, что помоложе, рубанул другого по руке, удерживающей женщину за волосы. Когда он с криком боли обернулся ко мне, я захватил его за голову и за шею и с наслаждением шмякнул несколько раз головой об стену, так, как он проделывал это со своей жертвой. Мужчина вырубился, и я, отпустив его безвольно обрушившееся на асфальт тело, переключил внимание на женщину.

Она, вся в крови, скорчившись, лежала на земле, подвывая от страха.

– Не бойтесь, все закончилось, давайте я вам помогу, – мягко, стараясь не испугать ее еще больше, сказал я.

Я подхватил женщину под мышки и приподнял ее. Она встала на ноги, потрясла головой, приходя в себя, а затем окинула взглядом поле битвы, украшенное неподвижными телами ее обидчиков. Затем женщина повернулась ко мне и посмотрела мне прямо в глаза. Меня, ожидавшего по меньшей мере слова «спасибо», поразила дикая звериная ненависть, исказившая ее черты, а затем женщина, издав сдавленный вопль ярости, с неожиданной для ее комплекции и состояния силой бросилась на

меня. Ее атака застала меня врасплох. Ногти расвирепевшей фурии вцепились мне в лицо и, прежде чем я успел перехватить ее запястья, расцарапали его сверху донизу.

– Подонок! Негодяй! Грязный ублюдок! – вопила женщина. – Ты убил моего мужа и моего сына!

Ненависть придала ей силы, и она принялась со всей дури лупить меня ногами. Единственное, что мне оставалось, – это плотно прижать ее к себе таким образом, чтобы ее конечности не могли причинить мне особого вреда. Так мы стояли, обнявшись, женщина вопила и бесновалась в моих руках, а я прикидывал, как мне избавиться от нее наиболее безболезненным для нее способом. Наконец резким движением оторвал ее от себя, оттолкнул в сторону и со всех ног пустился бежать к автовокзалу, а вслед мне неслись ругательства и проклятья.

– Что с тобой произошло? Такое впечатление, что ты побывал в когтях у льва, – сказала Лин, окидывая меня критическим взором.

Моя одежда была залепана кровью женщины, кровь продолжала сочиться из глубоких царапин на лице, и, прямо скажем, выглядел я не самым лучшим образом.

– Еще хуже, – пожаловался я. – Я побывал в когтях у женщины!

Ситуация откровенно забавляла мою прекрасную кореянку.

– У женщины? – с нарочитым удивлением протянула она. – Что же ты такого сотворил, чтобы довести ее до подобного состояния?

– Боюсь, ей не понравились мои комплименты, – пошутил я. – Пожалуйста, сделай что-нибудь, чтобы остановить кровотечение, а я тем временем расскажу тебе всю историю.

Пару часов спустя я, в чистой одежде, сытый, умытый и тщательным образом продезинфицированный, лежал на широкой дощатой кровати, а Лин, грациозно вытянувшись рядом, ласкала кончиками пальцев мою грудь.

– Вот что значит не слушаться советов Учителя, – сокрушенно сказал я, все еще не в силах забыть о пережитом потрясении. – Ведь он предупреждал, что я не должен вмешиваться в посторонние драки, разыгрывая из себя благородного рыцаря, поскольку это не мое дело. Теперь я понимаю, что он был прав, но я не мог спокойно смотреть, как двое мужчин избивают слабую женщину.

– Судя по тому, как ты выглядишь, ее трудно назвать слабой, – скептически заметила кореянка. – Еще не известно, что она сделала мужу и сыну, чтобы заслужить подобную трепку. Возможно, они имели на то все основания.

– Что бы она ни сделала, они не имели права избивать ее подобным образом, – возразил я. – Это противоречит любым нормам гуманности.

– За подобные слова феминистки могли бы разорвать тебя на куски, – покачала головой Лин. – Их бы смертельно обидело то, что ты без малейших угрызений совести способен избить мужчину до полусмерти, но в то же время считаешь, что бить женщину – негуманно, поскольку она – существо слабое и беззащитное.

– Я против феминизма, – заметил я. – На меня производит тягостное впечатление, когда женщина пытается доказать, что она более мужчина, чем самый крутой мужик. В этом есть что-то патологическое.

– Это твоя ахиллесова пята, – сказала кореянка. – Установка о том, что ты должен быть рыцарем и что ты не имеешь права бить женщину, сидит в тебе слишком глубоко, и это может помешать тебе быть хорошим бойцом.

– В случае, если женщина неожиданно нападет на меня, я буду защищаться так же, как защищался бы, если бы моим противником был мужчина, – пожал плечами я. – Но это не значит, что мне нравится бить женщин.

– Ты хочешь сказать, что тебе нравится бить мужчин? – провокационно улыбнулась Лин.

– Ты прекрасно знаешь, что мне не нравится никого бить, – я почему-то почувствовал себя обиженным. – Я изучаю боевые искусства не для того, чтобы бить кого-то, а чтобы уметь профессионально защитить себя от нападения.

– Я расскажу тебе притчу, – неожиданно предложила кореянка.

Один черт решил прославиться, победив в поединке самого искусного воина во всей Поднебесной, которого народ окрестил Непобедимым.

Послал он к воину гонца с вызовом на бой, а сам на месте будущего поединка понастроил ям и ловушек, чтобы с их помощью одержать верх.

Однако гонец вернулся ни с чем, так как Непобедимый велел передать черту следующее:

– Следуя по пути Случая, я не отвечаю на вызов, а лишь на нападение, поэтому я и непобедим.

Решил тогда нечистый напасть на воина во время сна, но так и не улучил удобной минуты – воин всегда был настороже.

Думал-думал черт и превратился в красивую женщину, надел боевые доспехи, шлем с маской и отправился искать воина.

Как увидел нечистый Непобедимого, набросился он на него, но лишь скрестили они оружие, как упал шлем с головы черта и предстала перед ним женщина неопишуемой красоты.

Многих умелых бойцов побеждал черт этим приемом, но в этот раз ему не повезло. Ударил воин нечистого по голове, да так, что тот на куски развалился.

Не знал глупый черт, что Непобедимый оттого и непобедим, что в бою он с одинаковой яростью и умением сражается с любым соперником, и что, даже если враг примет образ младенца, разящий удар не станет слабее, ибо идущий по пути случая на случай не полагается.

Лин лукаво посмотрела на меня.

– Как ты думаешь, если бы ты оказался на месте Непобедимого, смог бы ты мгновенно среагировать и разрубить прекрасную незнакомку пополам? – спросила она.

– Не знаю, – признался я. – Боюсь, что я не сумел бы принять мгновенное решение. Я мог бы замешкаться.

– И это стоило бы тебе жизни, – серьезно произнесла корейка.

– Но ведь это всего лишь притча, – сказал я. – В наше время не так уж легко встретить черта, принявшего облик прекрасной женщины.

– Ты пытаешься шутить, но войны жизни не шутят с такими вещами, – заметила Лин. – Возможно, ты не знаешь этого, но большая часть профессиональных убийц – это с виду хрупкие и нежные женщины, и среди них нередко встречаются даже дети. Эти убийцы особенно опасны, поскольку обычно никому не приходит в голову заподозрить их.

– Учитель упоминал об этом, – вынужден был признать я. – Но, поскольку за мной не так часто охотятся профессиональные убийцы, я как-то не придавал этому особого значения.

– Идущий по пути случая на случай не полагается, – многозначительно произнесла Лин. – Пора тебе избавиться от излишней сентиментальности по отношению к женщине и перестать считать ее слабым существом, нуждающимся в твоей защите. Ты должен воспринимать ее с тем же уважением, с каким ты относишься к мужчине.

– Не так просто в один момент избавиться от убеждений, которые стали частью меня, – сказал я.

– Тебе уже приходилось менять свои убеждения. Вспомни, как ты выправлял искаженные кирпичики твоей модели мира.

– Да, но в том случае я избавлялся от негативных чувств, которые были последствием пережитого потрясения, – возразил я. – Это совсем другое дело.

– Тебе удалось преодолеть свое отвращение к Веронике,⁵ но ты так и не сумел избавиться от угрызений совести за то, что ударил ее, – обвиняющим тоном произнесла корейка. – Угрызения совести – это тоже негативные чувства.

– Ты права, – снова вынужден был признать я. – Как я могу исправить положение?

– Так же, как ты избавился от страха и отвращения по отношению к этой девушке – с помощью медитации осознания, – сказала Лин. – Тебе придется перестроить еще один искаженный кирпичик твоей модели мира и научиться проводить грань между женщиной и противником и относиться к женщине так, как ты отнесся бы к противнику-мужчине. Когда ты вступаешь в смертельный бой с мужчиной, ты ведь не думаешь о его половой принадлежности, или о его семье, или о его личностных качествах? Для тебя не важно, что представляет из себя человек, который хочет тебя убить. Ты знаешь лишь одно – перед тобой противник. Однако когда речь идет о женщине, вступает в силу внутренний запрет, заложенный в тебя с детства. Подсознательно ты отождествляешь женщину с образом матери и возлюбленной, с образом благородного и священного существа, которому ты не можешь причинить вред. И даже если ситуация вынудит тебя ударить женщину, ты будешь страдать от

---

⁵ События, о которых идет речь, были описаны в третьем томе серии: "Обучение Женщиной".

чувства вины. Это неправильно. Так быть не должно.

– Ты, как всегда, права, – я нежно поцеловал возлюбленную в губы. – Пожалуй, мне пришла пора стать настоящим мужчиной и лупить тебя три раза в день, чтобы ты не слишком зазнавалась.

Лин расхохоталась.

– Что ж, я дам тебе такую возможность, – произнесла она.

– В самом деле?

Кореянка соскочила с кровати.

– Пойдем во двор, – сказала она и, не оглядываясь, проскользнула за дверь.

Я, немного удивленный, неторопливо поднялся и последовал за ней. Мы оказались на небольшом внутреннем дворике, скрытом от соседских глаз домом и хозяйственными пристройками.

– Ударь меня, – предложила Лин.

– Зачем? – удивился я.

– Потому что я этого хочу.

– Но зато я не хочу тебя бить.

– Конечно, – издевательски произнесла она. – Для этого у тебя кишка тонка.

– Ты что, действительно этого хочешь? – спросил я, просто чтобы протянуть время.

– Ударь меня со всего маху! – злым и жестким голосом потребовала кореянка.

Я замешкался, и тут она влепила мне такую оплеуху, что искры посыпались у меня из глаз.

– Защищайся! – закричала Лин, нанося мне новый удар. – Сейчас перед тобой не женщина, перед тобой противник!

Я почти автоматически успел заблокировать следующий удар, но Лин, совершив обманное движение, сделала подсечку и я грохнулся на землю.

Злой и растерянный, я вскочил на ноги.

Учитель говорил мне, что Лин – прекрасный боец, но до сих пор нам не доводилось сходить в рукопашной схватке. Хотя она была высокого роста, особенно по корейским меркам, но весила в два раза меньше меня, и я понял, что подсознательно считал, что она не смогла бы тягаться со мной в рукопашной схватке. Я ошибался.

Техника моей возлюбленной была безупречной. Легкая и быстрая, как ртуть, она обладала исключительной физической силой.

Лин вновь атаковала меня. Во мне еще теплилось подсознательное желание лишь защищаться, не атакуя, чтобы не причинить ей боли, но вскоре я убедился, что более слабым существом в этом поединке был именно я и, похоже, Лин не собиралась щадить меня.

Она стремительно перемещалась по площадке, осыпая меня градом ударов, подкрепленных болевыми захватами за волосы и кожу и точечными ударами в болевые зоны. Я явно проигрывал, и проснувшаяся во мне мужская гордость не могла этого допустить.

Я включился в бой в полную силу, как если бы я дрался с Учителем. Теперь перевес Лин был менее заметен, но как только я чуть расслаблялся, она, не упуская возможности, наказывала меня резкими и болезненными ударами. Наша борьба становилась все более яростной, и наступил момент, когда я, взглянув на Лин, действительно позабыл о том, что передо мной женщина, которую я люблю. Я пытался противостоять сильнейшему спарринг-партнеру, и образ женщины растворился и исчез, уступив место образу жестокого и опытного противника.

– Все, хватит, – подняла руки вверх кореянка, увернувшись от моего очередного удара.

Я сел на землю, стараясь отдышаться.

– Ну и задала же ты мне трепку! – с восхищением произнес я. – Я знал, что ты хорошо дерешься, но даже не подозревал, насколько здорово ты это делаешь.

Лин усмехнулась.

– Теперь ты изменил свое мнение о женщинах?

– На интеллектуальном уровне – да, но в глубине души я не могу считать тебя обыкновенной женщиной. Ты для меня – само совершенство, ты принадлежишь к совершенно другой культуре, и, кроме того, ты – последователь Спокойных, так что мне трудно обобщить мой опыт с тобой и сделать его частью своей модели мира.

– Не беспокойся, с помощью медитации осознания ты сможешь перестроить свой взгляд на женщин, – подмигнула мне кореянка.

Мы вернулись во времянку.

– Ты должен начать упражнение прямо сейчас, пока воспоминания о нашем поединке свежи в твоей памяти, – сказала Лин. – Выполни медитацию воспоминаний и переместись назад по линии жизни в "первый кирпичик Вероники", а затем замедли время и полностью восстанови свои ощущение

ния в момент, когда ты ударил ее, и затем, когда ты осознал, что ударил женщину.

Поскольку незадолго до этого разговора я выполнял упражнения по выправлению искаженных кирпичиков модели мира, это было нетрудно сделать. Даже без указаний Лин я знал, как я должен поступить, чтобы изменить вредную для воина установку.

Восстановив в ощущениях нужный отрезок времени, я переместился в позицию стороннего наблюдателя и выполнил медитацию осознания, внедрив в свою модель мира новый опыт, заставивший меня произвести переоценку ценностей. В этом новом опыте женщина могла быть как символом женственности, так и жестоким и беспощадным врагом.

Сохранив осознание этого ощущения, я снова переместился внутрь "первого кирпичика Вероники", но мой жизненный опыт теперь был иным. Моя реакция была самой естественной неосознанной реакцией на неожиданную агрессию, и в этом не было ничего ужасного или постыдного. Я почувствовал, как прежнее восприятие ситуации уплывает назад по нити жизни, угасая и растворяясь в бесконечности.

Угрызения совести больше не терзали меня. Мое новое ощущение себя было таким непривычным, что я попытался вернуться к своему прежнему осознанию. В ностальгическом порыве вернуть утраченные иллюзии детства я неожиданно для себя самого попытался воспроизвести его, но оно ускользало, как льдинка, тающая на раскаленной сковородке.

Мне вдруг вспомнились слова Лин:

– То, как ты реагируешь на женщину, должно определяться лишь контекстом данного момента. Старайся использовать лучшее, что в ней есть, и мягко обходи острые углы, но никогда не проецируй на нее своих ожиданий.

Хотя в тот момент речь шла совсем о другом, лишь сейчас я осознал важность заключительной части фразы: "Никогда не проецируй на нее своих ожиданий".

Я попробовал представить себе какую-то абстрактную женщину. Перед моим внутренним взором возник неясный расплывчатый образ. Я не знал, кто эта женщина, чего она хочет и что я мог бы ожидать от нее в следующий момент.

Мое восприятие ее было ровным и чистым, как белый лист, на котором жизнь должна была оставить свои отметки. Я ничего не проецировал на нее. Я просто ждал.

– Вот видишь, ты это сделал, – прошептала Лин, всем телом прижимаясь ко мне.

Глава 10

На зимние студенческие каникулы я съездил в Москву навестить сестру, а заодно посмотреть, чем дышит столица. В отличие от по-южному спокойного Симферополя жизнь в Москве была ключом, и сестра активно вращалась в ее бурлящих водоворотах.

В предыдущих книгах я много рассказывал о моих родителях, но мало упоминал о сестре. Леночка, подобно большинству членов моей семьи по линии матери, обладала яркой и всеподавляющей индивидуальностью. В наследство от мамы ей достался устойчивый огненный темперамент и на редкость властный характер. Но если у матери недостатки характера компенсировались исключительно щедрым и добрым сердцем и наилучшими намерениями по отношению к окружающим людям, огненная воля сестренки была направлена лишь на немедленное удовлетворение ее личных потребностей, выразившихся в чрезмерно развитой жажде господина, жажде поклонения, жажде самолюбования, жажде острых ощущений и т. п.

Сестра была театральным критиком и, естественно, вращалась в среде актеров, режиссеров, писателей, поэтов и прочих представителей московского бомонда, среди которых встречались весьма эксцентричные личности.

Яркая классическая красота сестры, ее властная и гордая осанка в сочетании с необузданной сексуальностью воздействовали на мужчин почище, чем валерьянка на котов. Именно благодаря этим своим качествам провинциальная девочка, закончившая факультет журналистики и отправившаяся покорять столицу, ухитрилась в относительно короткий срок сделать в Москве головокружительную карьеру.

Для начала она заморочила голову пожилому академику, который в благодарность за счастье находиться рядом со столь прелестным юным созданием купил ей кооперативную квартиру. Затем последовала непрерывная череда высокопоставленных и престижных любовников, как наших, так и зарубежных. Благодаря этому я с раннего детства познакомился с жизнью богемы.

С моей точки зрения, мужчины, испытывающие неодолимую тягу к Леночке, были совершенно лишены инстинкта самосохранения. Сестренка, несмотря на свое рабоче-крестьянское происхождение,

ние, всегда держалась с надменностью и высокомерием аристократки, взирающей свысока на копошащихся у ее ног ничтожных представителей мужского пола и милостиво предоставляющей им возможность приглашать ее в дорогие рестораны, дарить драгоценности и меха, а также выражать неустанное восхищение ее особой.

Капризная властность сестры привлекала мужчин, которым нравится покорять женщин так, как покоряют вершины: чем стервозней и недоступней дама их сердца – тем лучше, поскольку это подогревает азарт борьбы. Однако, покорив вершину, немногие удерживались на ней даже в течение месяца. Сестренка со своими непомерными требованиями, скандалами и капризами неизменно ухитрялась рано или поздно довести до белого каления даже самых верных своих обожателей.

Так, напившись в ресторане, она могла из-за любой не понравившейся ей мелочи начать кидаться тарелками или столовыми приборами. Однажды, когда сестренка, как всегда из-за очередного пустяка, впала в ярость, мне пришлось воспользоваться навыками, полученными во время обучения у Ли. К своей чести, я ухитрился поймать и поставить обратно на стол все предметы сервировки, которые прицельно и методично запускала в меня разбушевавшаяся Леночка.

Сестра была старше меня на двадцать лет, у нее не было своих детей, и чувства, которые она испытывала ко мне, были скорее материнскими, чем сестринскими. С раннего детства, приезжая из Симферополя в столицу, я словно оказывался в другом мире. Сестра водила меня в театры, на Кремлевские елки, брала с собой в самые шикарные рестораны Москвы, где ее иностранные любовники иногда платили за ужин невероятные по нашим тогдашним меркам суммы, приглашала на дипломатические приемы, где я поражался необъятным размерам праздничных тортов и наслаждался божественным вкусом совершенно необычных конфет.

Я бывал на вечеринках актеров и писателей, и, хотя подобный опыт давал мне огромный заряд духовной энергии, возможно, именно это обстоятельство начисто лишило меня пристрастия к богемной жизни и тяги к роскоши и высшему обществу, столь характерных для сестры.

Хотя литературные и театральные вечеринки были волнующими и интересными для моего юношеского ума, как губка впитывающего новые идеи и точки зрения, в этих сборищах не было души, не было человечности, свойственной общению в провинциальных городках. Здесь мало кто прислушивался к голосу другого. Каждый старался изо всех сил выпятить свою уникальную и неповторимую индивидуальность. Это выражалось в одежде, в избыточной косметике, в склонности к интеллектуальным рассуждениям на любые темы, в удалых песнях и пьяных плясках на столах, в бесконечных и весьма далеких от истины историях о своих героических деяниях и о том, как мерзкие и тупые обыватели не понимают истинного таланта, и т. д.

Учитывая, что после принятия избыточного количества алкогольных напитков, неповторимая индивидуальность представителей богемы не требовала особых усилий для самопроявления, подобные сборища одновременно и удивляли, и развлекали меня.

Когда я вырос, сестра твердо решила превратить меня в настоящего мужчину. С ее точки зрения настоящий мужчина должен был зарабатывать кучу денег для того, чтобы с шиком просаживать их на многочисленных любовниц.

К идее заработка денег я относился с прохладцей, предпочитая тратить свое время на обучение у Ли и приобретение знаний, которые могли бы помочь мне в следовании по пути Спокойных, но от очаровательных женщин, с которыми меня регулярно знакомила Леночка, в надежде, что я наконец-то возьмусь за ум и женюсь на богатой невесте, получив, вдобавок, московскую прописку, я не мог отказаться. Так что, благодаря сестренке, я до сих пор бережно храню воспоминания о моих юношеских московских любовных приключениях, об актрисах и певицах, которых я до сих пор вижу на экране телевизора, даже не зная, вспомнят ли они сейчас мое имя.

В те зимние каникулы я выяснил, что увлечение оккультными и эзотерическими учениями стало очень модным в богемной среде. Сестра была близко знакома с Эдуардом Наумовым, который в то время будоражил воображение интеллектуалов, читая лекции по парапсихологии и демонстрируя фильмы о филиппинских операциях, во время которых врачи вскрывали брюшную полость человека с помощью одних лишь рук, без каких-либо хирургических инструментов, фильмы о бразильских лекарях, о том, как вырезают катаракту при помощи кухонного ножа, и т. д.

Поскольку подобные темы меня очень интересовали, я вдоволь побегал по оккультным кружкам, и чего только там не насмотрелся.

Народ лечил наложением рук, видел привидения и странные призрачные сущности, шастающие по углам, экстрасенсы устанавливали контакт с летающими тарелками, сообщая восхищенным поклонникам подробности интимной жизни инопланетян.

Кто-то получал откровения от самого Иисуса Христа и читал проповеди о том, как надо жить и

что делать, один экстрасенс оказался перевоплощением египетского бога Тога, и теперь он нес в массы тайные знания египетских жрецов, кто-то в прошлой жизни был царем Давидом, кто-то был Чингисханом, кто-то клялся, что умеет проходить сквозь стены и видеть прошлое и будущее...

Мне даже удалось познакомиться с одним достаточно любопытным и загадочным человеком, «магом», услугами которого, несмотря на то что эзотерические учения официально считались "враждебной идеологией", пользовались даже члены правительства. О встречах с ним мне бы хотелось рассказать поподробнее.

Наш с сестрой график "встреч с замечательными людьми" оказался настолько плотным, что я уже успел порядком подустать от череды самых разных квартир, лиц и бесед на модные темы. Но, зная, что спорить с сестренкой бесполезно, я безропотно подчинился, когда поздним вечером она заявила, что сегодня мы поедem в гости к очень интересному человеку.

– Кто он такой? – без особого энтузиазма спросил я.

– Это знаменитый маг, – торжественно произнесла Лена. – Его услугами пользуются многие важные люди, как наши, так и из-за рубежа. У него бывают клиенты даже из Кремля.

Такси остановилось около большого добротно построенного кирпичного дома сталинских времен. Квартира оказалась под стать дому – с широкими коридорами, просторными комнатами и высокими потолками.

Человека, открывшего нам дверь, я скорее принял бы за директора преуспевающего предприятия, чем за мага, хотя, в те памятные советские времена, маги, опасаясь Комитета, старались не слишком привлекать к себе внимание.

Хозяин квартиры был одет в строгий темно-серый костюм, с которым великолепно гармонировали галстук и дорогие импортные туфли. Это был высокий стройный мужчина лет сорока с каштановыми волосами и пронзительным взглядом темных глаз. В его манере держаться проскальзывала почти царственная властность.

– Леонид, познакомься, это мой брат, Саша, – представила меня Лена.

Мы пожали друг другу руки.

– Проходите, пожалуйста, – маг сделал рукой широкий приглашающий жест.

Мы вошли в зал. Теперь я понял, как должно было выглядеть жилище мага.

Стены зала и, как впоследствии оказалось, всех комнат были оббиты натуральной кожей, темный цвет которой удивительно хорошо сочетался с яркими цветовыми пятнами занавесок, подушек, картин, эстампов и гобеленов, в изобилии развешанных на стенах. Пол закрывал огромных размеров ковер пурпурных тонов с очень длинным ворсом. В центре стоял старинный квадратный дубовый стол с четырьмя массивными дубовыми стульями, а прямо над центром стола на длинной цепи с четырехметрового потолка свисал большой зеленый абажур, расположенный с таким расчетом, чтобы свет заливал только стол, а люди, сидящие за ним, и вся остальная часть зала были окутаны таинственным полумраком.

Около одной из стен стояло укрытое огромным роскошным покрывалом сооружение, напоминающее то ли гигантскую тахту, то ли узбекский дастархан – укрытый коврами деревянный помост, на котором люди усаживались, чтобы поболтать, выпить чай или съесть ароматный плов.

На «дастархане» были живописно разбросаны бесчисленные подушки, гармонирующие расцветкой с ковром и покрывалом.

Четыре размещенные по углам колонки музыкального центра создавали эффект квадрофонического звучания.

– Во время сеансов здесь обычно сидят зрители, – указывая на «дастархан» объяснила мне Лена. – Клиенты располагаются за столом, а пифии входят в транс на ковре между столом и тахтой.

– Пифии? – удивился я. – Это что, как у Дельфийского оракула?

– Вроде того, – усмехнулся Леонид. – Но мои предсказывают точнее.

Маг предложил нам продолжить экскурсию по дому. Комнаты поразили меня еще больше, чем зал, поскольку там я обнаружил несметные сокровища – идущие от пола до потолка полки с эзотерическими книгами на самых разных языках и невероятное количество красиво переплетенных томов самиздатовских переводов. Никогда в жизни я не видел подобного собрания книг.

Коллекция духовной музыки всех времен и народов оказалась под стать библиотеке.

У Леонида была даже недоступная тогда частным лицам собственная множительная техника.

"Странно, что к нему еще не пришли с обыском, – подумал я. – Комитет просто не может не знать про подобную квартиру".

Потом я понял, в чем тут было дело.

При виде моего неподдельного восхищения в глазах Леонида отразилась симпатия. Он почув-

ствовал, что в чем-то мы были родственными душами.

Мы разговорились. Не упоминая имени Учителя, я рассказал магу о некоторых техниках Шоу-Дао, в том числе о пальцовках и о методах управления сексуальной энергией. Его очень заинтересовал способ активизации энергии с помощью ножа. Для этой цели маг одолжил мне роскошный старинный кинжал, рукоятка которого была украшена фигурами четырех мифических животных с человеческими лицами, символизирующими единение четырех стихий.

Мы понравились друг другу, и Леонид предложил мне зайти в гости на следующий день.

Мы встретились еще несколько раз, наша взаимная симпатия росла, но я чувствовал, что на Леонида несколько сковывающе действовало присутствие сестры. И вот однажды Леночка сделала нам подарок, сказав, что ей нужно на пару часов выйти в город за покупками и что она оставляет нас одних. Тогда я задал вопрос, который интересовал меня все это время.

– Лена говорит, что на своих сеансах ты творишь чудеса, – сказал я, – что твои пифии угадывают совершенно невероятные вещи, да и сам ты неплохо предсказываешь судьбу. Я на собственном опыте убедился в том, что ясновидение существует, но, насколько я знаю, это не такая вещь, которую легко каждый вечер демонстрировать в салонах.

Маг усмехнулся.

– Я объясню тебе кое-что, – сказал он, – но пусть это останется между нами. Я изучал оккультные и эзотерические науки много лет, я сам испробовал множество эзотерических практик, и я искренне верю в то, что все, о чем говорится в книгах, действительно можно осуществить. Но то, чем я занимаюсь, – это бизнес, и бизнес очень серьезный, в котором я не могу полагаться на случай. Поэтому как только у меня появляется солидный клиент, я не назначаю ему сеанс до тех пор, пока по своим каналам не выясню про него всю подноготную – от того, что он предпочитает есть на завтрак и каков его любимый цвет, и до того, чем занимаются его любовницы в свободное время.

– Но ведь это не так просто, – заметил я.

– А я и не говорил, что это просто, – пожал плечами Леонид.

Мне довелось стать свидетелем двух сеансов мага – в одном случае он гадал на хрустальном шаре, а в другом случае это было уже серьезное мероприятие для высокопоставленных клиентов – с пифиями и всеми необходимыми магическими аксессуарами и прибабасами.

Сеанс с хрустальным шаром не был заранее подготовлен, и, похоже, Леонид знал о клиентке не слишком много. Я с интересом наблюдал за происходившим, тем более что все трюки подобных «предсказаний» были мне давно и хорошо известны.

Маг и молодая девушка сели за стол друг напротив друга. В круге света от зеленого абажура посверкивал на подставке большой хрустальный шар.

Леонид искусно изобразил на лице признаки транса. Он расслабил мышцы лица, выразительно закатил глаза и, к моему восхищению, даже ухитрился вспотеть. Затем проникновенным низким голосом маг очень медленно и с большими паузами между словами начал выговаривать первую фразу.

– Вам... мешает... черный... человек... – сказал он, незаметно косясь на девушку закаченным глазом.

– Черный... черный... – добавил он, внимательно наблюдая за реакцией клиентки.

Заметив, что образ черного человека не вызывает у девушки ничего, кроме полного недоумения, маг решил изменить курс и неожиданно, резко повысив тон, произнес:

– Вот он выходит из темноты! Он – блондин! – и снова косой взгляд закаченного глаза на клиентку.

Увы, похоже, блондины в ее жизни были не частым явлением, и снова лицо девушки выразило разочарование. Но Леонида это не смутило.

– Да, я вижу! Вижу! – с драматическим подвыванием неожиданно провозгласил он. – Он не блондин, это лишь отблеск света на его темных волосах.

Девушка напряглась и затаила дыхание.

Я буквально физически почувствовал, как расслабился Леонид, попав наконец в нужную струю.

– Да, теперь я хорошо вижу его, – продолжал вдохновенно развивать тему маг. – У него темные волосы, рост выше среднего, и он молод – не старше тридцати. Клиентка нервно облизала губы. Далее сеанс продолжался в том же духе.

– Вот он приближается ко мне, – говорил Леонид. – Так-так, кажется, я что-то вижу у него на лице. Шрам? – взгляд на девушку.

– Или это родинка? – взгляд на девушку.

– Да, я вижу, это родинка! На щеке? Или на лбу? Нет, кажется, на подбородке!

Наблюдая за произвольными реакциями девушки, Леонид наметанным глазом определял, что

именно ей хотелось бы услышать, причем с криком: "Вижу! Вижу! Теперь я все ясно вижу!" ему ничего не стоило изменить прежнее не вызвавшее адекватной реакции утверждение на прямо противоположное.

Надо ли говорить, что клиентка покинула мага полностью удовлетворенная и с искренней верой в выдающиеся ясновидческие способности Леонида.

Тщательно подготовленный сеанс с пифиями оказался гораздо более впечатляющим.

Три клиента из сильных мира сего расположились за дубовым столом. Они и зрители, устроившиеся на подушках «дастархана», зачарованно смотрели на причудливо извивающихся на ковре пифий.

Тут было все – и монотонная восточная музыка, льющаяся из квадрофонической установки, и ароматы дурманящих курений, наполняющие комнату.

Все окна и дверные проемы были занавешены тяжелыми красными бархатными шторами, отороченными той же самой кожей, которой были оббиты стены, и это создавало удивительное ощущение замкнутого пространства, отрезанности от всего остального суетного и грешного мира.

Три пифии, очень красивые девушки, одетые в короткие белые полупрозрачные туники, встали на колени и, взявшись за руки, образовали равносторонний треугольник, в центре которого, покачиваясь и вытягивая руки к небу, стояла четвертая пифия. Сначала пифии, образующие треугольник, ритмично извивались всем телом в такт музыке. Постепенно ритм их движений убыстрялся, движения становились более размашистыми. Наконец они разомкнули руки и принялись, все так же извиваясь, обласкивать руками четвертую девушку. В этих, нарочито затянутых обласкивающих движениях была удивительная пластика, гармония, тайна, притягательность и сексуальность.

Наконец, центральная пифия с мелодичным сексуальным стоном вышла из круга и, не прекращая своего причудливого танца, стала ходить по комнате вокруг стола. Время от времени она наклонялась к уху одного из клиентов, сидящих за столом, и что-то шептала ему. Меня поражали метаморфозы, происходившие при этом с мужчинами. Клиенты вздрагивали, краснели или бледнели. На их лицах чередовались страх, недоверие, изумление или радость. Словом, спектакль был поставлен и отрежиссирован с безукоризненным мастерством.

Я попытался вывести у сестры побольше сведений о Леониде, и она рассказала мне, что маг был сыном очень богатых и влиятельных родителей и что он сам был очень богат и пользовался огромным влиянием и властью.

Мне, уже имевшему возможность ознакомиться со стилем работы Комитета Госбезопасности, стало ясно, что Леонид – ставленник Органов. Почти наверняка его использовали как консультанта по всем вопросам, связанным с эзотерическими науками. Кроме того, при подобной постановке дела он действительно мог проводить очень серьезную работу, как в смысле шпионажа, поскольку он пользовался широкой популярностью и среди иностранных клиентов, так и некоторым образом влияя на расстановку сил в стране. У меня не вызывало сомнений, что многие интимные сведения о высокопоставленных клиентах маг получал именно от комитетчиков.

Но, невзирая на несколько грязную подоплеку своего бизнеса и несмотря на откровенные мошеннические приемы, Леонид действительно был искренне и фанатически увлечен оккультными науками, и он твердо верил в то, что в определенных ситуациях все, чего он добивается при помощи жульничества, можно было бы осуществить при помощи развития магической силы.

То, что делал Леонид, напомнило мне историю знаменитого в тридцатые годы в Германии мага, салон которого посещали Гитлер и высшие чины нацистской партии. Там тоже все было организовано на высшем уровне, но маг сделал одну промашку – заранее располагая информацией, что нацисты собираются поджечь Рейхстаг, чтобы впоследствии свалить вину на коммунистов, он предсказал поджог Рейхстага. Боясь, что маг на допросе сможет выдать истинных виновников поджога, Гитлер приказал на всякий случай убить его.

Я вернулся в Симферополь переполненный впечатлениями, но слегка обалдевший от обилия свалившейся на меня информации. Встреча с Учителем оказалась целительным бальзамом, пролившимся на мою утомленную московской богемой душу.

До ночной тренировки оставалось еще много времени, и мы отправились бродить по городу, беседуя о прошедших событиях. Я подробно рассказал Ли о своих столичных впечатлениях и о магическом салоне Леонида.

– Хотя ты смеешься, пересказывая мне свои приключения, я чувствую нотку печали в твоём голосе, – заметил Учитель. – Почему?

– Я стараюсь воспринимать все спокойно и с юмором, как и положено воину жизни, – сказал я, – но я действительно чувствую грусть. Не знаю, как определить ее природу, – наверное, это грусть

от человеческой глупости. Я понимаю, что невежественные люди в деревнях могут верить во все что угодно, но то, что москвичи с высшим образованием несут всякую белиберду и верят в самую несусветную чушь, это в глубине души заставляет меня страдать. Когда я был ребенком, мне нравилось видеть во взрослых авторитеты. Я считал, что в книгах написаны мудрые вещи, что специалисты своего дела всегда могут дать правильный совет и объяснить, что к чему. А тут я столкнулся с группами людей, которых интересуют те же самые темы, что и меня, но они кажутся мне совершенно лишенными способности здраво мыслить и нормально воспринимать реальные факты.

– Это лишь твоя точка зрения, – сказал Учитель.

– А разве я не прав? – спросил я.

– Ты забываешь о том, что у каждого человека – своя собственная правда. Твоя правда помогает жить тебе, а их правда облегчает им их существование.

– Но их правда далека от реальности! – возмущенно воскликнул я. – Ты сам говорил мне, что чем шире и объективнее модель мира человека, тем ему легче правильно действовать в этом мире.

– Люди не хотят действовать правильно, – сказал Учитель. – В действительности, они хотят действовать так, чтобы эти действия доставляли им душевный комфорт, и иногда такая позиция может быть оправдана, хотя Спокойные придерживаются другой точки зрения. Я расскажу тебе шоу-даосскую притчу на эту тему. Она называется "Вещий сон о священной свинье".

Приснился как-то святому человеку сон про танцующую свинью. Та свинья танцевала в священной роще, и все ее тело от пяточка до хвоста было украшено цветами и разноцветными лентами.

Проснулся святой человек и долго думал, что может означать столь странный сон. Думал он, думал, ничего не придумал, и решил спросить у соседа, как истолковать его ночные видения.

А в хлеву у соседа в ту пору жила Мудрая Свинья, которая и подслушала весь разговор между святым и хозяином о странном сне. Услышала она, что хозяин посоветовал святому пойти в рощу и посмотреть, живут ли там танцующие свиньи.

Со всех ног бросилась Свинья в дом, изорвала на ленты одежду хозяина, украсилась цветами и лоскутами и помчалась в рощу, где принялась скакать и вертеться на задних ногах, да так быстро, как только могла.

Пришел в рощу святой человек и видит – танцует в роще свинья, от пяточка до хвоста цветами и лентами украшенная.

Удивился святой, отвесил Свинье поклон и обратился к ней со следующей речью:

– Скажите, уважаемая Свинья, почему Ваше тело так украшено и по какой причине Вы танцуете здесь, в святой роще?

– На все твои вопросы один ответ, – сказала Свинья, прервав танец и чинно усевшись перед святым. – И танец мой, и украшения угодны богам! В священной роще каждое утро слышу я их голоса, а чтобы ничего не пропустить, я то подпрыгиваю, то приседаю, то поворачиваюсь во все стороны. Боги обращаются ко мне с речами для избранных. Что же касается тебя, то твое предназначение – стать пророком и разъяснять людям сказанное богами.

– Так вот почему мне приснился вещий сон! – подумал святой, но все же обратился к Свинье с еще одним вопросом:

– Скажите, Свинья, а отчего боги среди прочих земных тварей именно Вас избрали вместилищем их речей? Ответила святому Свинья:

– Непомерна гордыня человека. Общаясь с богами, он забывает о том, что сам он – порождение грязи и источник ее и что лишь великими делами может он изменить свою судьбу. Оттого боги и прибегают к услугам таких тварей, как я. В прошлой жизни я была курильницей в храме и за хорошую службу стала свиньей. Но сейчас не время для бесед. Пора исполнить волю богов. Ты должен передать их слова людям.

Начала Свинья говорить святому мудрые речи, а тот их старательно записывал и читал народу, приходившему к священной роще посмотреть на танцующую свинью.

На все вопросы у Свиньи находились ответы, даром была она Мудрой Свиньей.

В скором времени со всех концов Поднебесной потянулись к священной роще толпы людей поклониться чудесной свинье и наставнику-прорицателю. Как-то пришел на поклон и бывший хозяин свиньи.

– Да ведь это же моя хрюшка! – в полном изумлении воскликнул он. – А я ее как раз

заколоть собирался незадолго до того, как она пропала!

– Это не хрюшка, а вестник богов, – укоризненно сказал святой. – Вот тебе деньги, купи себе стадо скота, да еще и нескольких свиней впридачу.

С досадой и завистью принял бывший сосед деньги святого и сказал на прощание:

– Не может эта свинья быть Голосом Богов! Как ни убеждай меня – не поверю!

– Один голос не слышен в гомоне десяти. Он слышен лишь, когда остальные молчат, – ответил святой, а затем добавил: – Как жуку неведомы помыслы человека, так и человеку неведомы помыслы небожителей. Как можешь ты знать волю неба?

Может быть, и прав был святой, только один старик сказал по этому поводу:

– Что в руках одного – глина, то у другого – золото, а упустив свое – на чужое не зарься. А другой старик сказал:

– И святому человеку хочется вкусно поесть и на мягком поспать. И еще сказал:

– Лучше быть сытым и довольным, но при этом в чьих-то глазах выглядеть дураком, чем казаться другим умным, но быть голодным.

– Какая многозначная притча! – восхитился я. – По-моему в ней можно отыскать бесчисленное количество подтекстов.

– Она многозначна, как жизнь, – сказал Учитель. – Жизнь полна подтекстов, и жизнь полна субъективных истин.

– Знаешь, Леонид чем-то напоминает мне Мудрую Свинью, – усмехнулся я. – Он тоже взял на себя роль "вестника богов", только, пожалуй. Мудрая Свинья более честна и бескорыстна.

– Не скажи, – возразил Ли. – Став "вестником богов", хитрая хрюшка неплохо устроила свою жизнь. Если ты помнишь, хозяин собирался ее зарезать. Но кто же осмелится поднять руку на "Голос Богов"! Одним махом она получила все – пищу, славу и власть.

– И все равно, их нельзя ставить на одну доску, – не согласился я. – Мудрая Свинья действительно была мудрой, и ее советы приносили людям пользу. Леонид не обладает мудростью, он лишь считает себя умнее других, потому что он прочитал сотни томов эзотерической литературы. Он обладает информацией, но не мудростью.

– Но он-то этого не знает, – весело воскликнул Учитель. – Он-то считает себя мудрым. Он считает себя вправе давать людям советы! Кроме того, не забывай слова святого: "как жуку неведомы помыслы человека, так и человеку неведомы помыслы небожителей".

Я пожал плечами. Слова Ли почему-то оставили у меня в душе неприятный осадок.

– Мне просто не нравится намеренная ложь, – сказал я.

– Слова всегда лгут, – заметил Учитель. – Так почему же одна ложь неприятна тебе, а к другой ты относишься спокойно?

– Не надо утрировать, – сказал я. – Ты же понимаешь, что я имею в виду.

– Ты забыл о том, что даос всегда выбирает срединный путь, – улыбнулся Ли. – Добро и зло, польза и вред – лишь категории, созданные человеческим умом. Тебе грустно оттого, что люди не видят твою правду, но точно так же ты не хочешь видеть их правду, считая ее "неправильной правдой". Тебе бы хотелось, чтобы твои московские знакомые обладали мудростью Шоу-Дао, но это невозможно, и нет смысла об этом грустить. Человечество такое, какое оно есть, и принимать его надо именно таким. Именно поэтому, где бы ни появлялись Спокойные, они создают свой собственный клан, семью единомышленников, в которой они всегда могут найти взаимопонимание и поддержку. Но люди внешнего мира не менее интересны, и, общаясь с ними, ты можешь узнать много новых полезных вещей и получить истинное удовольствие.

– Ты прав, как всегда, – вынужден был признать я.

– Конечно, я прав, – кивнул головой Учитель. – Не забывай, что ты не можешь сказать «да», ты просто желаешь этого. Возьми, например, самосовершенствование: хорошо оно или плохо? Разве ты можешь однозначно ответить на этот вопрос? Или возьми столь горячо любимое тобой Шоу-Дао, без которого ты уже жизни своей не мыслишь. А ведь найдутся люди, которые категорически не примут учение Спокойных, и по-своему они будут правы.

– Ну, с Шоу-Дао это понятно, – сказал я. – А что плохого может быть в самосовершенствовании? Что может быть прекраснее процесса самоосознания, расширения спектра своих способностей и увеличения своих возможностей для более полноценной и насыщенной жизни. Можно спорить о том, что представляет собой самосовершенствование и каким путем стремиться к нему, но само по себе самосовершенствование не может быть плохим.

– Самосовершенствование всегда предполагает изменения, – возразил Ли. – А теперь пред-

ставь, что кому-то страшно меняться, что он сознательно или подсознательно расценивает перемены в себе – в своем мировоззрении, в своих убеждениях или привычках – как смерть себя прежнего, не важно, плохого или хорошего, но – себя, любимого, единственного и неповторимого...

Учитель замолчал, с довольным видом наблюдая за изменениями, происходящими с моим лицом.

– Ну, если так... – разочарованно протянул я.

– Большинство людей враждебно настроены к новым для них истинам, поскольку они не обладают способностью подстраиваться к постоянно меняющемуся миру и не наделены в достаточной мере мудростью срединного пути. Разве ты можешь ожидать от них стремления к самосовершенствованию?

– Но ведь не задумываться над очевидным – это болезнь! – воскликнул я.

– С точки зрения Спокойных – да, а с точки зрения обычных людей – это норма, – пожал плечами Ли. – Как ты думаешь, почему народ так цепляется за традиции, за свои маленькие привычки и бессмысленные навязшие на зубах ритуалы? Поддерживать в себе иллюзию неизменности – это способ защитить себя от перемен, отказываясь признавать их, закрывая глаза на то, что происходит за стенами домов и квартир. И единственное лекарство от болезни добровольной слепоты – это развитие интуитивной мудрости, обретаемой через упражнения "наблюдения за собой и миром".

– Расскажи мне еще немного о даосской интуитивной мудрости, – попросил я. – Мы уже не раз говорили на эту тему, но каждый раз в твоих словах я открываю для себя что-то новое и интересное.

– Даосская интуитивная мудрость – это странная штука, – сказал Учитель. – Это совсем не то, что называется «мудростью» в европейской традиции. Интуитивная мудрость "всадника, оседлавшего ветер" – это способность к спонтанной подстройке его внутреннего мира под внешний мир, при которой одно не подменяется другим. Для того чтобы чутко подстраиваться под изменения внешнего мира, воин жизни должен обладать уникальной чувствительностью, поскольку мир постигается именно чувствами, а не разумом. Разум порождает идею, под которую подгоняется мир, а правильно настроенные чувства помогают избежать зависимости от интеллектуальных построений и схем. Правильно настроенные чувства – это чувства, относящиеся именно к данному моменту, а не к воспоминаниям прошлого или к порожденным разумом фантазиям о будущем. Интуитивная мудрость даосов – это доверие к жизни, к ее бесконечному изменчивому и непредсказуемому потоку, уносящему нас в неведомое.

Можно бороться с течением, увлекающим нас по реке времени, а можно отдаться потоку, не вступая в схватку с ним, а лишь подправляя свой путь в подходящие для этого моменты, корректируя его точными и эффективными действиями.

Иногда крошечное усилие, сделанное вовремя, дает больший результат, чем годы напряженных трудов. Поэтому интуитивная мудрость дает ответы не только на вопрос: "Как?", она отвечает на гораздо более важный вопрос: "Когда?".

Я уже не раз упоминал даосскую пословицу: "Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как мимо проплывет труп твоего врага". Эта пословица говорит о важнейших добродетелях – терпении и умении ждать, но ждать опять-таки не в европейском понимании "ожидания какого-то конкретного результата", а ждать, наслаждаясь текущим моментом, наслаждаясь жизнью без погружения в нетерпеливые фантазии о будущем. Спокойные не стремятся повелевать жизнью, пытаются, подобно европейцам, загнать ее в рамки своих странных и нереальных представлений, они становятся хозяевами своей жизни и своей судьбы, гармонично подстраиваясь к внешнему миру, но не вступая с ним в конфликт.

Глава 11

Я возвращался домой поздно ночью. Я уже привык сканировать шестым чувством пустынные окрестности. Напряженные тренировки и наставления Ли приучили меня быть особенно осторожным, когда все вокруг кажется спокойным и мирным.

Небольшая вибрация, прокатившаяся через круг воина, заставила меня напрячься. Я знал, что кто-то скрывается в темноте, поджидая меня, я даже почувствовал направление, откуда исходили импульсы затаившегося человека.

Я знал, что он находится под аркой, ведущей во двор моего дома. Я вошел под арку, стараясь не менять характер движений, чтобы не выдать своей готовности к схватке. И все же в момент, когда тень бесшумно отлепилась от стены и двинулась ко мне, я вздрогнул от неожиданности. Мое тело автоматически приняло боевую стойку.

– Завтра в шесть часов вечера Ли будет ждать тебя на троллейбусной остановке в Верхней Кутузовке, – негромко произнес молодой кореец, проходя мимо меня в выходу. Он даже не взглянул в мою сторону. Через пару секунд он растаял в темноте, как привидение.

"Я даже не слышал его шагов, хотя их звук должен был усиливаться под аркой", – с завистью подумал я.

Хотя я освоил технику бесшумного передвижения, мне с моей комплекцией она давалась не слишком легко.

Этой ночью я долго не мог заснуть. Учитель уезжал на несколько дней, и я не знал, когда он должен был вернуться. Я пытался догадаться, зачем он послал ученика дожидаться меня до глубокой ночи, когда можно было просто позвонить по телефону и передать его слова. Я размышлял о последователях Спокойных из крымской корейской общины. Хотя мне не раз приходилось сталкиваться с ними, и они даже называли меня "старшим братом", в связи с тем, что я учился непосредственно у Учителя, в то время как их постоянным наставником был другой мастер Шоу-Дао, менее высокого уровня, ни с кем из них, кроме Лин, мне до сих пор не удалось познакомиться поближе. Я не знал ни их имен, ни где они живут, ни чем они занимаются в обычной жизни.

Остановка, которую выбрал для встречи Учитель, находилась на шоссе между Симферополем и Алуштой, ближе к Алуште. Я вышел из троллейбуса минут за десять до назначенного времени. Учителя еще не было. Я огляделся вокруг, пытаюсь угадать, что меня сегодня ожидает.

Наверное, это самое красивое место на этом шоссе, подумал я. Слева от меня поднимались вверх крутые скалистые обрывы крымской яйлы. Залитые солнечным светом скалы были удивительно красивы.

"Наверняка мы пойдем в горы, – решил я. – Учитель ничего не делает просто так. Сегодняшний день должен быть особенным".

Легкое прикосновение ладони к затылку оторвало меня от размышлений. Я не знал, как Ли очутился у меня за спиной. Ни один троллейбус, ни одна машина не останавливались около остановки за все время, пока я ждал.

Учитель сделал мне знак следовать за ним, сохраняя молчание. В этот раз вместо обычной для него холщовой сумки он нес небольшой порядком потрепанный рюкзак защитного цвета.

Как я и предполагал, мы двинулись в горы. Похоже, Учитель был хорошо знаком с маршрутом, по которому мы следовали, поскольку он, не задумываясь, отыскивал почти незаметные удобные тропинки среди деревьев и скал. Через пару часов ходьбы в быстром темпе я слегка подустал и начал подумывать о том, что неплохо бы сбросить лишний вес. Я был уже порядком вымотан, когда Ли сделал знак остановиться и, скинув рюкзак, уселся у подножия огромной, почти вертикальной скалы, составляющей часть обрыва верхней части яйлы.

– Эта ночь будет долгой для тебя, – сказал Учитель. – Сегодня твоими стихиями будут стихия земли и стихия воздуха. Выполни упражнение дыхания ци земли и неба. Ты должен полностью восстановить свои силы.

Я разделся и, выбрав относительно ровный участок, лег на землю. Солнце уже опускалось за горизонт, но земля, прогретая его лучами, пока сохраняла тепло.

Упражнение, о котором говорил Ли, в чем-то напоминало упражнения укоренения и разветвления, но мыслеобразы энергообмена с землей и воздухом были менее четкими и определенными. Я лежал на животе, раскинув в стороны руки и ноги, словно в попытке обнять землю, и на вдохе через всю поверхность тела, контактирующую с почвой, втягивал в себя ци земли, насыщая ею свое тело и одновременно выбрасывая вверх, в воздух, через спину, голову, руки и ноги "лишнюю ци". На выдохе я проделывал противоположную операцию, вбирая через контактирующую с воздухом часть тела ци неба, насыщая ею тело и сбрасывая излишки энергии в землю. Время от времени я переворачивался на спину, на левый или на правый бок. Мое тело интуитивно ощущало, какая его часть особо нуждается в данный момент в контакте с почвой. Я начал интуитивно тереться о землю, перекачиваясь по ней, как это делают медведи или собаки.

По мере насыщения энергией я чувствовал себя все более расслабленным и отдохнувшим. Казалось, я растворялся в природе, теряя свою индивидуальность в этом странном слиянии с материнской мощью и щедростью земли и легким, невидимым и вездесущим воздухом. Меня охватило удивительное ощущение блаженства, а затем я задремал.

– Просыпайся, соня, – потряс меня за плечо Учитель. – Сейчас исполнится твоя мечта.

– Какая мечта? – заинтересовался я.

– Помнится, мне тут кто-то прохода не давал, расспрашивая насчет сущностей и их классификации. Ты готов встретиться лицом к лицу с кем-нибудь из них?

– Ты имеешь в виду одну из моих внутренних сущностей? – на всякий случай уточнил я.

– Именно, – подтвердил Ли. Я засмеялся.

– В таком случае "встретиться лицом к лицу" звучит довольно забавно, – заметил я. – Это все равно что встретиться лицом к лицу с самим собой.

– На твоём месте я не был бы столь оптимистично настроен, – недовольно поморщился Учитель. – Говоря о самом себе, ты подразумеваешь что-то до боли родное и знакомое и надеешься, что эта встреча будет если и не слишком полезной, то по крайней мере приятной. Однако, как правило, все оборачивается иначе. В том, с чем ты собираешься встретиться, нет ничего знакомого и приятного.

Мой энтузиазм слегка увял, хотя любопытство даже усилилось.

– А что это за сущность, с которой я собираюсь встретиться? – спросил я.

– Можешь ее называть сущностью бездны, – усмехнулся Ли.

Он замолчал. У меня тоже вдруг пропало желание задавать вопросы. Я понял, что дальнейшее продолжение разговора уже не имеет смысла.

В глазах Учителя я прочитал одобрение.

– Меня радует, что хоть иногда тебе удается сдержать поток своей болтливости. Это вселяет надежду, – заметил он.

Ли сделал паузу и, убедившись, что я не собираюсь отвечать, добавил:

– Сущность бездны – это сущность действия. Следуй за мной.

Учитель подхватил свой рюкзак и, не оборачиваясь, принялся взбираться вверх по скалистому склону.

Подъем не был трудным. Скалы изобиловали множеством уступов небольших и удобных расщелин. Вскоре я, слегка запыхавшись, выбрался вслед за Учителем на плоский край обрыва, по поверхности которого были разбросаны крупные валуны.

– Ты ведь боишься высоты, – обвиняющим тоном произнес Ли.

Я пожал плечами.

– Не то чтобы я боялся, – сказал я. – Просто после той истории, когда я в детстве всласть поболтался над пропастью, цепляясь за отрывающийся корень, у меня пропало желание вновь переживать подобный опыт. Так что альпинистом я точно не стану. Но паники при виде высоты я тоже не испытываю. Ты мог в этом убедиться, когда мы тренировались на крышах. Если я даже и боюсь, для меня не представляет трудности контролировать этот страх. Учитель поморщился.

– Не стоит так усердствовать в оправданиях, – сказал он. – Страх высоты присущ большинству людей.

– Извини, – сказал я.

– Извиняться тоже не стоит. Страх не самая плохая вещь. И один из положительных эффектов страха высоты – это то, что он является источником, питающим сущность бездны. Я уже упомянул о том, что сущность бездны – это сущность действия, то есть это сущность, побуждающая человека действовать непонятным или несвойственным ему образом. А сейчас встань на самом краю обрыва в устойчивую позу, которую я показал тебе, объясняя, какие позиций должно принимать тело воина, останавливающегося в людных местах.

Устойчивая поза заключалась в легком развороте носков ног внутрь, почти незаметном сгибании колен и размещении центра тяжести таким образом, чтобы в случае, если кто-то сзади неожиданно толкнет меня, я не упал, а мгновенно восстановил равновесие, сделав шаг вперед.

– Я должен встать на самом-самом краю? – уточнил я.

– Да, на самом-самом, – передразнил меня Учитель. – Встань вот на том каменном уступе. Он надежен и не обломится под твоим весом.

Я осторожно подошел к краю и принял нужную позу. Впервые после памятных событий детства я оказался так близко у края пропасти. Камни, раскиданные внизу, показались мне ужасающе далекими и зловещими. Хотя я знал, что устойчивая поза не позволит мне неожиданно потерять равновесие, тающий в подсознании страх заставлял мышцы непроизвольно напрягаться, и тело подергивалось, нарушая устойчивость стойки.

Я услышал, как Учитель встал у меня за спиной. Его присутствие подействовало успокаивающе. Я понимал, что в случае чего Ли подстрахует меня и уж наверняка не допустит, чтобы я свалился с обрыва.

Тело начало потихоньку расслабляться, подергивание мускулов прекратилось, и я почувствовал себя увереннее. Камни внизу уже не казались мне угрожающими, наоборот, в их расположении таилась какая-то неуловимая притягательность, странное очарование. У меня мелькнула мысль, что по-

добные ассоциации может вызывать японский сад камней.

– Ты все делаешь правильно, – услышал я голос Ли. – Расслабься и отдайся чувству.

К своему удивлению, я с легкостью выполнил его указания. По мере расслабления меня охватывало все более возбуждающее эйфорическое состояние. Пропасть, открывшаяся внизу, манила меня. Голова слегка закружилась, но это головокружение не было неприятным. Казалось, что вот-вот у меня вырастут крылья. Мне хотелось широко расправить их и воспарить, подобно птице, в подрагивающее знойным маревом пространство. Но в то же время другая часть меня, мой внутренний страж, продолжала оставаться начеку, и нарастающее в этой части беспокойство нарушало состояние блаженства. Страж напоминал мне о том, что опасно отдаваться чувству, что неконтролируемый переход к измененному состоянию сознания может заставить меня потерять равновесие и тогда я полечу вниз не как птица, а как большой стокилограммовый бифштекс.

Резким рывком за руку Учитель заставил меня потерять равновесие, и я повалился на землю. Я настолько глубоко погрузился в свое общение с пропастью, что успел позабыть и о его присутствии, и о том, что мне сегодня предстоит. Неожиданное падение испугало меня. Кажется, я даже вскрикнул.

– Ну как, тебе удалось услышать зов бездны? – спросил Ли, когда я, потирая слегка ушибленное при падении предплечье, поднялся на ноги.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Ты сам прекрасно знаешь. Вижу, тебе понравилось, – подмигнул мне Учитель.

– Действительно, мне казалось, что открывающееся передо мной пространство притягивает меня, словно приглашая прыгнуть и воспарить, отдаваясь полету, – сказал я.

– Для каждого человека зов бездны имеет свои оттенки, – заметил Ли. – Ты любишь жизнь и умеешь наслаждаться жизнью, поэтому твое чувство было легким и приятным. Для тех же, у кого подсознательная или даже сознательная тяга к смерти превалирует над любовью к этому миру, переживания носили бы мрачный характер наслаждения страхом, близкого к мазохистскому ощущению блаженства от пусть даже мимолетного соприкосновения со смертью.

– Мне знакомы подобные ощущения, – сказал я. – Со мной случались похожие вещи, когда я с отцом бывал в горах Кабардино-Балкарии или когда я смотрел с узенького шаткого моста на бурлящие внизу молочно-белые водовороты быстрой горной реки. Меня захлестывали чувства почти наркотического характера. Кроме того, когда я стоял на мосту, крепко вцепившись в перила, к щекочущему и возбуждающему ощущению засасывающего меня водоворота добавлялось еще и пьянящее чувство безопасности оттого, что я знал, что перила надежно предохраняют меня от падения.

– В подобных случаях мы имеем дело с самопроизвольными перемещениями сексуальной энергии, порожденными контролируемым страхом, – объяснил Учитель. – Во многих случаях страх является значительно более сильным стимулятором для активизации сексуальной энергии, чем сексуальное влечение. Сущность бездны формируется в результате специфических периодических перемещений сексуальной энергии, основанных на некоторых формах страха, особенно страха, соединенного с удовольствием. Зов бездны пробуждает сущность бездны, и при благоприятных обстоятельствах она может набрать такую силу, что на какое-то время станет ведущей сущностью. Неконтролируемая сущность бездны даже может привести человека к гибели, заставив его броситься вниз. Подобные вещи нередко происходят с наркоманами. Под действием наркотиков сознание и внутренние стражи теряют свою власть над человеком, и, ведомые сущностями бездны, наркоманы выпрыгивают из окон, бросаются с крыш, с мостов или с обрывов, чтобы обрести наслаждение нескончаемого полета в никуда.

– Видимо, то же самое происходит и с парашютистами, – заметил я. – Мне доводилось беседовать с ребятами, профессионально занимающимися парашютным спортом, и они рассказывали о том, какое неземное наслаждение они испытывают в свободном падении или паря, как птицы, в потоках воздуха, поднимающихся с земли.

– Парашютисты тоже получают наслаждение от провоцируемого свободным падением непроизвольного подъема сексуальной энергии, – сказал Ли. – Но в их случае ведущей сущностью становится не сущность бездны, а один из внутренних стражей. Но твоим заданием сейчас станет отдать бразды правления сущности бездны, то есть полностью отключить все остальные сущности, в том числе и внутренних стражей.

– А как этого добиться? – спросил я. – Когда я стоял над обрывом, у меня было искушение полностью отдаться во власть того, что ты называешь "зовом бездны", но в глубине души я был уверен, что если я потеряю контроль, то вполне могу, ничего не соображая, сигануть вниз.

– Ты бы и сиганул, не сомневайся, – усмехнулся Учитель. – Но все очень просто. Для того что-

бы ты смог полностью отказаться от контроля, ты должен быть уверен, что находишься в абсолютной безопасности. Пойдем.

Ли достал из рюкзака длинную прочную веревку и повел меня к одному из валунов, расположенному метрах в трех от обрыва.

– Повернись ко мне спиной, – скомандовал Учитель. – Я должен позаботиться о твоей страховке.

Он ловко обвязал меня веревкой таким образом, что она, подобно собачьей шлейке, охватывала мои плечи и грудную клетку.

– Осторожно сядь на самый край обрыва, но не свешивай ноги, а сложи их по-турецки, – сказал Ли. – Сейчас я привяжу тебя к камню.

Я почувствовал, как веревка туго натянулась у меня за спиной.

– Все, готово, – услышал я голос Учителя. – Попробуй наклониться вперед,

– Не могу, – сказал я. – Веревка не пускает.

– Отлично! Так и должно быть! – воскликнул Ли. – Конечно, было бы лучше сидеть, свесив ноги, но ты с твоей боязнью высоты не сможешь до конца отдаться зову бездны, не чувствуя себя в полной безопасности. Поза со скрещенными ногами обеспечит тебе это чувство. В такой позе почти невозможно потерять равновесие даже при полном расслаблении, тем более что ты еще и привязан.

– Все равно пропасть внизу беспокоит меня, – поморщился я. – Мне кажется, что я не смогу избавиться от контроля внутреннего стража.

– Забудь о нем, – сказал Учитель. – Войди в состояние внутреннего облака, а затем расслабься и отдайся зову бездны. Когда сущность бездны начнет захватывать тебя, помогай ей, сливайся с ней, позволь ей унести тебя с собой. Если внутренний страж снова попытается контролировать тебя, избавься от его влияния. Для этого тебе нужно будет потихоньку наклоняться вперед, натягивая веревку, и сосредоточиваться на чувстве безопасности, которое она тебе дает. Даже если бы ты постарался спрыгнуть вниз, тебе бы это не удалось. Концентрируйся на чувстве безопасности до тех пор, пока оно не станет частью тебя, не достигнет самых потаенных уголков твоего подсознания. Тогда внутренний страж оставит тебя в покое, и сущность бездны полностью завладеет тобой.

Оргазмические потоки, возбуждаемые пьянящим страхом высоты, создавали удивительное ощущение возбуждения, смешанного с состоянием удивительной ясности.

– Тебя посетит не только сущность бездны, – прошептал мне на ухо Ли. – Когда стражи уходят, их место занимают другие, не знакомые тебе сущности. Не бойся их. Прислушайся к тому, что они скажут. Они – часть тебя.

Голос Учителя звучал глухо и таинственно. По моему телу прокатилась дрожь. Я уже вошел в измененное состояние сознания, характеризующееся повышенной чувствительностью, и его слова, казалось, отдавались во всем моем теле, как вторгающиеся в него материальные объекты.

Учитель еще что-то шептал, а потом я на мгновение отключился, начисто забыв, что я делаю и где нахожусь.

Я встрепенулся, повинувшись странному внутреннему импульсу, как заснувший в троллейбусе пассажир, разбуженный резким толчком, и приоткрыл глаза, сфокусировав их на пропасти передо мной.

– Ты ждешь сущность бездны? – услышал я насмешливый женский голосок. – Зачем она тебе? Ты хочешь умереть?

"Кто это?" – хотел было спросить я, и внезапно понял, что этот голос принадлежал мне самому, вернее одной из сущностей, живущих во мне.

Поскольку эта сущность говорила, она была сущностью слова. Сущность бездны не могла говорить.

Я не стал отвечать, решив лишь отрешенно наблюдать за тем, что происходит.

– Зачем? Зачем? Зачем ты все это делаешь? – повторял голос.

– Потому что я веду его! – ответил ему твердый и решительный голос мужчины. – Он делает это потому, что не может действовать по-другому.

"Интересно, а это кто? – с любопытством подумал я. – Сколько их еще там?"

– Неправда, неправда, – возразила женщина. – Всегда существует еще один путь.

– Он просто боится сущности бездны, – вмешался еще один мужской голос. – Он слушает вас, чтобы не встречаться с ней!

Я вздрогнул, как от разряда электрического тока. Меня пронзило острое, болезненное, как удар ножа, чувство стыда. Что-то внутри меня знало, что голос прав. Я действительно боялся сущности бездны.

Неожиданно в моих чувствах снова наступила резкая перемена. На мгновение власть захватила новая сущность. Интуитивно я понял, что это была та самая сущность, которая недавно говорила, что я не могу действовать по-другому.

– Ты должен выполнить свою задачу, – твердо сказал мужской голос. – Встреться с сущностью бездны!

Я сфокусировал глаза на камнях и деревьях, видневшихся внизу, и попытался воспроизвести эйфорическое состояние, которое я испытал, выполняя предыдущее упражнение. У меня снова приятно закружилась голова. Тело начало слегка подрагивать, но на сей раз не от страха, а от томительной жажды полета. Я снова ощутил давление внутреннего стража, и, вспомнив наказ Ли, чуть наклонился вперед, натягивая веревку. Она крепко держала меня. Я просто не мог упасть.

Я начал сосредотачиваться на убаюкивающем чувстве безопасности, и оно, в сочетании с пьянящими оргазмическими ощущениями, пробуждаемыми страхом высоты, погрузило меня еще глубже в засасывающий, как водоворот, транс почти чувственного наслаждения.

Страж постепенно сдавал свои позиции, удаляясь и незаметно растворяясь в глубине чего-то, что я мог бы назвать своим «Я». Зов бездны манил меня все сильнее. Тело становилось легким и невесомым. Казалось, что под действием бурлящих внутри оргазмических потоков оно было готово воспарить или стремительно сорваться с места, как запущенная со старта ракета.

Камни внизу приобрели более четкие очертания и, казалось, увеличились в размерах. А затем что-то схватило меня за солнечное сплетение и с силой рвануло вперед. Я стремительно полетел вниз, чувствуя кожей лица неотвратно приближающиеся камни.

Когда я, не замедляя полета, вонзился в них, проваливаясь затем сквозь толщу земли, я закричал. Я успел зарегистрировать сознанием проносящиеся мимо в темной толще земли камни и корни деревьев, а затем я потерял сознание.

Когда я снова пришел в себя, мое сердце колотилось, как бешеное. Пальцы Учителя, нажимающие на реанимационные точки, приносили острую боль. Меня тошнило от пережитого страха. У меня ныла область почек, как бывало иногда после ночных кошмаров.

– Представляешь, я видел, как мое лицо ударилось о камни, – слабым голосом пожаловался я. – Все-таки не нравится мне высота.

– Кто ж тебя просил пикировать, как камикадзе, – усмехнулся Учитель. – Надо было парить, а не плюхаться, как куль с песком.

– Можно подумать, что это от меня зависело, – сморщился я.

Мне было еще слишком плохо.

– Хочешь еще раз попробовать? – весело предложил Ли.

При одной мысли об этом меня чуть не стошнило.

– А может, в другой раз? – без особой надежды попросил я.

– Другого раза может и не быть, – усмехнулся Учитель. – Не забывай, что самое главное для даоса – делать все в нужный момент. Сейчас наступил этот самый момент.

– Я в этом не уверен, – тихонько пробормотал я, надеясь, что Ли не расслышит. Он расслышал.

– Рад твоему оптимизму, – садистски усмехнулся он. – Не стоило бы тебя баловать, но ты так жалко выглядишь, что я просто ничего не могу с собой поделать. Сейчас мы с тобой будем вдвоем.

– Да? – не проявил особой радости я. – А раньше ты где был?

– Я-то был здесь, – сказал Учитель, – а вот моя сущность бездны тут не присутствовала.

– Твоя сущность бездны? – переспросил я. – Что ты имеешь в виду?

– Твоя сущность бездны заставила тебя полететь, – сказал он. – Если бы наши сущности объединились, мы полетели бы вместе.

– Ты хочешь сказать, что я мог полететь вместе с тобой? – недоверчиво спросил я. – Но ведь, насколько я понял, сущность бездны – это просто какая-то специфическая часть моего восприятия. Все, что произошло, имело место исключительно в моем воображении. Это было просто как галлюцинация или сновидение. Мое тело-то оставалось привязанным к валуну. Так как же мы сможем полететь вместе?

– Сам не знаю как, – пожал плечами Ли. – Однако сейчас мы это сделаем. Ты же ухитрился хлопнуться мордой о камни, несмотря на то что твое тело было привязано к валуну.

Слова Учителя настолько потрясли меня, что я мгновенно забыл о тошноте, головокружении и пережитом страхе. Меня охватило радостное волнение, предчувствие того, что я стою на пороге новой тайны.

Ли окинул мое сияющее лицо оценивающим взглядом и, скорчив ехидную рожу, расхохотался.

– Вот что значит неуравновешенная европейская психика, – отсмеявшись, заметил он. – Только

что ты здесь умирал, мечтая только об одном – навсегда позабыть о существовании сущностей бездны, но стоило мне произнести пару фраз, как ты чуть ли не скачешь от счастья, свеженький, как огурчик, и готов прыгать с обрыва и хлопаться о землю до скончания веков. Прямо нарадоваться на тебя не могу.

– Мне приятно, что я так тебя развлекаю, – дипломатично заметил я. – Ну так что мы должны будем сделать?

– Сядь в прежнюю позицию, – серьезным тоном сказал Учитель.

Страхующая меня веревка все еще была привязана к валуну, и я снова уселся со скрещенными ногами на краю обрыва.

Ли сел на землю за мной, обхватив меня руками и ногами. Поскольку сесть точно позади меня ему мешала веревка, Учитель сместился чуть влево.

– Снова войди в состояние "внутреннего облака", – велел он. – Дыши в унисон со мной.

Ощущение тела Учителя создавало у меня удивительное чувство безопасности. Я подумал, что даже если бы я не был привязан к валуну, я бы без колебания отказался от всех внутренних стражей.

Оргазмические потоки "внутреннего облака" наполнили меня восторженной эйфорией, предчувствием чего-то невероятно прекрасного, что вот-вот случится со мной. Подстраиваясь под дыхание Ли, я чувствовал, как поднимаются и опускаются его грудь и живот, а потом мой организм совершенно спонтанно выполнил упражнение укоренения. Но в этот раз мои корни уходили не в землю, а в тело Учителя, вбирая его горячую, пульсирующую энергию. Я чувствовал, что он делает то же самое, «укореняясь» в моем теле. Наши солнечные сплетения соединились прочным пульсирующим энергетическим мостом. Мое тело начинало вибрировать толчками аутодвижений.

Неожиданно земля под обрывом стала увеличиваться в размерах, медленно надвигаясь на меня. Мое сердце затрепетало. Я чувствовал, как что-то, идущее и изнутри, и извне, захватывает меня, отесняя в сторону мою личность и все живущие во мне сущности. Я отдавался сущности бездны в каком-то ликующем упоении, а потом я снова почувствовал, как что-то рвануло меня за солнечное сплетение и я полетел вниз. Но на этот раз это не был пикирующий вертикальный полет. Я не боялся, я ничего не делал, а просто следил за происходящим, продолжая чувствовать своей спиной дыхание Учителя и тяжесть его тела.

Мы двигались по параболе. На высоте нескольких метров от земли мы вдруг замедлили ход и, снова увеличив скорость, набрали высоту и понеслись в неизвестном направлении над плоскими вершинами Крымских гор. Я старался следить за местами, над которыми мы пролетали, но мне было трудно концентрировать внимание. Когда я чувствовал тело и дыхание Учителя, я не мог сосредотачиваться на окружающих пейзажах, а глядя вниз, я терял контакт с Ли. Не знаю, сколько времени мы кружили так в поднебесье – несколько секунд или час. Я запомнил только плавные многократные переключения с Учителя на проносящиеся под нами горы, долины и поля.

Потом я снова переключился на Ли. Мне показалось, что нажим его рук и ног на мое тело стал сильнее.

– Ты не хочешь открыть глаза? – услышал я его насмешливый голос.

К своему удивлению, я обнаружил, что глаза у меня действительно закрыты. Я-то был уверен, что наблюдаю за происходящим.

Поднять веки оказалось не самой простой задачей, но, справившись с ней, я понял, что полет закончен. Я по-прежнему сидел на краю обрыва со скрещенными ногами.

Учитель поднялся и, повалив меня на спину, откатил меня немного в сторону и принялся развешивать веревку.

– Ну как, было очень страшно? – насмешливо спросил он.

– Это было просто потрясающе, – я задыхался от переполняющих меня эмоций. – А то, что мы видели, было реальностью или галлюцинацией?

Ли с нарочитым удивлением поднял брови.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он. – Что в твоём понимании означает слово "реальность"?

– Места, над которыми мы пролетали, были реальны или существовали только в нашем воображении? – спросил я.

– А ты как думаешь?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю.

Я понял, что Учитель поддразнивает меня.

– Почему ты не хочешь мне сказать? – нетерпеливо и немного обиженно спросил я. – Ты же знаешь, как для меня это важно!

– Потому что ты должен сам ответить на этот вопрос, – улыбнулся Учитель. – А вдруг я тебя обману?

Я встал на ноги и подвигался, разминая затекшее тело.

– А ведь мы по-настоящему летали! – все еще не в силах справиться с переполнявшим меня восторгом, воскликнул я.

– Пока еще нет, – ехидно заметил Ли. – А вот сейчас ты полетишь по-настоящему.

Что-то в его тоне вызвало у меня беспокойство.

– Что ты имеешь в виду, говоря "по-настоящему", – немного настороженно поинтересовался я.

– То, что сейчас ты прыгнешь со скалы вместе со всем твоим большим и толстым физическим телом.

– Ты это серьезно? – упавшим тоном спросил я. – Ты что, действительно собираешься заставить меня спрыгнуть с обрыва?

Учитель укоризненно покачал головой.

– Я же не сказал "с обрыва", я сказал "со скалы", – ответил он. – Рановато тебе еще с обрыва прыгать. Я не хочу лишиться своего самого большого ученика.

У меня отлегло от сердца.

– А с какой скалы я буду прыгать? – спросил я.

– Пойдем. Это не далеко, – сказал Ли, скручивая веревку.

Минут через пятнадцать он привел меня к двум не слишком высоким скалам с плоскими вершинами, находящимся в нескольких метрах друг от друга.

– Заберись на эту скалу, – указал на ту, что повыше, Учитель.

– И что мне делать теперь? – спросил я, оказавшись на вершине.

– Ничего особенного. Просто перепрыгни на соседнюю, – будничным тоном сказал Ли.

Я, не веря своим глазам, смерил взглядом разделяющее скалы расстояние. Прыжки, в связи с избыточным весом, никогда не были моей сильной стороной.

– Но я не допрыгну, – возразил я.

– Допрыгнешь, – уверенно отпарировал Учитель.

– Но ты только посмотри, какое тут расстояние. Оно на пределе моих возможностей.

– Ты правильно сказал: на пределе, – заметил Учитель. – Именно поэтому я и выбрал эти скалы. Кроме того скала, на которую ты будешь прыгать, расположена ниже. Это автоматически увеличивает дальность прыжка.

– Так-то оно так, – промямлил я.

– Как ты думаешь, в какой ситуации ты смог бы перепрыгнуть с одной скалы на другую? – неожиданно резким тоном спросил Ли.

– Ну, если бы за мной гнался взбесившийся бык, я бы перепрыгнул, не задумываясь, – ответил я.

– То есть ты говоришь о сверхусилии, – заметил Учитель.

– Тебе просто не хватает мотивации. Как ты знаешь, сверхусилия можно совершать, используя технику волевых импульсов. Но сейчас ты научишься применять другую технику. Сущность бездны поможет тебе перелететь со скалы на скалу.

– Как это? – спросил я.

– В твоей памяти еще свежо ощущение неодолимой тяги к полету, которую ты испытал на обрыве, – объяснил Ли. – Сейчас ты снова сольешься с сущностью бездны, но только под контролем внутреннего стража. Сущность бездны даст тебе силы и уверенность для прыжка. Стань на краю скалы и сделай то же самое, что ты делал раньше. Когда тебя захватит неодолимая жажда полета, когда ты почувствуешь, что готов, ты прыгнешь – можешь с разбегом, а можешь без разбега. Начинай.

Зов бездны пришел ко мне, как только я встал в устойчивую позу на краю скалы. Воспоминания двух полетов были еще слишком яркими. Зов бездны был настолько силен, что мне показалось, что расстояние между скалами сократилось. Одновременно исчез мой страх.

Я отошел назад на несколько шагов и, разбежавшись, изо всех сил оттолкнулся от края. Во мне проснулось что-то первобытное. Этот прыжок на пределе сил заставил меня испытать удивительное чувство – нечто близкое к странному стремительно-яроственному, и в то же время восторженному оргазму. Я приземлился на обе ноги и, не удержавшись, упал, смягчив удар о камень подставленными предплечьями и мягким перекатом на бок.

Мгновенно оттолкнувшись от скалы, я вскочил на ноги, радостно потрясая в воздухе сжатыми кулаками.

– Учитель! Я сделал это! У меня получилось!

– Я же говорил, что в конце концов ты полетишь, – с мягкой насмешкой в голосе произнес Ли.

Глава 12

Тема реанимационных техник, особенно в случае, когда болезнь или смерть человека обусловлены психологическими причинами, настолько заинтересовала меня, что я начал исследовать ее самостоятельно, беседуя с врачами скорой помощи и с врачами-реаниматологами. К своему удивлению, я убедился, что многие врачи вносили некий мистический элемент в процесс оживления находящегося в бессознательном состоянии человека, и были уверены, что успех операции зависит в большей мере от интуиции врача, чем от выполнения стандартных общепринятых приемов.

Хотя до сих пор не существует научных доказательств того, что люди, пребывающие в коме, быстрее возвращаются к жизни, если их окружают родственники и любимые, если с ними непрерывно общаются, разговаривают и просят их поскорее прийти в себя, некоторые врачи считали, что именно такие, непонятно каким образом устанавливающиеся контакты с близкими людьми оказывают немаловажным фактором для выхода больного из комы.

Однажды я спросил у Учителя, что он думает по этому поводу и действительно ли коматозники способны отдавать себе отчет в том, что происходит.

– Во многих случаях они действительно слышат и понимают то, что происходит вокруг, – сказал Ли. – Конечно, это случается не всегда. Физическое тело может быть поражено до такой степени, что человек полностью теряет способность воспринимать окружающий мир и осознавать себя, но бывает и так, что шок от физической или психической травмы настолько силен, что человек просто не хочет возвращаться в пугающий его мир, и тогда уговоры близких действительно могут сыграть свою роль и заставить его вернуться.

– Я ни разу в жизни не сталкивался с умиранием или пребыванием в коме от психических причин, – сказал я. – Мне бы хотелось знать, как это бывает, и опробовать в действии твои реанимационные техники.

– Ты не раз встречался с подобными случаями, просто ты не уделял им должного внимания, – загадочно произнес Учитель.

– Что ты имеешь в виду? – удивился я. – Если бы что-то подобное произошло, уверен, что я бы не забыл об этом.

– Смерть принимает разные формы, – сказал Учитель. – Умирание – это не всегда остановка дыхания и сердцебиения. Многие из людей, живущих на этой земле, на самом деле уже наполовину мертвецы.

– Ты говоришь аллегорически, – заметил я. – Ты не мог бы выразиться яснее?

– Когда-то я говорил тебе о том, что универсальный закон природы – это закон отражения, и смысл жизни человека заключается в том, чтобы отражать окружающий мир. Чем более объемно и полноценно это отражение, тем насыщеннее и интереснее жизнь человека. Однако бывают люди, которым по каким-то причинам не нравится окружающий мир и, вместо того чтобы отражать его, они начинают воздвигать стену между миром и собой. Эта стена существует только в их сознании, но в действительности она мощнее крепостных стен. Человек, отгородившийся от мира, перестает жить, хотя тело его продолжает функционировать. Иногда уход от мира становится столь очевидным, что больного помещают в сумасшедший дом, возводя дополнительные стены между ним и миром.

– Мне бы хотелось понять, как это происходит, – заинтересованно сказал я.

– Нет ничего проще, – откликнулся Учитель. – Научись возводить стены, и ты поймешь, как их разрушить.

– Как? – спросил я.

– Что значит твое "как?" – как возводить стены или как их разрушать? – усмехнулся Ли.

– Начнем с того, как их возводить.

– Так, как это делают все, – пожал плечами Учитель. – С помощью воображения. Сходи как-нибудь в сумасшедший дом и постарайся почувствовать себя так, как его обитатели. Стена – это мыслеобраз, с помощью которого происходит сужение сознания. Ты уже не раз выполнял упражнения по расширению и сужению сознания, но то, что ты делал, было осознанно и контролируемо, и, приобретя необходимый опыт, ты неизменно возвращался к внешнему миру. Люди, возводящие стены, не могут или не хотят вернуться.

На самом деле для того, чтобы изучать способы, которыми люди изолируют себя от мира, не обязательно посещать психушку. Ты можешь найти исключительно интересные примеры среди твоих знакомых и соседей. Подумай, сколько людей живут среди бесплодных фантазий, заменяющих им

реальность существования, сколько людей поглощены мелкими маниями и навязчивыми идеями, не оставляющими времени и сил на общение с внешним миром. Постарайся понять их, постарайся на время ограничить свой мир так же, как это делают они.

– Кстати, мне не раз приходилось посещать психушку, – заметил я. – Так что я насмотрелся на то, как люди возводят стены между собой и внешним миром.

Работать санитаром в симферопольской психбольнице я начал с легкой руки моего давнего школьного друга Коли Петрова, который сам по себе был личностью столь любопытной и неординарной, что было бы обидно не упомянуть о нем на страницах этой книги.

Коля был сыном влиятельного офицера Госбезопасности, и, возможно, этот факт сказался на том, что уже с первого класса он производил впечатление не по годам развитого ребенка. Хотя семилетний Коля еще толком не умел завязывать шнурки и мне неоднократно приходилось помогать ему осуществлять эту непростую процедуру, во всем, что касалось финансов, он мог дать фору подавляющему большинству взрослого населения Советского Союза. Уже в первом классе бизнес, организованный предприимчивым Петровым, приносил ему доход не меньший, чем зарплата кандидата наук.

Свою преступную карьеру семилетний финансовый гений начал с атаки на расставленные в то время по всему Симферополю разменные автоматы для газированной воды. Отделение, куда автомат ссыпал выдаваемые медные монеты, закрывалось небольшой подвижной металлической пластинкой. Коля додумался при помощи пластилина подклеивать эту металлическую шторку внутрь, к верхней части отделения для монет, и монеты, естественно, не высыпались. Пострадавшие граждане обычно догадывались, в чем тут дело, но вся хитрость заключалась в том, что отлепить пластинку руками было невозможно, для этого требовался специальный крючок, а особенно надрываться из-за потерянного гривенника или пятнадцатикопеечной монеты народу как-то не хотелось.

Петров неутомимо курсировал по городу с крючком и пластилином, собирая добычу, но, естественно, хорошие деньги на этом было трудно заработать, и Коля принялся вдохновенно спекулировать марками, значками и прочими мелочами, столь притягательными для школьников. Его бизнес постепенно расцветал, и к его услугам начали прибегать даже старшеклассники.

Но по-настоящему крупную аферу Коля провернул уже в пятом классе, став пионером и получив в свое распоряжение отряд подшефных октябрят. Сын комитетчика по своей собственной инициативе затеял благородное дело по сбору средств в фонд помощи детям Вьетнама. Вверенные ему октябрята с литровыми стеклянными банками в руках по заданию Петрова начали обходить квартиры высотных домов Симферополя и жалостно просили пожертвовать кто сколько сможет на поддержание страдающих от ужасов войны вьетнамских сирот.

Народ в то время не бедствовал, и добрая душа русского человека легко зажигалась состраданием, тем более что в те времена память о Великой Отечественной войне еще жила в сердцах людей. Наряду с медными и серебряными монетками в банки нередко попадали бумажные рубли, трешки, а иногда даже червонцы.

Коля был не жмот, и за трудную работу по сбору средств он честно выплачивал октябряткам комиссионные – по пятьдесят копеек за каждую банку. Естественно, что дело, ведущееся с подобным размахом, было невозможно держать в секрете, и об афере вьетнамского фонда вскоре стало известно в школе. Директор школы и классный руководитель от такой новости буквально встали на уши. Предпринимателя вызвали на ковер, и он произнес пламенную и прочувственную речь о солидарности с бедными детьми маленькой страны и о том, что он на свой страх и риск решил внести свой вклад в дело международной помощи Вьетнаму.

Вопрос был столь щекотливым, что наказывать Петрова, особенно учитывая, какую должность занимал его папочка, было бы неосмотрительно, и, для вида мягко пожурив раскаявшегося борца за лучшую долю для пострадавших от агрессивного американского империализма детей, его обязали сдать все собранные деньги.

Коля с гордостью приволок в школу чемодан, наполненный мелочью. О бумажных деньгах никто и не вспомнил. Подшефных октябрят заставили вернуть несправедливым образом заработанные полтинники, папа хорошенько надрал бизнесмену задницу ремнем, а Коля зарыл в гараже алюминиевый бидон, набитый деньгами.

Понимая, что организовывать новый фонд было бы слишком опасно, Петров не долго думая переключился на аферу с лотерейными билетами. Вырезая из газет старые таблицы с результатами розыгрыша очередного тиража лотереи, Коля монтировал к ним заголовки текущего тиража, и заменял этой компиляцией таблицы текущих розыгрышей на стендах около сберкасс. Естественно, что граждане, проверив номера билетов, тут же выбрасывали негодные билеты в ближайшую урну, а Петров, под предлогом сбора макулатуры, эти билеты периодически выгребал. Так Коле удалось сорвать пару крупных и приличное количество мелких выигрышей.

Со временем, уже в студенческие годы, на последних курсах института, Коля дорос до того, что начал перегонять самолеты с дефицитными товарами из одного региона нашей необъятной родины в другой, на чем делал на сей раз действительно серьезные деньги. Но там, где речь идет о больших деньгах, нередко возникают и большие проблемы.

Вскоре после окончания института Колю убили. Он гостил в загородном доме своего товарища по классу и в момент убийства в одиночестве рыбачил на озере. Убийц так и не нашли.

Однако в то время, когда Коля помог мне устроиться на работу, он еще не перегонял самолеты, а был обычным, не слишком хорошо успевающим студентом, в вечернее время подрабатывающим санитаром в венерологическом отделении больницы.

Ввиду не слишком утешительного экономического положения моей семьи, я периодически искал подработки на стороне, не отнимающие слишком много времени и в то же время приносящие более или менее приличные деньги.

– Устраивайся санитаром в мою контору! – предложил мне Коля. – Там такие бабки можно делать – закачаешься!

Я удивился.

– А сколько получает санитар? – спросил я.

– Чудак-человек! – усмехнулся Петров. – Важно не то, сколько он получает, а то, сколько он зарабатывает. Усек?

– Усек, – с некоторым сомнением в голосе откликнулся я.

Я слишком хорошо знал Колю. Но как ни крути, а деньги мне были нужны, и я устроился ночным санитаром в венерологическое отделение.

– Ты будешь работать на меня, – объявил мне мой приятель. – Скоро ты начнешь купаться в бабках.

– А на чем ты здесь зарабатываешь деньги? – удивился я. – Ты же простой санитар.

– Санитар в больнице поважнее врача, – с гордостью объяснил Петров. – Особенно когда речь идет о вензаболеваниях. Врачи-то на ночь домой уходят, а кто остается? А? Санитары! А как ты думаешь, к кому пойдут за помощью люди, которые свои болячки не хотят на весь свет афишировать?

– К тебе, что ли? – проявил сообразительность я.

– А то! – довольно улыбнулся Коля.

И, действительно, бурная ночь венерологического отделения начиналась с длинной очереди больных, которым Коля делал уколы украденными в больнице же медикаментами.

Конечно, спирт он тоже крал, но тратить его на своих пациентов он не собирався. Спирт стоил денег.

Петров старательно тер место для укола ваткой, щедро смоченной водой, а подпольные пациенты, чувствуя на ягодицах обильную влагу, были так довольны тщательно проведенной дезинфекцией, что без сожаления расставались с приличными суммами, которые Коля брал за лечение.

Покончив с чередой больных, Коля переключался на иную роль, становясь чем-то средним между сводником и сутенером, а венерологическое отделение на время превращалось в хорошо организованный бордель.

Изучив медицинские карты больных, Петров осторожно выяснял, кто из пациентов страдает от сексуальной неудовлетворенности, а затем подбирал пары со сходными заболеваниями из мужских и женских палат. Показывая сексуально изголодавшимся людям фотографии возможных партнеров, Коля договаривался в конце концов с обеими сторонами, и с каждого из партнеров сдирал за посредничество приличную сумму, приблизительно равную четверти месячного оклада инженера. За повышенную плату Коля приво-

дил партнеров и со стороны.

За несколько месяцев упорного труда Петров ухитрился поставить дело на такой хороший уровень, что уже не справлялся с работой, и он предложил мне стать его помощником. Хотя я действительно нуждался в деньгах, его предложение не вызвало у меня энтузиазма. Все это слишком пахло криминалом, да и вообще мне было противно заниматься сводничеством и обманывать больных.

Поскольку мы знали друг друга с детства, я не хотел ни во что вмешиваться или читать Коле мораль. Я просто решил, не входя в конфликт с приятелем, как можно быстрее выбраться из двусмысленной ситуации и сказал ему, что работа в венерическом отделении мне слишком неприятна, что я постоянно испытываю страх перед случайным заражением и что вообще мне слишком отвратительны венерические заболевания.

– Тогда могу устроить тебя санитаром в психушку, – пожал плечами Петров. – Там-то ты уж точно не заразишься. Разве что крыша поедет.

Он весело рассмеялся своей шутке.

– Это мне подходит! – обрадовался я.

Так я вместе с еще одним нашим общим знакомым начал работать санитаром в психушке.

Живописная территория симферопольской психбольницы располагалась недалеко от Салгира, примерно на полпути между улицей Пушкина и железнодорожным вокзалом, знаменитым своей уникальной архитектурой. Об этой психушке по городу ходили самые невероятные легенды, в которых вымысел причудливо переплетался с реальностью.

Люди пересказывали истории о том, как чокнутые барышни из женского отделения похищали студентов-медиков, пришедших к ним на практику, и сообщая всей палатой насиловали их. Большой популярностью пользовались рассказы о маньяках, каждую ночь сбегаящих из сумасшедшего дома, несмотря на хорошо организованную охрану, а под утро возвращающихся в родные стены.

В истории с маньяками действительно была реальная база, поскольку нередко по улицам города прогуливались люди в больничных пижамах с накинутыми на плечи плащами. Как я потом узнал, психи без особого труда договаривались с санитарями или с охраной, и за небольшую мзду их выпускали погулять. При этом санитары или охранники тщательно разрабатывали легенду о том, как больной ухитрился сбежать, и заставляли пациента вызубрить историю наизусть, чтобы в случае поминки он полностью взял всю вину на себя. Так что многим психам смекалки было не занимать.

Мой новый напарник-санитар Саша тоже оказался личностью колоритной, но еще более колоритным был его пес, мрачная бестия, громадный дог благородного серо-стального цвета по кличке Дэмон.

– Почему ты называешь его Дэмон, а не Демон? – спросил я Сашу после того, как он познакомил меня с догом.

– А потому, что он Дэмон! – скорчив зловещую рожу очень выразительно и с сильным ударением на букве «э», объяснил Саша.

Я все понял.

Хотя приводить собак в больницу было категорически запрещено, Саша со свойственным советским людям нахальством чихал на все эти неизвестно для кого придуманные правила, и Дэмон неизменно сопровождал нас на ночные дежурства.

Несмотря на мрачный нрав, дог оказался на редкость сообразительным псом, и больные боялись его до умопомрачения. Саша каждую ночь оставлял пса в коридоре, и даже у психов хватало ума без серьезного повода не соваться в коридор, чтобы не связываться с принявшим собачий образ представителем темных сил. Однако естественные надобности – штука серьезная, против них не попрешь, и волей-неволей некоторые больные были вынуждены совершать ночные прогулки в туалет.

В таких случаях великолепно оттренированный Дэмон аккуратно брал больного зубами за кисть руки и, не отпуская ее, сопровождал перепуганного психа в туалет и обратно. Поскольку пес не собирался разжимать челюсти даже в туалете, отправлять естественные надобности было не слишком простым делом, но больные как-то приспособились к этому и в конце концов свыклись с огромной собакой. У входа в палату пес отпускал руку и, убедившись, что дверь закрылась, снова укладывался в коридоре и засыпал, уронив на лапы большую тяжелую голову.

На первых порах Дэмон по привычке и меня попытался водить за ручку по больничным коридорам, но я всякий раз прятал кисть и тихонько дул ему в нос. Пес морщился и мотал головой, бросая на меня мрачные взгляды, но в конце концов свыкся с мыслью, что я не пациент, и разрешил мне свободно разгуливать по больнице. Так началось мое знакомство с миром Симферопольской пси-

хушки.

Не знаю почему, но для более или менее спокойных сумасшедших одним из самых почетных и престижных достижений было попасть на сеанс трудотерапии, заключающийся в поклейке конвертов. Трудотерапией занимались в уютном дворике, огороженном сеточками и решетками. Под навесами стояли длинные деревянные столы с деревянными скамьями, на которых стройными рядами рассаживались больные с печатью грусти на лице, тупо и сосредоточенно клеящие конверты.

Наряду со спокойными пациентами в больнице содержались и крайне опасные. Некоторые из палат были отданы под патронаж судебно-медицинской экспертизы, и там собиралась весьма своеобразная публика. В подобные палаты санитары всегда входили с опаской и только по двое, готовясь в любой момент отразить внезапную атаку. Хотя и кровати, и тумбочки были намертво привинчены к полу, всегда существовала вероятность, что за ночь изобретательные преступники ухитрятся что-либо отвинтить или отодрать какую-нибудь деталь кровати, используя ее как оружие нападения.

В застойные времена зловещая тень психбольниц витала не только над диссидентами, но и над многими рядовыми советскими гражданами, никоим образом не страдающими от психических заболеваний. Врачи-психиатры обладали широкими возможностями для помещения неугодных людей в психиатрические лечебницы, и мне было известно несколько случаев, когда жены, имеющие связи с врачами-психиатрами, шантажировали мужей тем, что, если супруг не будет добросовестно выполнять свои обязанности по дому или вздумает где-то шлаться по вечерам, пропивая зарплату, его быстро и надежно упрячут в уютную палату с зарешеченными окнами.

Общаясь с относительно спокойными психами, я познакомился с удивительным миром фантазий, в котором замыкались эти во многих отношениях вполне разумные люди.

Санитары то и дело приносили из палат любопытные творения психбольных, и один из них дал мне почитать рацпредложение одного мужчины, на которое тот за время своего пребывания в больнице ухитрился извести около двадцати пяти килограммов бумаги.

На этих двадцати пяти килограммах бумаги пациент самым подробнейшим образом разработал план захвата любого капиталистического государства с помощью сделанных им новейших технических разработок.

Этот план был достаточно прост, и в то же время хитроумен. В воздушное пространство капиталистического государства должен был вторгнуться огромный размеров самолет, состоящий из сотен более мелких самолетиков. Каждый мелкий самолетик наш мудрый псих предлагал до отказа набить вооруженными до зубов десантниками, причем за спиной каждого десантника подвешивалась не слишком большая, но зато мощная бомба.

Для выполнения плана атаки большому самолету нужно было долететь до середины захватываемого государства. Чтобы его полету не мешали, правительство Советского Союза должно заранее объявить, что самолет направляется в страну с дипломатической миссией и везет груз продовольствия для помощи нуждающимся рабочим.

Если бы проклятые капиталисты все-таки заподозрили подвох и выпустили по самолету ракеты, большой самолет немедленно рассыпался бы на сотни маленьких самолетиков и ракеты пролетели бы мимо, через щели, образовавшиеся при распаде большого самолета.

Маленькие самолетики с огромной скоростью разлетелись бы по всей стране, подобно сеятелю, щедрой рукой рассыпающему семена, разбрасывая по вражеской территории десантников с парашютами. Благополучно избавившись в самом начале прыжка от привязанной за спиной бомбы, каждый десантник приземлялся бы уже в глубокую воронку – эпицентр причиненных этой бомбой разрушений. С оружием в руках десантники из воронок защищали бы свои участки захваченной капиталистической земли, удерживая их до подхода основных сил.

Но главная хитрость заключалась даже не в этом. В момент начала атаки наше правительство должно было включить четыре установленные по углам захватываемой страны установки, генерирующие особые импульсы для воздействия на мозги местного населения. Головы наших десантников защищали от этих импульсов специальные шлемы, а незащищенные аборигены под действием усиленного облучения, тотчас прониклись бы идеями необходимости построения развитого социализма, мира во всем мире, равенства и братства между народами, и т. д. и т. п.

Обретшее должный уровень политической сознательности местное население немедленно начало бы собираться на митинги, поголовно записываясь в советскую армию и помогая нашим десантникам удерживать пепелища. Каждый десантник был наделен особыми правами, и, встав во главе ставших сознательными бывших капиталистических граждан, он должен был организовать местные социалистические комитеты самоуправления.

Четверть центнера бумаги было испещрено подробнейшими чертежами самолета и генераторов

импульсов, но, поскольку наш изобретательный псих был не слишком силен в авиастроении, основное внимание на чертежах уделялось таким важным деталям, как туалеты для десантников, ванны для десантников, а также место для поклейки конвертов.

Вообще поклейка конвертов была любимым занятием гениального стратега, тем более что там он еще и подворовывал бумагу для создания своих бессмертных планов. Естественно, что поклейка конвертов также оказалась любимым хобби советских десантников, и длинные деревянные столы и скамейки, подобные больничным, стали неременным атрибутом каждого маленького самолетика.

Вообще за время работы в сумасшедшем доме чего только я не насмотрелся. Я понял, что врачи, профессиональные психиатры, нередко затрудняются поставить точный диагноз, и у меня сложилось впечатление, что они сами не могут точно определить, что такое «шизофрения» и где проходит граница между нормой и патологией.

Человеческое сознание под действием каких-то трудно объяснимых, иногда биохимических, а иногда психических процессов давало странные сбои, причудливым и непредсказуемым образом искажая представление о мире.

После того как Учитель рассказал мне о моделях мира и о схемах, которыми человек подменяет реальную действительность, я понял, что мы не слишком сильно отличаемся от тех, кого мы считаем сумасшедшими, просто модели мира «нормальных» людей позволяют им более адекватно приспосабливаться к окружающей обстановке, то есть лучше выживать.

До развития цивилизованного общества, искусственным образом поддерживающего своих не слишком приспособленных к жизни членов, все проблемы решались при помощи естественного отбора, и именно цивилизация в некотором роде стала стимулятором растущего числа нервных и психических нарушений.

Я никогда не испытывал свойственного многим нездорового интереса к тонкостям духовной жизни личностей с болезненной психикой. В данном случае я не имею в виду официальных сумасшедших, хотя вполне естественно, что яркие проявления сумасшествия всегда вызывали у наших граждан интерес, близкий к тому, который заставляет людей толпиться у места автомобильной аварии, жадно пожирая глазами окровавленные тела жертв катастрофы.

Глубинный источник такого интереса к несчастьям ближнего – это волнующие ощущения, связанные с непроизвольной активизацией сексуальной энергии. Эта спонтанная активизация связана с подсознательным страхом крови и смерти.оргазмическим ощущениям, связанным с активизацией сексуальной энергии, сопутствует подсознательная радость оттого, что беда обошла тебя стороной. Эта радость обычно сопровождается мифическим ощущением, что ты застрахован от подобных непредвиденных трагедий, хотя, в случае людей мазохистского склада, наоборот, удовольствие может приходиться от представления, что то, что произошло, в любой момент может произойти и с ними.

Интерес к сумасшествию имеет ту же природу, что и интерес к чужой смерти, но тут возникающее чувство безопасности еще большее, поскольку в глубине души почти каждый уверен, что уж сойти с ума ему точно не грозит.

Возбуждающее влияние того, что Спокойные называли бы "большим рассудком", проявлялось в широкой популярности произведений талантливых писателей с теми или иными психическими отклонениями, не настолько сильными, чтобы изолировать их от общества. Так, болезненные фантазии Кафки или эпилептическая надрывность произведений Достоевского заставляли множество людей переживать мощные, волнующие и щемящие эмоциональные всплески.

Причина этого часто заключается в том, что в обыденной жизни людям не хватает ярких и полноценных впечатлений и ощущений. Как я уже упоминал. Спокойные считали впечатления пищи, необходимой для нормального функционирования человеческого организма, пищей, не менее важной, чем еда, вода или воздух.

Неудовлетворяемая потребность в ощущениях и впечатлениях перерастает в жажду ощущений, которую, в зависимости от типа личности, каждый человек удовлетворяет тем или иным путем – через усложненные интеллектуальные построения, через эмоционально окрашенные фантазии, через какие-то сексуальные фантазии или действия. Естественно, что все три составляющие – сексуальная, эмоциональная и интеллектуальная – в разных пропорциях так или иначе присутствуют в способах, которыми человек удовлетворяет свою жажду ощущений (хотя тут может идти речь и о какой-либо другой жажде или о комплексе жажд, дополняющих жажду ощущений).

Так, например, Достоевский никак не мог избавиться от владевшей им страсти играть и проигрывать, которая приносила ему извращенное мазохистское удовольствие. Его семья постоянно жила в нищете, в беспросветной нужде, и в то же время единственным, что приносило великому русскому писателю временное успокоение, была возможность проиграть последние, на коленях вымоленные у

жены деньги, чтобы потом в очередной раз бесконечно раскаиваться и молить его «святую» жену простить его за эту недостойную слабость.

В его случае жажда ощущений дополнялась сложным комплексом других жажд, вроде жажды самоунижения, жажды сочувствия и т. д.

Произведения Достоевского, где находили свое выражение терзающие автора жажды, пробуждали у читателей, особенно у тех, чья эмоциональная жизнь была не слишком полноценной, эмоциональные всплески, сопровождающиеся самопроизвольной активизацией сексуальной энергии. Читатели начинали испытывать характерные для психики писателя переживания, болезненные по своей природе, но волнующие и дающие «пищу» ослабленной отсутствием полноценных впечатлений душе. Таким образом полноценные ощущения внешнего мира подменялись суррогатом возбуждающих фантазий внутреннего мира, и человек невольно начинал ограничивать свое восприятие, уходя внутрь и возводя между внешним миром и собой стены неудовлетворенности, недоверия или страха.

В учении Спокойных были разработаны специальные техники "питания психики" за счет "внутреннего мира" в случае, когда внешний мир не давал достаточного количества впечатлений и переживаний для гармоничного удовлетворения основных потребностей человека. В частности, к этим техникам относились медитации "воспоминания о том, чего не было". Однако подобные техники использовались лишь для того, чтобы компенсировать недостаток впечатлений, но ни в коем случае не подменять общение с внешним миром уходом во внутренний мир. Подобные компенсирующие психотехники можно было сравнить с приемом женьшеня для повышения общего тонуса организма, в то время как получение кайфа от воображаемых острых эмоциональных переживаний, избыточных сексуальных фантазий, получение переживаний при чтении литературных произведений или фильмов, порождающих сильные эмоциональные всплески болезненного характера, сравнимы с неумеренным потреблением алкоголя для того, чтобы «забыться» или «раскрепоститься». Естественно, что все вышесказанное не означает, что не стоит читать подобную литературу, – талантливо написанное произведение всегда стоит того, чтобы его прочитать, но не имеет смысла использовать его как своеобразный «наркотик» для извлечения возбуждающих, но болезненных по своей природе переживаний.

– Вот видишь, ты достаточно хорошо знаком с тем, как люди возводят вокруг себя стены, – сказал Учитель, выслушав мои истории о сумасшедшем доме. – Теперь тебе остается только научиться возводить стены самому. Хотя, предупреждаю, это не простое и не слишком приятное упражнение. Ты действительно уверен, что хочешь изучить способы ухода от мира?

– Уверен, – сказал я. – Меня интересует все, относящееся к проявлениям человеческой психики.

– Ну что ж, сам напросился, – как-то нехорошо подмигнул мне Ли. – Никто тебя за язык не тянул. Ты уже успел познакомиться с путями воина, купца и Хранителя Знания. Теперь ты вступаешь на новый путь – путь аскета. Возведение вокруг себя стен в наибольшей мере характерно именно для этого пути.

– Это так сложно? – удивился я. – Я думал, что мне предстоят обычные медитации сужения сознания.

– При помощи сужения сознания ты, конечно, тоже можешь возвести стены между собой и миром, – сказал Учитель. – Но на самом деле это будут не стены, а тоненькие картонные перегородки, лишь загораживающие от тебя окружающий мир, но не защищающие тебя от его проявлений. Те, кто следует по пути отшельника, – серьезные строители, и их стены по своей толщине превосходят крепостные, а по прочности дадут фору танковой броне. Раз уж тебе так захотелось вступить на путь отшельника, то делай это основательно. Итак, первая стена, которую ты начнешь возводить вокруг себя, – это стена молчания.

Ли немного помолчал, словно давая мне время осмыслить сказанное, и я решил уточнить.

– Ты хочешь сказать, что мне придется перестать разговаривать с людьми? – спросил я.

– Перестать разговаривать – это лишь начальный этап того, что тебе придется сделать, – ответил Учитель. – Это не так сложно. Гораздо сложнее перестать хотеть разговаривать.

– В этом ты прав, – согласился я. – Перестать хотеть разговаривать действительно непросто.

– Ничего, ты этого добьешься, – подбодрил меня Ли. – Практика отказа от разговоров распространена во многих школах и религиозных течениях, особенно аскетического толка. Однако Спокойные использовали отказ от разговоров еще и в медицинских целях. Это давало больному дополнительную энергию.

Воины, изучающие технику управления чувствами и судьбой, обязательно проходили через этап возведения стены молчания. Но человеку, не склонному к пути аскета, не имеющему формы аскета, крайне опасно заикливаться на этой технике, как, впрочем, и на любой другой технике, свя-

занной с возведением стен. Путь аскета, естественно, если им злоупотреблять, может привести к непредсказуемым и очень неприятным последствиям.

Кстати, отказ от разговоров люди нередко используют и в повседневной жизни, в качестве оружия воздействия на близких. Наверное, ты знаешь семьи, где мужа, жены или дети периодически "замыкаются в гордом молчании".

– Жаль, что мои родители не относятся к этой категории, – заметил я, – особенно мама. Хорошо, хоть отцу обычно бывает лень ввязываться в перепалки. Но у меня действительно есть одна подруга, с которой отец не разговаривает больше года. Кажется, причиной тому послужил не одобренный им чересчур легкомысленный покрой ее платья.

Я задумался, вспоминая.

– Да, кстати, еще один мой приятель почти никогда не разговаривает с женой, – усмехнулся я. – Он очень азартный и не любит уступать. Он мне рассказывал, что игру в молчанку затеяла его жена. Обидевшись за что-то в первые месяцы семейной жизни, она как-то целый день с ним не разговаривала. Мой приятель тоже решил обидеться и, не желая отставать, промолчал трое суток. В следующий раз жена молчала неделю, а он ухитрился выдержать аж целый месяц. С тех пор так и пошло. Сейчас они пишут друг другу записки или общаются через третьих лиц.

– Прямо, как в анекдоте, – усмехнулся Ли. – Муж и жена поссорились и не разговаривают друг с другом. Вечером муж пишет жене записку: "Пожалуйста, разбуди меня завтра в половине восьмого". Наутро муж просыпается в десять часов и находит рядом записку: "Вставай, уже без двадцати восемь".

Я рассмеялся.

– Мне почему-то никогда не приходило в голову, что молчанием люди воздвигают стены между друг другом или между собой и миром, – заметил я. – А ведь, если хорошенько вдуматься, стены можно воздвигать и чрезмерной болтливостью, отталкиванием других людей или отрицанием очевидного.

– Любая модель мира – это уже определенная конструкция, в которой присутствуют стены, – сказал Учитель, – но эти стены относительно тонкие, и они могут менять свои очертания. На самом деле грань между стеной обычной модели мира, и стеной, которой отгораживается от мира аскет или человек с нездоровым рассудком, столь же расплывчата и неопределенна, как и грань между нормой и патологией в современной психиатрии. Только случаи, находящиеся достаточно далеко от этой грани, могут четко классифицироваться. В упражнениях, которые тебе предстоят, тебе придется зайти очень далеко за эту грань.

После того как ты воздвигнешь между собой и миром стену молчания, ты перейдешь с созданию следующей стены – стены избирательного невидения. Это будет уже потруднее, чем простой отказ от разговоров или даже от желания разговаривать. За стеной избирательного невидения следует полное невидение, а затем избирательное и полное неслышание. Затем ты избавишься от тактильных ощущений

– Ты что, хочешь сказать, что я должен буду погрузиться в себя до такой степени, чтобы полностью перестать видеть, слышать и воспринимать окружающий мир? – спросил я.

– Ты уже делал это, входя в трансовые состояния, – ответил Ли. – Но тогда эти состояния длились недолго, и обычно ты входил в них под моим руководством. Теперь тебе придется проделать все самостоятельно и пробыть в состоянии полной самоизоляции от мира по меньшей мере несколько дней. Кстати, некоторые аскеты месяцами не выходят из него.

– Да, серьезная штука, – задумчиво произнес я. – Похоже, это будет не быстро и не просто.

– Угадал, – усмехнулся Учитель.

Тренировку ухода от окружающего мира я начал с отказа от разговоров. Объяснить маме или отцу, с какой стати я вдруг решил больше ни с кем не общаться при помощи слов и объясняться исключительно жестами, кивками головы или невразумительным мычанием, было невыполнимой задачей. Чтобы хоть как-то оправдать свое поведение, не обидев при этом домашних, соседей, друзей и знакомых, я соорудил на голове впечатляющую повязку с огромным компрессом под нижней челюстью, и, когда кто-либо пытался заговорить со мной, я, соорудив очень жалостное лицо, указывал на повязку, издавая страдальческое мычание.

Обычно этого было достаточно. Не склонный к излишней болтливости отец сразу же оставил меня в покое, но избавиться от навязчивой заботы любимой мамочки оказалось не так просто. Поэтому мне приходилось вставать ни свет ни заря и уходить из дома, возвращаясь лишь поздно ночью, когда она уже спала.

С каждым днем молчание становилось все менее тягостным для меня, и в конце концов я начал

испытывать от него удовольствие. Я даже перестал мычать и вообще издавать какие-либо звуки. На четвертые сутки я отметил наступление странного внутреннего умиротворения. Я заметил, что даже не реализованное желание что-то сказать или промычать уже напрягало голосовые связки, и теперь, когда я постепенно утрачивал желание общения, голосовые связки как-то по-особому расслаблялись.

Я заметил, что, общаясь жестами или просто стоя рядом с кем-то, я стал меньше наклоняться к этому человеку, чем когда я вступал в беседу. Моя осанка изменилась, став более ровной. Естественно, что теперь я гораздо меньше общался с людьми. Знакомые и соседи свыклись с моим новым состоянием и оставили попытки вступать со мной в контакт.

Следующей стеной, которую я должен был воздвигнуть по заданию Учителя, была стена избирательного невидения. Для начала мне надо было перестать замечать моих знакомых, в буквальном смысле "в упор не замечать их", и перестать общаться с ними даже при помощи мимики или жестов. После того как у меня, очень общительного по природе, действительно пропало желание говорить, я понял, что внутренне готов к полному отказу от общения с людьми. И действительно, еще через несколько дней я настолько ушел в себя, что перестал замечать окружающих. Я скользил взглядом по окружающему миру, не фиксируясь ни на чем, что не являлось для меня жизненно важным, например, на потоке машин, когда я переходил через улицу. Все, что я видел, мгновенно стиралось из моего сознания, как стирается изображение с засвеченной пленки.

Затем наступил самый сложный этап тренировок. Я заранее договорился с одним из своих учеников, что он поможет мне на время превратиться в настоящего отшельника. У этого ученика был небольшой частный дом недалеко от Симферополя, и он жил там один. Во дворе дома располагалась маленькая времянка, приспособленная для жилья. В нижней части двери времянки был сделан специальный вход для собаки в виде плотной резиновой шторки. Ученик обещал мне каждый день, не открывая дверь, ставить внутрь через вход для собаки подносы с едой и питьем, и точно так же забирать их обратно, ни в коем случае не пытаясь открыть дверь или войти со мной в контакт.

Тренировки во времянке я начал с возведения стены неслышания. Освоив неслышание, я перешел к полному невидению. Чтобы облегчить себе задачу, на первых порах я плотно затыкал уши и завязывал глаза, приучаясь жить в полной темноте. Жизнь без звука и света оказалась странной, непривычной и очень неприятной. На первых порах меня терзала невыразимая скука. Я учился жить как слепой. Я принимался к запахам, развивал чувствительность пальцев, отчасти компенсируя недостаток информации тактильными ощущениями. Вскоре я изучил наощупь каждый уголок времянки. По запахам я безошибочно определял, где находится дверь, где окно, где кровать, а где стоят подносы с едой.

Чтобы окончательно не сойти с ума от скуки, я постоянно что-то делал – массировал тело, двигался, катался по полу. Постепенно я свыкся со своим состоянием слепого и глухого. В конце концов я научился при помощи волевого усилия полностью уходить внутрь, и внутренний мир заменил мне мир внешний. Я слышал музыку, со мной разговаривали какие-то странные голоса, передо мной проходили невероятно яркие, кажущиеся совершенно реальными картины, напоминающие сновидения наяву. Тогда я понял, что уже готов отказаться и от обоняния, и от тактильных ощущений.

Я перестал двигаться. Я просто лег на кровать на правый бок, и все бесконечно тянувшееся время посвятил осознанию своего «я», входя в контакт с основным внутренним стражем, позволяющим мне поддерживать контакты с жизнью и с самим собой (Ли когда-то определил осознание собственного «Я» как общение с основным стражем).

По мере того как связь с основным стражем усиливалась, музыка, голоса и зрительные образы отступали на задний план, и наконец они полностью исчезли. Я погрузился в странное состояние полной отрешенности от всего и в то же время удивительной полноты. Казалось, что в этот момент я стал самым собой. Я был совершенно один. В этом мире больше ничего не существовало, да и мира, как такового, тоже не было. Я стал замкнутой в себе точкой, возможно такой, какой была вселенная до того, как непонятно какой силой спровоцированный взрыв создал из ничего стремительно разлетающиеся в разные стороны громадные конгломераты раскаленной материи. Пребывая в собственном «Я», я оценил всю прелесть и полноту этого неопишемого состояния, этого абсолютного уединения, когда организму удастся отдохнуть одновременно и от внешнего, и от внутреннего мира. В то же время я, каким-то непостижимым образом, одним махом решил множество тревоживших меня тогда философских проблем. Наверное, не совсем верно было бы употреблять в данном случае слово «решил». Вряд ли бы я сумел сформулировать что-то словами, скорее, я обрел чувство того, что я их решил. Я снова переосознал, что такое вечность, бесконечность, и еще более остро прочувствовал свою связь с этим миром.

Но это осознание пришло ко мне еще до того, как я погрузился в свое «Я». Оно сопровождалось

причудливыми видениями и ярчайшими галлюцинациями, но, возводя все новые стены, в конце концов я избавился и от них.

И вдруг, находясь в полной пустоте, я почувствовал, как в глубине моего «Я» формируется и созревает желание вернуться к привычным ощущениям и ярким краскам окружающего мира, вернуться к полноценной, наполненной впечатлениями жизни. Сначала ожил мой внутренний мир, вернувшись ко мне во всей своей полноте, и я с новой силой осознал невыразимую ценность уникального факта своего рождения на свет.

Потом началось возвращение к внешнему миру, а тело мое возвращалось к жизни. Первым чувством, которое я испытал, было чувство жажды. Тело, казалось, заиндевело. Я не мог пошевелить ни одним мускулом. Долго и мучительно я старался вновь обрести контроль над своими мышцами. Сначала я почувствовал, как вздрогнули веки, потом ощутил пальцы ног и даже смог пошевелить ими. Затем до меня донесся запах. Теперь я знал, где нахожусь и где расположены подносы с едой. Потом я различил запахи стула, стола, обоев. Хотя мои глаза все еще были закрыты, казалось, что я вижу комнату сквозь опущенные веки.

Потом ко мне стали пробиваться звуки. Я продолжал свои попытки двигать мышцами. Возникло странное ощущение, что я невидимыми энергетическими руками «разгребаю» их, как щетки снегоборочных машин разгребают засыпавший улицы снег.

Как только я смог двигать руками, я сорвал повязку с глаз и вынул затычки из ушей. Звуки буквально оглушили меня, и, как ни странно, самым громким и тревожащим оказался звук моего собственного дыхания. Ранее незаметное и едва слышимое, оно вдруг зазвучало как огромный работающий электронасос, с шумом перекачивающий воздух.

На мгновение меня охватил страх, что я ослеп. Несмотря на то что я снял повязку, глаза по-прежнему застилала темнота. Я тут же взял страх под контроль и неожиданно сообразил, что веки у меня все еще были закрыты. Я чуть-чуть приподнял их. Меня продолжала окружать темнота, в которой я обнаружил размытые сероватые полосы тусклого света. Я догадался, что на дворе ночь, а свет пробивается из углов занавешенного окна. Это открытие меня окончательно успокоило. Я широко открыл глаза, и меня удивило, насколько хорошо я видел в темноте. Несмотря на ночь и занавешенное окно, я различал контуры стола, стула и даже подноса с едой, стоящего на полу.

Я провел руками по краю кровати. Казалось, что руки превратились в сверхчувствительный инструмент. Острота и четкость тактильных ощущений были под стать обострившемуся слуховому восприятию.

Жажда напомнила о себе. Чувствительность в мышцах еще окончательно не восстановилась, и я, с трудом спустившись с кровати, на карачках дополз до большой пиалы с водой. Почему-то мне захотелось потрогать воду. Я намочил руки и коснулся ими лица, груди. Влажная прохлада вызвала волну странного озноба, прокатившегося по телу. Я подумал, что младенец, впервые познающий мир в ощущениях, должен так же удивляться непривычности того, что с ним происходит.

Я начал пить мелкими глотками. Я пил, пил и никак не мог остановиться. Опустошив пиалу, я снова наполнил ее из стоящего рядом кувшина и продолжил пить. Меня удивило, как организм может принять такое количество воды. Потом я ощутил голод.

Вкус пищи тоже был непривычным, но я уже почти пришел в себя, и наконец в действие активно включился мыслительный процесс. Я осознал всю важность того, что я только что сделал. Это были не просто упражнения по возведению стен между собой и миром. Они были теснейшим образом связаны со многими психотехниками Спокойных, в частности с упражнениями по модификации чувств, которые Учитель уже показывал мне. Зрение я должен был переводить в слух или в тактильные ощущения, вкус переводился в касание. Подобные техники управления чувствами использовались в качестве вспомогательного элемента в действиях, подразумевающих наличие паранормальных способностей, вроде рассказа по наитию, или при восстановлении целостности картины по какому-то ограниченному кусочку зрительной, слуховой или тактильной информации. Так, с помощью слуха можно было видеть, или можно было чувствовать при помощи зрения.

Когда я выбрался наконец из своего "убежища отшельника", ученик, который носил мне пищу и воду, сказал, что очень тревожился за меня и уже собирался было, несмотря на мой строжайший запрет, открыть дверь и посмотреть, не умер ли я. Оказалось, что, погружаясь в глубины собственного «Я», я пролежал в полной неподвижности три дня, и ученик каждый раз забирал нетронутую пищу и воду, ставя на ее место новый поднос с едой.

Впоследствии опыт "ухода от мира" не раз пригождался мне в моей знахарской практике.

Одна семейная пара из села Доброе обратилась ко мне с просьбой вылечить их единственного сына, с которым творилось что-то непонятное. С одной стороны, казалось, что мальчик страдал от

"задержки развития". Говорить он начал поздно, но, когда заговорил, он делал это чисто и правильно. Создавалось впечатление, что он просто не хотел ни с кем разговаривать. Периодически Женя на долгие часы впадал в задумчивость, ничего не замечая вокруг. Он никогда не смеялся, с большой неохотой откликался на попытки родителей сблизиться с ним и категорически отказывался общаться со сверстниками и посторонними людьми – словом, был типичным "тормозом".

Тем не менее при психиатрических обследованиях семилетний мальчик, видимо инстинктивно понимая, что здесь нужно вести себя по-другому, вел себя как обычный ребенок, без особой охоты, но все же внятно и разумно отвечая на все вопросы, которые задавали врачи, и психиатры не находили у него никаких отклонений.

"Заторможенность" мальчика привела к тому, что родители отказались от мысли послать его в школу и начали заниматься с ним дома. Женя обладал блестящей памятью и хорошим уровнем интеллекта, так что учение давалось ему легко, но его постоянная замкнутость в себе и хроническое нежелание играть или проводить время со сверстниками стали плохо сказываться на его физическом состоянии. Женя слабел на глазах.

Пообщавшись с Женей, я сразу понял, что это типичный случай "ухода от мира". Внутренний мир мальчика давал ему гораздо больше, чем внешний мир, точнее, по каким-то причинам он так и не научился получать удовольствие от взаимодействия с внешним миром. Мальчик на меня почти не реагировал, продолжая пребывать в своей странной отрешенной задумчивости.

Поскольку от постоянного пребывания в пассивном состоянии здоровье ребенка значительно ухудшилось, я решил в первую очередь воздействовать на его организм, повышая общий уровень жизненности. Раз за разом я начал приезжать в Доброе, массируя Женю и всячески стараясь растормошить его. Во время сеанса я непрерывно говорил, пытаюсь привлечь его внимание. Я рассказывал ему о мечтах, о радостях жизни, расспрашивал его о его жизни, о прошлом и о планах на будущее. Я настолько хорошо настраивался на него, что чувствовал его состояние, его холодное одиночество среди высоких стен, которыми мальчик отгородился от пугающего его мира.

Долгое время мои старания не приносили результата. Все, что бы я ни делал. Женя воспринимал со стоической покорностью. Даже когда во время массажа я причинял ему боль, он не протестовал, оставаясь таким же вялым и пассивным. Но я твердо решил довести лечение до конца, тем более что родители мальчика умоляли меня не бросать его, поскольку я был их последней надеждой.

Постепенно Женя стал прислушиваться к моим словам, и наконец настал день, когда я дал ему первый урок рукопашного боя. С этого момента Женя начал включаться в активную жизнь. Насколько я знаю, больше у него не возникало проблем с "уходом от мира".

Глава 13

Среди ночи меня разбудил телефонный звонок. Я в полусне нащупал телефонную трубку и услышал радостный голос Сергея, моего приятеля из Евпатории и большого любителя воинских искусств.

– Надеюсь, я не разбудил тебя? – бодро поинтересовался Сергей

Я взглянул на часы.

– Да что ты! Кто же ложится спать в два часа ночи? Это еще детское время, – зевая во весь рот, пробормотал я.

– Извини, если разбудил, – в голосе Сергея не чувствовалось ни капли раскаяния. – Речь идет о жизни и смерти.

– Нельзя ли поподробнее? – попросил я, мучительно борясь с зевотой.

– Ты должен срочно выехать в Донецк! – сообщил Сергей. – Ты будешь нашим делегатом!

– Делегатом? Каким еще делегатом? – не понял я. Спросонья я плохо соображал, и единственная ассоциация, пришедшая мне на ум в связи с этим словом, была связана с очередным съездом нашей родной и любимой Коммунистической партии.

– Мы посовещались и выбрали тебя, как наиболее достойного, – поспешил обрадовать меня Сергей.

– Неужели? Премного благодарен, – не слишком уверенно отозвался я. – И за что мне такая честь?

Похоже, Сергея начала раздражать моя тупость.

– Ты же отец крымского кунг-фу, – объяснил он. – Вот мы с ребятами посовещались и решили отправить тебя в Донецк. Там появились отличные самиздатовские книги по боевым искусствам, и мы собрали деньги, чтобы ты смог выкупить их.

Автор выражения "отец крымского кунг-фу" применительно ко мне, к сожалению, остался неизвестным, но кто-то прочно запустил его в оборот, и я развлекался, пытаюсь выяснить, что если я отец, то кто же тогда мать.

– А почему ты сам не поедешь? – спросил я. – У меня, как всегда, довольно плотное расписание.

– Говорят, что донецкие рукопашники – весьма своеобразные ребята. Ты можешь быть самым лучшим представителем крымских конфуистов. Нам бы не хотелось ударить лицом в грязь перед дончанами.

– Но ведь нужно всего лишь купить книги, – возразил я. – Мы же не будем устраивать показательные выступления. По крайней мере, я ни с кем драться не собираюсь.

– Конечно, – поспешил успокоить меня Сергей. – Об этом речь и не заходила. Просто мы решили, что было бы лучше, если бы в Донецк поехал ты.

– Ладно, – согласился я. – Пожалуй, я смогу выкроить пару свободных дней.

На самом деле для поездки в Донецк у меня были еще и личные мотивы. Я знал, что в Донецке живет удивительный знахарь, который лечит людей, заточая их на весь период лечения в заброшенных штольнях шахт. Звали этого знахаря Павло, с ударением на последнем слоге.

Я услышал о Павле от другого украинского знахаря по кличке Степняк, живущего на Херсонщине. Степняк был хорошим целителем и очень приятным в общении человеком, но, кроме того, он еще и страстно увлекался воинскими искусствами древности, собирая любую доступную ему информацию, в том числе и про боевые приемы славянских, татарских и прочих народов Советского Союза.

Степняка настолько захватили техники Шоу-Дао, что он был готов щедро делиться со мной любыми рецептами и приемами народной медицины в обмен на тренировки. Когда я приезжал к нему в гости, мы проводили долгие часы, спарингуясь и отрабатывая приемы, а потом, за чаем, он рассказывал мне множество интересных историй о мире знахарей.

До Степняка я, в основном, общался с народными целителями, которые были полностью замкнуты на самих себе, считали свои методики лучшими и уникальными и готовы были зубами и когтями драться с возможными конкурентами за своих пациентов. Степняк был совсем не такой. Как выяснилось, он принадлежал к негласному обществу знахарей, члены которого были разбросаны по всему Советскому Союзу, но тем не менее активно обменивались между собой информацией, лекарственными травами и средствами, а заодно и новыми методиками целительства.

Через Степняка мне удавалось доставать очень редкие травы. К моему удивлению, оказалось, что через того или иного целителя можно было достать лекарственные растения, произрастающие даже в самых удаленных уголках планеты. На наших азиатских границах все годы Советской власти процветала контрабанда лекарственных трав, и тюки с сырьем на спинах носильщиков доставлялись через горы из соседних государств.

О донецком целителе я узнал случайно. Одна моя знакомая просила меня помочь ей вылечиться от тяжелого хронического заболевания легких, но, поскольку у меня не было времени и возможностей серьезно заняться ее лечением, я обратился к Степняку, надеясь подкинуть пациентку ему.

– Это не для меня, – покачал головой Степняк. – Есть другой знахарь. Он ее быстрее вылечит. Ее надо к Павлу отправить, – с ударением на последнем слоге сказал он.

– А кто такой этот Павел? – заинтересовался я.

– Не Павел, а Павло, – поправил меня Степняк. – Это уникальный целитель. Конечно, характер у него тот еще, не позавидуешь, но лечит здорово. Такого больше никто не делает.

– А как он лечит? – спросил я.

– Шахтами, – ответил Степняк. – Он запирает человека в заброшенную штольню и там издевается над ним как может, – заставляет его голодать и выполнять различные процедуры, подвергает психическому и физическому насилию, в общем чего только не вытворяет. Иногда он запирает больного на две недели, а то и на месяц в полной темноте, или при слабом свете. В зависимости от заболевания, стены келий, в которых живут больные, он выкладывает разными минералами, в частности каменной солью.

– И это срабатывает? – с сомнением спросил я. – Звучит все это немного устрашающе. Неужели люди идут к нему?

– Еще как! – воскликнул Степняк. – У Павла все срабатывает. Он говорит, что невыносимые условия, которые он создает, обостряют защитные силы организма и организм под влиянием дополнительного стресса в конце концов излечивается. Отправь к нему свою легочную больную. Уверен, что она выздоровеет.

Мне сразу захотелось своими глазами посмотреть, как лечит этот загадочный дончанин с плохим характером. Но, к сожалению, у меня не было ни времени, ни денег, чтобы специально для этого отправиться в Донецк.

И вот теперь я надеялся встретиться с этим странным целителем, договориться с ним о лечении моей знакомой и, возможно, даже посмотреть на его шахты и процедуры.

Наутро я позвонил своим знакомым из Комитета Госбезопасности, и они помогли мне купить билет на поезд, отправляющийся в Донецк вечером того же дня. Наученный горьким опытом предыдущего общения с иногородними любителями восточных единоборств, я дал себе слово не устраивать никаких учебно-показательных спаррингов, поскольку подобные затеи обычно быстро переходили с учебного плана на уровень: "а ну-ка, козел симферопольский, посмотрим, кто круче".

Удобно устроившись на верхней полке, я почти с ностальгической нежностью вспоминал период, который я мог бы назвать своей юностью в мире боевых искусств. Хотя с тех пор прошла всего лишь пара лет, я, под влиянием Учителя, настолько изменился, что иногда мне казалось, что я повзрослел на целую жизнь, и слово «юность» для меня в определенном смысле стало синонимом хотя и восхитительной, но все же глупости, избытка гормонов и наивного романтизма.

В книге "Тайное учение даосских воинов" я уже упоминал об Эльюнси Мухаммеде по кличке «Мишель». Он был подданным Туниса и учился в Симферопольском медицинском институте. Эльюнси был хорошим специалистом рукопашного боя, но при этом крайне неприятной личностью.

Мишель обладал способностью оказывать психологическое воздействие на окружающих и широко этим пользовался, подчиняя своей воле учеников до такой степени, что они делились с ним даже своими женами.

До встречи с Учителем меня очень интересовала техника рукопашного боя Мишеля, но отношения с ним у меня не сложились – то ли он интуитивно чувствовал во мне соперника, то ли понимал, что манипулировать мной было не так просто, как другими, и я не мог учиться непосредственно у него.

Однако я не сдавался и решил заслать к нему шпиона – одного из моих приятелей и учеников. Выбор пал на Костю Потлатова – студента мединститута, и нам даже удалось сделать так, что в конце концов Костю подсадили в комнату Эльюнси.

Первое время Костя честно работал на "нашу разведку", принося новые сведения о тренировках Мишеля и о его боевых техниках, но мы не учли один очень важный фактор – влияние жесткой и жестокой личности Эльюнси на ученика.

Мишель полностью подчинил себе нового соседа по комнате, так что Потлатов с рабской покорностью выполнял все его указания. Наши общие знакомые рассказывали, что он взял на себя все заботы по хозяйству, убирал комнату, застилал Эльюнси постель и готовил ему еду. Если Мишелю казалось, что Костя недостаточно расторопно выполняет его поручения, он даже прибегал к физическому наказанию в виде нескольких сиккенов⁶ в различные части тела. Постепенно Потлатов перестал общаться со мной и со своими прежними друзьями, а если мы случайно встречались, он восхвалял мудрость и силу своего нового наставника почти на уровне культа личности.

Меня это не волновало, поскольку я уже начал обучение у Ли и, в сравнении с учением Спокойных, техники Мухаммеда потеряли для меня свою привлекательность.

Примерно через год обучения у Эльюнси Потлатов решил доказать превосходство его школы, вызвав на поединок моего приятеля и ученика, Семена, которому я показывал многие техники Шоу-Дао.

Я уже упоминал о Семене в книге "Тайное учение даосских воинов". Он был одним из кандидатов в мои напарники, которого отверг Ли, сказав, после беглого взгляда на него, что у этого человека слишком огненная воля и что на короткое время он может быть верным другом, но он не способен стать хорошим партнером, поскольку у него непомерная жажда самоутверждения и жесткая, всепоглощающая целеустремленность.

Учитель, как всегда, оказался прав. Я сдуру рассказал как-то Семену о том, что Ли не согласился сделать его моим напарником, предпочтя ему Славика, и с тех пор наши отношения дали трещину. Я чувствовал, что Семен так и не смог простить мне отказа, в котором я ни капельки не был виноват. Однако в то время мы еще активно тренировались вместе, и, когда Семен сообщил мне, что Потлатов предложил ему драться с ним и с еще одним представителем школы Эльюнси, я не одобрил этого, понимая, что ничего хорошего из подобной затеи не выйдет, но мой приятель, как всегда, шел напро-

---

⁶ Разновидность удара рукой.

лом, не желая показаться трусом.

Мишель со своими учениками встретился с Семеном в одном из спортзалов Симферополя. Судить поединок должен был некто Пожарский, человек, влюбленный в боевое искусство и изучавший рукопашный бой как у меня, так и у Мишеля. Я относился к этому человеку с искренним уважением, поскольку он, начав изучать воинские искусства в возрасте около сорока лет и находясь почти на грани инвалидности, в относительно короткий срок превратился в сильного спортсмена.

Незадолго до того, как Пожарский начал заниматься кунг-фу, он был вынужден даже продать свою любимую «Волгу» вишневого цвета из-за того, что он начал терять сознание за рулем, но через несколько лет упорных тренировок он, не останавливаясь, мог взбежать на Чатырдаг. В то же время Пожарский стал жертвой характерной для многих рукопашников жажды проверять себя и окружающих через боль, через поединки в полный контакт, ставящие бойца на грань жизни и смерти.

Семен наивно полагал, что его ожидает обычный бесконтактный поединок или спарринг в неполный контакт по стандартным правилам. Однако, когда Эльюнси заявил, что ему предстоит драться в полный контакт с каждым из его учеников до потери сознания, Семен из гордости уже не мог отказаться.

Своего первого противника он уложил через несколько секунд молниеносным ударом в челюсть. Нокаут был настолько мощным, что у ученика Мишеля пошла изо рта кровавая пена и он пришел в сознание лишь спустя несколько минут, но еще долго не мог восстановить координацию движений.

Теперь Семену предстояло драться с Потлатовым. Пожарский, обеспокоенный слишком суровым исходом предыдущего поединка, начал активно вмешиваться, пытаясь предотвратить серьезное увечье или даже смертельный исход.

Дважды он помешал Семену нанести решающий удар, перехватывая его руку или блокируя удар ногой. Каждый раз судья взывал к разуму Эльюнси, умоляя его прекратить поединок, но Мишель хладнокровно продолжал посылать своего ученика на убой.

Наконец удар Потлатова разбил Семену губы и подбородок. Кровь хлестала с такой силой, что было необходимо наложение швов. Только тогда Мухаммед прекратил поединок, громогласно заявив о решающей победе своей школы.

На самом деле Семену крупно повезло, потому что, если бы он вырубил и Потлатова, ему пришлось бы драться с самим Эльюнси и тут ему действительно пришлось бы туго.

Я вспоминал этот случай и многие другие нелепые "смертельные схватки", в которые по чистой глупости ввязывались мои знакомые рукопашники, и дал себе слово любой ценой избегать в Донецке подобных приключений.

Сойдя с поезда, первым делом я решил направиться к Павлу.

Знахарь жил в небольшой двухкомнатной квартире в блочном доме. Открыв дверь в ответ на мой звонок, он окинул меня мрачным и подозрительным взглядом.

Я улыбнулся как можно доброжелательнее и объяснил, что я от Степняка, что я сам увлекаюсь целительством и пришел поговорить о моей знакомой, которая хотела бы лечиться у него.

Похоже, Павло колебался, впускать меня или не впускать, но, видимо, имя Степняка сделало свое дело, и он с видимой неохотой приоткрыл дверь, кивком головы пригласив меня зайти. Квартира была грязная, захламленная, темная и унылая. Я подумал, что чем-то она напоминала шахту.

– Что там за пациентка у тебя? – сразу перешел к делу целитель. Я объяснил.

– Ладно, присылай, – мрачно буркнул Павло. – Вылечим.

Он бросил на меня неприязненный взгляд, давая понять, что время аудиенции закончилось. Я уже понял, что увидеть шахты мне не светит, но надеялся вытащить из неразговорчивого целителя еще какую-нибудь информацию.

– Извините, если я отнимаю у вас время, – сказал я, – но Степняк говорил, что вы единственный в своем роде. Не могли бы вы немного рассказать мне о том, как вы лечите?

– А что я? Шахта лечит! – буркнул Павло.

Я сделал еще пару безуспешных попыток вытянуть что-либо из неразговорчивого дончанина, но, кроме отрывистых "шахта лечит" или "шахта вылечит", мне так больше ничего не удалось из него выжать.

Почему-то стиль его речи вызывал у меня устойчивую ассоциацию с неожиданно пришедшей на ум фразой "могила тебя исправит".

Забегая вперед, я упомяну, что все-таки послал к Павлу мою знакомую, честно рассказав, что процесс излечения будет не слишком приятным. Однако у нее хватило смелости отправиться в шахту, и действительно, Павло, как и обещал, вылечил ее.

Но несмотря на то, что болезнь отступила, похоже, что общение с целителем стало для этой женщины сильным шоком, вплоть до психической травмы. У нее заметно испортился характер, она стала угрюмой и нелюдимой. Как говорится в пословице: "одно лечит, другое калечит".

От Павла я отправился по адресу, который мне дал Сергей, и встретился с группой любителей боевых искусств. Избегая разговоров о себе, я рассказал об иностранных студентах, живущих в Симферополе и владеющих разными стилями боя.

Я закупил всю имеющуюся в наличии самиздатовскую литературу по боевым искусствам, выполнив таким образом задание общественности. Пришло время возвращаться в Крым.

Я находился в гостиничном номере, упаковывая свои вещи, когда меня охватило специфическое чувство преследования. Я сам не понимал, из-за чего оно возникло, но я был уверен, что за мной следят.

Я вышел из номера с большой дорожной сумкой из кожаменителя, на которой красовалась эмблема чемпионата Европы по дзю-до – два белых равнобедренных треугольника с венчающими их сверху белыми кругами, видимо символизирующими головы борцов.

Я несколько раз осматривался вокруг, пытаюсь обнаружить преследователей, и, хотя ничего подозрительного не заметил, ощущение опасности не оставляло меня. Основываясь скорее на интуиции, чем на реальных фактах, я решил, что вряд ли в этот раз за мной следят правоохранительные органы или бандиты. Скорее всего, это были местные «сенсеи», решившие «проверить» приезжего.

На вокзале я убедился, что мои подозрения были обоснованы. За мной следили два крупных, хорошо физически развитых парня. Делали они это не слишком профессионально, то ли стараясь напугать меня, то ли боясь потерять меня из виду. Я понял, что, скорее всего, они были в гостинице, когда я почувствовал их присутствие, но затем, зная, что я собираюсь на вокзал, они встретили меня уже здесь.

Сделав вид, что я их не заметил, я отправился в мужской туалет, расположенный в конце платформы. Как и большинство советских привокзальных туалетов, он не блистал особой чистотой. В середине выщербленного кафельного пола красовалась огромная зловонная лужа, дверь в одну из кабинок была выбита, и ее покосившийся край упирался в бортик грязного унитаза.

Я зашел в туалет, сняв сумку с плеча и держа ее на весу, а следом за мной вошла дружная парочка амбалов. Один из них остановился сбоку от меня, другой постарался зайти за спину, но я развернулся таким образом, чтобы контролировать их перемещения.

– Это что за ерунда нарисована у тебя на сумке? – поинтересовался тот, что сбоку, в типичном стиле: "ты козел, – за козла ответишь".

Я промолчал.

– Чемпионат Европы по дзю-до, – продемонстрировал свою грамотность другой. – Ишь ты, дзюдоист выискался.

Я подумал, что для некоторых людей необходима пусть небольшая, но преамбула для начала военных действий. Я не нуждался в преамбулах. Не собираясь ввязываться в дискуссию, я слегка развернулся и левой ногой ударил в пах парня, стоящего у двери. Он взвыл и согнулся, сделав шаг вперед, и в этот момент я швырнул сумку с книгами в дверной проем, чтобы она во время драки не упала в нечистоты и моя бесценная самиздатовская литература не промокла.

Сумка была тяжелой, мое движение оказалось неловким, и это спасло меня от мощного и резкого удара ногой по дуге типа маваши. В момент, когда мой второй противник выполнил этот виртуозный удар, я как раз поскользнулся и, пытаюсь сохранить равновесие, уцепился за оторванную дверь.

Удар пришелся точно в косяк двери буквально в миллиметре над моей головой, и амбал с душераздирающим воплем ухватился за разбитую голень.

Я восстановил равновесие и, вытянувшись в струнку, что было силы врезал ребром стопы по колену пока еще целой ноги, на которой он стоял.

Потеряв равновесие, виртуоз ударов ногами шлепнулся в лужу мочи.

Его приятель, еще не отошедший от удара в пах, согнувшись, глотал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Я сделал к нему широкий шаг и ударил его локтями в области спины и поясницы. Описав небольшую дугу, он с размаху плюхнулся на своего приятеля, катающегося в нечистотах.

Быстрым шагом выйдя из туалета, я подхватил сумку и, внимательно осмотревшись вокруг, бегом пересек железнодорожные пути и спрятался за товарным поездом, присев на подвеску одного из его вагонов. Я не хотел идти в зал ожидания, подозревая, что там меня могли ожидать новые неожиданности.

Со своего наблюдательного пункта я мог наблюдать за парочкой, которая, выбравшись из туалета, хромая, продефилировала по платформе к выходу.

Против обыкновения, я занял свое место в поезде в последнюю минуту перед отправлением. Когда поезд тронулся, я с облегчением вздохнул.

Сергей встретил меня на платформе, пылая энтузиазмом. Мы отошли в укромное местечко, и он, присвистывая и причмокивая от восторга, осмотрел сокровища самиздата, которые я извлек из сумки.

– Я прямо сейчас отнесу все к приятелю, который размножит книги на всю компанию, – сообщил он. – Ну как, тебе понравилось в Донецке?

– В следующий раз делегатом поедешь ты, – не вдаваясь в подробности, отмахнулся я.

Встретившись с Ли, я первым делом рассказал ему о встрече с Павло и посетовал на то, что так и не смог увидеть, как именно лечит донецкий целитель.

– У тебя уже был подобный опыт, – заметил Учитель. – Конечно, речь не идет о деталях, но идея заключается в помещении больного в ограниченные замкнутые объемы. Разве ты забыл, как ты выполнял медитативные упражнения в ограниченных пространствах?

– Ты имеешь в виду медитации в гроте? – спросил я.

– И их тоже, – сказал Ли.

О гроте, расположенном недалеко от Партизанского водохранилища, я уже упоминал на страницах книги "Тайное учение даосских воинов". Целью медитаций, которые я выполнял в гроте, было повышение защитных сил организма. Грот был на удивление уютным, хотя и небольшим. За узким отверстием в скале скрывалась маленькая овальная пещера. Лучи солнца, падающие через входное отверстие, нагревали камень, и на нем было тепло сидеть, но в то же время верхняя часть моего тела находилась в тени. Я чувствовал, что грот окутывает меня, как уютный и надежный кокон. Возможно благодаря этому, в гроте ко мне особенно быстро приходило измененное состояние сознания через специфическое ощущение тела, частично замкнутого в каменный мешок.

– Значит, мои медитации в гроте были сродни тому, что делает Павло со своими пациентами? – спросил я.

– В том, что касается воздействия на человека замкнутыми пространствами, да, – ответил Учитель. – Человек, находящийся в замкнутых пространствах специфической конфигурации, невольно начинает накапливать защитную энергию. Энергия, исходящая от его тела, отражаясь от мощных каменных стен, возвращается обратно, создавая вокруг тела энергетический слой повышенной плотности. Организм начинает восстанавливаться и запасать на будущее излишки энергии. Поскольку разные минералы по-разному взаимодействуют с энергетикой человеческого тела, выкладывая стены пещеры нужными минералами, Павло добивается дополнительного эффекта в лечении тех или иных заболеваний.

Мы с тобой уже успели изучить множество техник, которые могут использоваться в том числе и как лечебные. Эти техники связаны с лечением местностью. На самом деле почти любое воздействие на человека может лечить, если это воздействие правильно направлено и правильно организовано. Лечит движение, лечит дыхание, лечит покой, лечит стресс, лечит местность, лечат открытые или, наоборот, закрытые пространства, лечит одиночество и лечит общение, лечат травы, лечат минералы, и так далее. Твоему донецкому знахарю, очевидно обладающему блестящей врачебной интуицией, удалось создать свой собственный метод, отвечающий склонностям его мрачноватой и замкнутой личности, и этот метод оказался эффективным. Но не стоит слишком страдать оттого, что ты не изучил технику Павло. У тебя в любом случае нет условий для ее применения, и у тебя нет склонности к психологическому и физическому садизму в обращении с больными. Ты просто лишь раз убедился в том, что арсенал лечебных воздействий, изобретенных человечеством, удивителен и необычайно обширен. Ты сам уже обладаешь достаточным количеством информации, чтобы не копировать других целителей, а с успехом прокладывать свой собственный путь.

Глава 14

Несмотря на то что я неоднократно добивался успеха в лечении самых различных заболеваний, иногда случалось, что результаты лечения удивляли даже меня самого. Особенно это касалось некоторых даосских техник, которые в глубине души я относил уже к области чистой магии, поскольку не мог подобрать никакого более или менее научного объяснения происходящему.

Одна семейная пара обратилась ко мне по поводу бесплодия. Лена и Стас знали меня давно, и вначале Лена просто посетовала на то, что, несмотря на страстное желание иметь ребенка, у них ни-

чего не получается.

Лена объяснила, что прошла полное медицинское обследование, и врачи сказали, что у нее все в порядке и нет никаких видимых причин, чтобы она не могла иметь детей.

Поскольку разговор об этом зашел случайно, я, не слишком задумываясь о своих словах, брякнул:

– Бесплодной не всегда бывает женщина. Возможно, в том, что у вас ничего не получается, виноват мужчина. Может, тебе стоит поискать другого партнера?

Как выяснилось, мою не слишком удачную шутку девушка восприняла всерьез.

Несколько месяцев спустя Лена и Стас попросили меня о встрече.

– Мы последовали твоему совету, но все равно ничего не получилось, – сокрушенно сказал Стас.

– Какому совету? – не сразу сообразил я.

– Как какому? Найти другого мужчину, – спокойно объяснила Лена. – Мы договорились с братом Стаса, что он сделает мне ребенка, я специально подгадывала нужные дни, мы пытались несколько раз, но ничего не вышло. А уж брат-то точно не бесплодный, у него ребенок есть.

– Я тоже ходил к врачам провериться, не бесплоден ли я, – вмешался Стас. – Врачи говорят, что мы оба в полном порядке, и они не понимают, почему мы не можем иметь детей, а не понимая, в чем дело, они, естественно, не могут и помочь нам.

Тут я решился всерьез взяться за лечение. Было ясно, что речь идет о каком-то функциональном нарушении. Я попробовал прижигание и массаж, но это не помогло. Учитель к тому времени уехал на Дальний Восток, и я не мог попросить у него совета. Я принялся ворошить свои конспекты в поисках старинных народных рецептов от бесплодия, но то, что я там находил, вряд ли смогло бы помочь Лене.

Одним из самых оригинальных рецептов было ношение на шее живого скорпиона в холщовом мешочке, подвешенного на уровне солнечного сплетения. Это был китайский рецепт. Страх перед вкусом скорпиона заставлял женщину непрерывно сосредоточиваться на области под мечевидным отростком, которая считалась "сосудом зачатия", и это стимулировало ее способность к зачатию ребенка.

Потом ко мне внезапно пришло воспоминание о том, что когда-то объяснила мне Лин.

– У некоторых женщин бывает холодная матка, – сказала она. – Такие женщины с физиологической точки зрения кажутся совершенно здоровыми, и тем не менее они не могут родить.

– Что означает "холодная матка"? – спросил я.

– Слишком много инь, – объяснила Лин. – Хотя внешне матка здорова, у нее просто не хватает сил для того, чтобы выполнить то, что предназначено ей природой.

– И что нужно делать в таких случаях? – поинтересовался я.

– Облучение луной, – сказала корейка.

– А что это такое?

– Увидишь, когда наступит полнолуние, – улыбнулась моя возлюбленная.

Я поразился своей забывчивости. Как странно, что только сейчас мне пришло в голову, что единственное объяснение происходящего с Леной – это то, что у нее холодная матка.

Я вспомнил ночь полной луны и сказочно прекрасное обнаженное тело корейки с распущенными волосами, озаренное лунным светом. Лин стояла у открытого настежь окна времянки.

– Когда нет туч, я каждое полнолуние выполняю облучение луной, – объяснила мне Лин. – Луна настраивает циклы женщины, согревая ее естество, поэтому купание в лунном свете исключительно полезно для женщин любого возраста. А если женщина страдает какими-то женскими расстройствами, то прежде, чем начинать лечение, ей нужно провести несколько полнолуний наедине с луной. Тогда, может быть, и лечение не понадобится.

– А что ты делаешь, общаясь с луной? – спросил я.

– В принципе, можно даже вообще ничего не делать, а просто подставлять тело лунному свету или спать в лунных лучах. Но гораздо эффективнее дышать лунным светом. Это стандартная медитация, сопровождаемая мыслеобразом того, что ты вдыхаешь лунный свет и он равномерно растекается по твоему телу, наполняя его силой луны, насыщая его луной. Можно представить, что лунные лучи пронизывают твоё тело насквозь, как если бы ты был привидением, или можно уже на интуитивном уровне выполнять еще какие-либо изобретенные тобой техники.

Конечно, в глубине души у меня сохранялись сомнения в том, что облучение лунным светом может оказаться достаточным для излечения от бесплодия, но поскольку других идей у меня в данный момент не возникало, я посоветовал Лене в течение нескольких месяцев каждое полнолуние об-

лучаться и дышать лунным светом.

Месяца полтора спустя, когда я пришел домой, мама протянула мне записку.

– Тут какой-то парень приходил, – сказала она. – Принес тебе два мешка разносолов, спирт, окорока, говорит, что даже не знает, как тебя благодарить. Что ты ему такое сделал?

Я развернул записку и прочитал:

Я назову нашего сына твоим именем.

Стас.

– Пожалуй, ему стоило бы поблагодарить не меня, а луну, – улыбнувшись, сказал я.